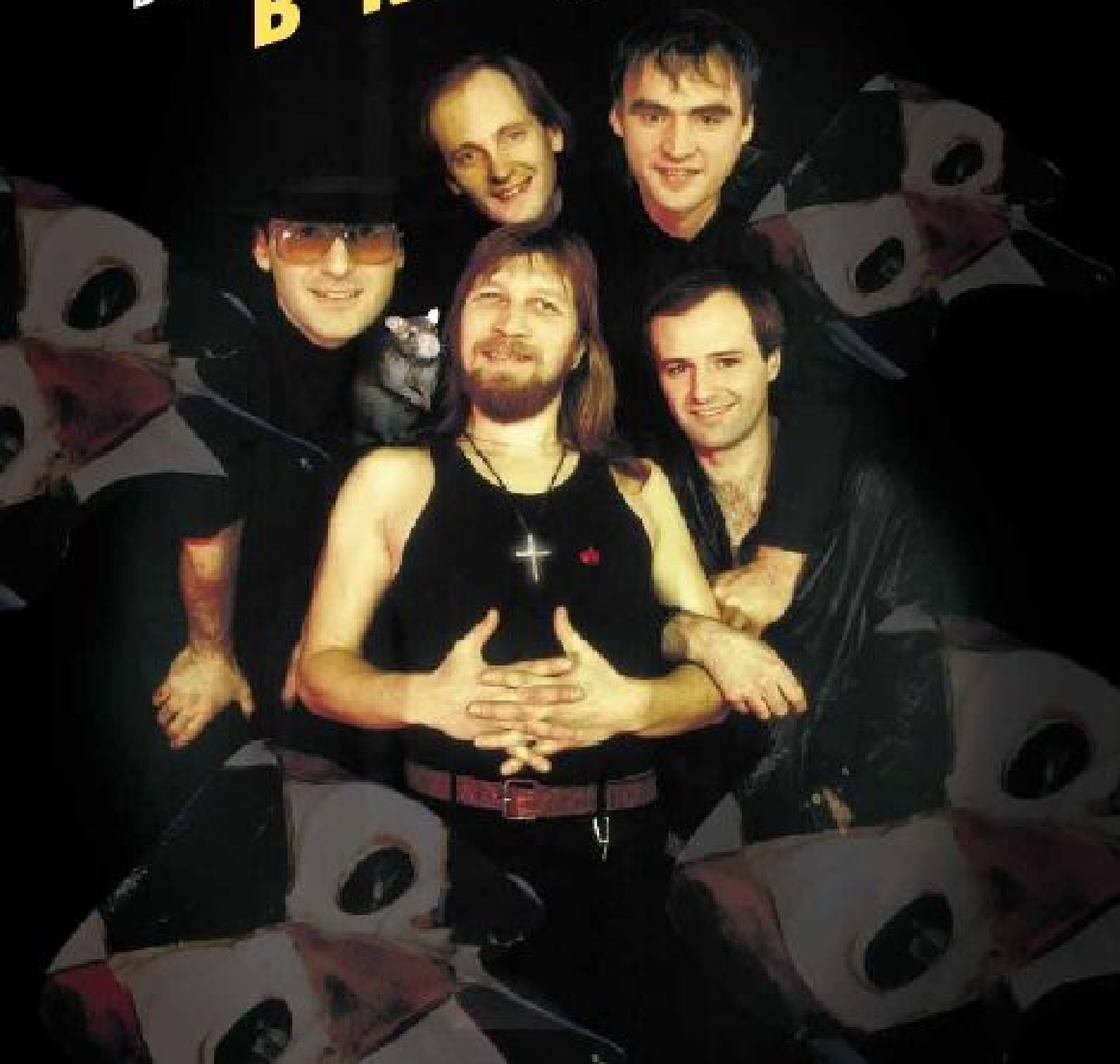

ЖИЗНЬ
Виктор Троегубов
В "КРЕМАТОРИИ"
...и вокруг него

Annotation

Эта книга - увлекательная летопись группы "Крематорий", а огромное количество подробностей и до настоящего дня неизвестных страниц жизни группы делают издание почти энциклопедическим.

- [Виктор Троегубов](#)
  - [Предисловие автора](#)
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [СКУПАЯ, НО НЕОБХОДИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ О СОЗДАНИИ ЭТОЙ КНИГИ](#)
  - [«НЕВИННЫЕ МЕМУАРЫ»](#)
    - [КАК МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ](#)
    - [«АТМОСФЕРНОЕ ДАВЛЕНИЕ»](#)
    - [ПЕРВЫЙ БЛИН](#)
    - [«КРЕМАТОРИЙ»: «ВИННЫЕ МЕМУАРЫ»](#)
    - [«КРЕМАТОРИЙ»](#)
    - [АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ](#)
    - [ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ДЕБЮТ](#)
    - [НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ](#)
    - [ВЕЧЕРА НА РЕЧНОМ](#)
    - [АЛКОГОЛЬ](#)
    - [БЕССВЯЗНАЯ ГЛАВА](#)
    - [ПОСЛЕДНЯЯ ПОДЛЯНКА МАРШАЛА УСТИНОВА](#)
    - [ТЕАТРАЛЬНАЯ ЭПОПЕЯ, ИЛИ «АРЛЕКИНЫ» В АРМЕНИИ](#)
    - [НА РУБЕЖАХ «ИЛЛЮЗОРНОГО МИРА»](#)
    - [ОДНОСЛОЙНАЯ ЧЕРНУХА](#)
    - [КРИЗИС](#)
    - [ВОЗВРАЩЕНИЕ](#)
    - [ЗАПРЕЩЕН К ДОМОНТИРОВАНИЮ](#)
    - [ВИТЯЗИ В ЗАЙЦЕВОЙ ШКУРЕ](#)
    - [FINAL CUT \(ПОСЛЕДНЯЯ ЖАТВА\)](#)

■ ЭПИЛОГ

- Интервью с Д. Бродкиным, первым директором “Крематория”
- “Крематорий” в 1988 – 90 гг. (интервью Григоряна)
- Группа “Дым” и ее жизнь в 1988 – 90 гг.
- Из книги Александра Кушнера «100 магнитоальбомов советского рока».
- НЕВИННЫЕ МЕМУАРЫ (часть II).
  - Глава I. «ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ»
  - Глава II. «КРЕМАТОРИЙ – 91»
  - Глава III. ГОЛЛАНДСКИЕ ТЮЛЬПАНЫ – НЕ ДЛЯ ВСЕХ
  - Глава IV. «ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ»
  - Глава V. «МНОГО ШУМА ПОЧТИ ИЗ НИЧЕГО»
  - Глава VI. «КИРОВ – ИРКУТСК – ТРАНЗИТ», ИЛИ «СИБИРСКАЯ ЗАТРАВКА»
  - Глава VII. «В БОРЬБЕ ОБРЕТЕШЬ ТЫ ПРИЗВАНЬЕ СВОЕ...»
  - Глава VIII. «ШАБАШ В ОЛИМПИЙСКОМ»
  - Глава IX. «ПОКОРЕНИЕ» СИБИРИ
  - Глава X. СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ
  - Глава XI. ПЕРВЫЙ КЛОЧОК БУДУЩЕГО ОБЛАКА
  - Глава XII. РАЗМЫШЛЕНИЕ О «КРЕМАТОРИИ 91 – 94»
  - Глава XIII. ХАРЬКОВ
  - Глава XIV. КАК ПОВСТРЕЧАТЬ ТАМБОВСКОГО ВОЛКА ?
  - Глава XV. АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «КРЕМАТОРИЙ»
  - Глава XVI. ПОКОРЕНИЕ ЦЕЛИНЫ
  - Глава XVII. ИЗ «ПОЧТИ ЕВРОПЫ» В СЕВЕРНУЮ ПРОРУБЬ
  - Глава XVIII. ВИНО ВМЕСТО ВОЙНЫ

- [Глава XIX. ПЕРВЫЙ ПОДХОД К «ДВОЙНОМУ АЛЬБОМУ»](#)
- [Глава XX. МОСКВА – ПЕТЕРБУРГ.](#)
- [Глава XXI. ПОСЛЕ «САДИЗМА»](#)
- [Глава XXII. ПУШКИНА В ОБЛАКАХ С «КРЕМАТОРИЕМ».](#)
- [Глава XXIII. «КВАРТИРНИК» В «ИНТУРИСТЕ»](#)
- [Глава XXIV. ТУЛЬСКИЕ СТРАДАНИЯ ПО ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ](#)
- [Глава XXV. ОТВЯЗЫ НА ПОДСТУПАХ К «ДВОЙНОМУ АЛЬБОМУ»](#)
- [Глава XXVI. О ВРЕДЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ВЪЕЗДА В ГОРОД](#)
- [Глава XXVII. РЕАЛИЗМ В СТУДИИ ИМ. ГОРЬКОГО](#)
- [Глава XXVIII. ВОРОНЕЖ 1987 – 1993](#)
- [Глава XXIX. ВОПРОС О ТИРАЖЕ «ДВОЙНОГО...»](#)
- [Глава XXX. ФЕСТИВАЛЬ](#)
- [Глава XXXI. ПЕНИЕ И СВЕДЕНИЕ](#)
- [Глава XXXII. ВОЛОГОДСКАЯ ЭПОПЕЯ, ИЛИ ДОЛГИЙ ПУТЬ В СЕВЕРОДВИНСК](#)
- [Глава XXXIII. ВЫХОД «ДВОЙНОГО...»](#)
- [Глава XXXIV. НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ](#)
- [Глава XXXV. НА КАЧЕЛЯХ СУДЬБЫ](#)
- [Глава XXXVI. «ЖЕМЧУЖИНА У МОРЯ»](#)
- [Глава XXXVII. «АКВАРИУМ» «КРЕМАТОРИЙ»: СИБИРСКИЙ ТУР](#)
- [Глава XXXVIII. ОРГАНИЗАЦИЯ «ДЕСЯТИЛЕТИЯ»](#)
- [Глава XXXIX. ВКЛАД В ДЕЛО ДЕМОКРАТИИ?](#)
- [Глава XXXX. ПОСЛЕДСТВИЯ ПУТЧА ДЛЯ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ГРУППЫ](#)
- [Глава XXXXI. «КРЕМАТОРИЙ». 10 ЛЕТ](#)
- [Глава XXXXII. ОБВИНЕНИЯ](#)
- [Глава XXXXIII. ТОЛЬЯТТИ – КАЛИНИНГРАД – МОСКВА](#)

- [Глава XXXXIV. «ТАЦУ»](#)
- [Глава XXXXV. «НОВЫЕ ЗАКОНЫ»](#)
[КЛАССИЧЕСКОГО ТАНГО](#)
- [Глава XXXXVI. РАЗНОЕ](#)
- [Глава XXXXVII. СКАНДАЛ, ЕЩЕ СКАНДАЛ](#)
- [Глава XXXXVIII. ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО](#)
[ДИРЕКТОРА](#)
- [Глава XXXXIX. КУПЕЙНЫЕ СТРАСТИ](#)
- [Глава L. ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

- [notes](#)
    - [1](#)
-

Виктор Троегубов

**Жизнь в «Крематории» и
вокруг него**

Предисловие автора

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здравствуй, уважаемый почитатель творчества московской группы «Крематорий»! Мы уже давненько не виделись с тобой – можно сказать, что свой последний концерт в составе этой группы я отыграл 14 октября 1993 года на «Десятилетии «Крематория» в ДК им. Горбунова, хотя весной 1994 года состоялось еще несколько гастрольных выступлений «Крематория» при моем участии в Луганске, Питере и Екатеринбурге. Два года спустя, в ноябре 1996 года, на фирме «Мороз Рекордз» вышел мой второй сольный альбом – «Мастер снов» («раскручивать» который я не собирался), и с этого момента я перестал концерттировать, фактически «завязав» с музыкой...

За пять прошедших с момента нашего расставания лет я не только не встречался с Григоряном, но и не сказал публично ни одного слова по поводу его персоны или группы «Крематорий». Мне казалось, что, покинув группу, а вскоре и рок-сцену вообще, я наконец-то перестану восприниматься своим соавтором по созданию «Крематория» в качестве некоего конкурента, тем более что все наши отношения – и человеческие, и творческие – остались в прошлом. Однако не тут-то было! Армен, видимо, до сих пор не может что-то поделить со мной, да и со многими прошедшими через «Крематорий» людьми. Ему мало того, что материальные плоды общего труда участников первых составов группы он сегодня пожинает в одиночку. Ему мало того, что из всех них только он один остался в настоящем и будущем «Крематория». Он хочет изменить и прошлое, а точнее – по своему сценарию переписать историю группы «Крематорий», **историю не только его, но и нашей жизни...**

Вы спросите: «Как можно изменить историю?».

Очень просто. Надо найти журналиста, который с твоих слов напишет нужную версию событий...

...В апреле 1997 года мне позвонила некая девушка Лада. Она почему-то решила, что сможет написать книгу про «Крематорий», хотя знала об этой группе очень мало, гораздо меньше любого крематорского фана. Но это нисколько ее не смущало, и уже через полгода она сварганила весьма объемную рукопись. В этой «книге» порой игнорировались реальные события, зато во главу угла легли бредовые фантазии и просто ложь.

Чтобы не быть голословным, приведу для примера цитату: «...Григорян вспоминает, как однажды весь вечер пропьянствовал с героем Советского Союза майором Аушевым...». Прочитав данный фрагмент, я перезвонил Ладе и рассказал ей следующее: «Действительно, когда однажды мы с Григоряном находились в ресторане ВТО, я обратил внимание Армена на частенько мелькавшего по ТВ героя афганской войны Руслана Аушева, сидевшего в компании через пару столиков от нас. Но вряд ли подобную встречу людей в ресторане (не за одним столом) можно охарактеризовать словами «весь вечер пропьянствовали вместе»! Стоит ли публиковать вранье, тем более что касается оно нынешнего президента Ингушетии?».

Не задумываясь девушка Лада парировала: «Но ведь так гораздо веселей!».

Думаю, обсуждать объективность и самого автора, и его творения бессмысленно. Да и литературное качество этого сочинения оказалось настолько убогим, что у Григоряна хватило ума не дать хода той книжице. Однако данный «шедевр», с его согласия, лег в основу истории группы, представленной на мультимедийной (CD-ROM) энциклопедии «КРЕМАТОРИЙ. Между Небом и

Землей». Кстати, приведенное выше вранье о «пьянке Григоряна с Аушевым» в этом издании содержится. Но если подобные фантазии позволительны с президентом республики Ингушетия, то – вы догадались – что можно напридумывать про обычного человека...

Совсем недавно я узнал, что очередной бумагомаратель пытается слепить из материалов Лады что-нибудь более удобоваримое. Боюсь, уважаемый ценитель крематорского творчества, что читать ЭТО придется именно тебе. Увы, я не могу помочь тебе ничем, кроме моей книги, которую ты держишь в руках. В ней пересказаны события, предшествующие рождению группы «Крематорий», и подробная летопись той части ее истории, участником которой я являлся, – а это много больше половины!..

При написании этой книги автор не ставил своей задачей достижение каких-либо литературных высот, программой минимум и максимум было **говорить правду, и только правду, ничего, кроме правды.**

СКУПАЯ, НО НЕОБХОДИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ О СОЗДАНИИ ЭТОЙ КНИГИ

Первая часть этой книги, которая называется «Невинные мемуары», написана мной по просьбе редактора легендарного самиздатовского журнала «Контркультура» Сергея Гурьева (впервые опубликована в № 2 этого журнала за 1990 г.). Армен Григорян неоднократно в разговорах с разными людьми отмечал литературные и прочие достоинства данной публикации, и после моего возвращения в «Крематорий» в феврале 1991 года было решено продолжить начатый «Невинными мемуарами» эпопею и издать ее отдельной книгой. К созданию новой книги мы привлекли одного из корифеев отечественной рок-публицистики, а именно – глубокоуважаемую Маргариту Пушкину, написавшая в ту книгу несколько глав...

Наши литературные сходы всегда происходили на квартире Пушкиной. Присутствовали одни и те же: Рита, Армен и я. Всем была понятна необходимость и своевременность такой книги, и на словах наша задача легко осуществлялась. Ведь структура книги не вызывала споров, так как мы хотели, чтобы издание включило ВСЕ ПРО КРЕМАТОРИЙ. Но в течение трех долгих лет рукопись так и не была закончена. Основным препятствием, на мой взгляд, стали бесконечные коррективы Армена. На полученных от меня машинописных листах он вычеркивал мой текст и на полях писал развернутые поправки. Правил он и уже опубликованные «Невинные мемуары». Я спросил его:

– Как можно исправлять уже опубликованное? Что подумают те, кто читал первый вариант, содержащий

противоположное?

– Но ведь ты писал это, будучи вне «Крематория», когда у тебя были свои интересы. Сейчас тыходишь в состав группы, а значит должен переписать все в интересах группы, – заявил мне Армен.

– Я пишу не в чьих-то интересах, а стараюсь беспристрастно рассказать о том, в чем принимал участие!

– Исправить все равно придется, – констатировал он...

Наверно, именно тогда я почувствовал, что таким способом книга не получится никогда. Во-первых, внося его пометки, я не избавлял себя от все новых претензий, которые появлялись у него при каждом очередном прочтении. Во-вторых, я понял, что написать книгу против своей совести не смогу. Но я все еще пытался достичь компромисса:

– Давай сделаем проще. Дадим в книге мою оригинальную версию прямо с твоими пометками!

– Нет, мне так не нравится...

Конец нашим общим книжным планам положило мое второе и последнее расставание с «Крематорием» в мае 1994 года. И первое, что я сделал, когда на глаза мне попались испещренные почерком Армена страницы «Невинных мемуаров»: стер все поправки, вернув рукопись в первоначальный вид. Именно в таком виде мемуары еще дважды печатались в периодических изданиях (журнал «Драйв», газета «Вакансии»), именно в таком виде они впервые публикуются в данной книге.

Во время работы по созданию в 1991 – 1994 г.г. той, крематорской книги, Армен по моей просьбе наговорил на магнитофон краткую историю группы за время, когда я отсутствовал (1988-1990 г.г.). К сожалению, я не имел права использовать данный материал в оригинальном виде; но та глава моей книги, что

посвящена данному периоду, можно сказать, написана по «сценарию» Армена.

Хочу выразить признательность Александру Кушнiru, любезно разрешившему мне использовать главу «Крематорий: «Кома» из своей готовящейся к изданию книги «100 магнитоальбомов советского рока».

Остальные материалы данной книги материализовались за долгие семь лет, с 1991 года по 1998 год. Для того чтобы освежить в памяти события давно минувших дней и уточнить различные детали, я встречался со многими участниками описываемых событий. Хочу выразить всем им признательность за неоценимую помощь и содействие в создании этой книги, а особо поблагодарить: Армена Григоряна (за интервью 1992 г.), Михаила Россовского (за общение по Интернету), Дмитрия Бродкина (за интервью), Сергея «Пушкина» Пушкарёва, Егора Зайцева, Александра «Хирурга» Залдостанова, Андрея «Полковника» Заборских, Ольгу Жигареву, Маргариту Пушкину, Вадима Саралидзе, Михаила Оразова, Игоря Меркулова, Павла Бехтина, Александра «Змея» Портнова, Василия Гаврилова, Михаила Грушина, Андрея Богданова, Владимира Перцева, Александра Кушнина (за главу «Кома»), Александра Волкова (за компьютерную помощь), Игоря Сетунова, Юлию Толмачеву, Олега Абрамова, Кирилла Кальяна, Сергея Хорушева, Анатолия Азанова, Алексея Нешина, Михаила Гольда, Александра Волкова, Владимира Власенко, Сергея Гурьева, Александра Калагова, Максима Деева и Андрея Добрицкого. Отдельное спасибо многочисленным фотографам, профессионалам и любителям, в течение долгих 20 лет снимавшим персонажей моего повествования. К сожалению, смогу перечислить лишь тех из них, кого помню: Михаила Грушина и Анатолия Азанова, Наталью Васильеву и Константина Преображенского, Юрия Чашкина и Игоря Мухина,

Бориса Неймана и Надира Чанышева, Вадима Гурьева и Алексея Нешина, И.Одинцова, а также **Геorgia Молитвина (дать в траурной рамке)**. Особую благодарность хочу выразить близким друзьям и знакомым вовремя хватавшимся за фотоаппарат.

Мой знак (0) (подпись) Виктор Троегубов

«НЕВИННЫЕ МЕМУАРЫ»

Виктор Троегубов Впервые опубликовано в журнале «Контркультура», N2 - 1990 г.

КАК МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ

Это произошло 1 сентября 1977 года, совпав с первым (и единственным в том году) посещением занятий первого курса радиофакультета МАИ. В течение стартовых 10 минут семинара по некоему предмету (что-то физико-математическое) я, без сомнения, убедился, что поступил в институт, не имеющий никакого пересечения с моими жизненными интересами. Естественное желание найти причину покинуть данное помещение заставило меня оглядеться по сторонам, и... на такой же, как у меня, последней парте соседнего ряда я увидел наблюдающего за мной человека, взгляд которого чем-то смахивал на мой. Вместе с ним мы нашли замечательно-банальный предлог поветриться, и больше в 1977 году (прошу прощения за повтор) в институте нас не видали.

Армен Григорян образца 1977 года, в отличие от моей сосулькообразной блондинистости, был чернокудряв (как, впрочем, ему и положено) и своей ныне вездесущей шляпы еще не носил. На первом курсе МАИ военной кафедры еще не было, и мы имели возможность ходить с длинными волосами. Первый же разговор с Арменом, значительное место в котором занимал сейшеновый сленг и прочая атрибутика того алкогольно-пафосного момента московской истории, прояснил каждому из нас аналогию интересов и времяпровождения. Мы уже на школьной сцене (играя на танцах) вкусили запретных плодов рок-н-ролла, и обратной дороги быть уже не могло...

Те, кто хоть вкратце слышал о сети маевских общаг и о существовании легендарного «Пиночета» (название этой легендарной пивной точки возникло как созвучие первых слогов фразы «пиво напротив к/т «Чайка»»), не

будут гадать с трех раз, чем мы занимались несколько ближайших лет, в течение которых имели место академические отпуска, выговоры и прочая х..ня.

Видимо, учитывая нашу (Армена и мою) лень, судьба не стала затруднять нас долгими поисками друг друга, а свела нос к носу сразу, дабы не дать нам возможности не встретить – пока классного собутыльника, а в будущем и соратника по борьбе. (Надеюсь, читающим эти строки понятно, что это словосочетание я употребляю с иронией. Оговорка эта не случайна, ведь многие рокеры, находившиеся раньше в андеграунде, то ли по воле прессы, то ли преисполнившись сознанием собственной многозначительности, охотно приняли роль этаких революционеров.)

«АТМОСФЕРНОЕ ДАВЛЕНИЕ»

Типовое времяпровождение тех лет включало обязательное утреннее пиво с тогда еще не отошедшими от наших берегов креветками, дневной портвейн на сданные пивные бутылки и вечернюю альтернативу: своя репетиция – чей-то концерт. Армен играл тогда на бас-гитаре в хард-роковой группе с суровым названием «Атмосферное давление», моя тогдашняя команда носила не менее колоритное имя – «Монстры».

Несмотря на то, что каждый из нас по-своему занимался рок-музыкой, особого желания как-то объединить усилия у нас не было. И это вопреки тому, что почти все время мы проводили вместе, а наши музыкальные пристрастия были очень близки. Хотя, существовала некая разница при абсолютном приятии вкуса одного из нас другим. Армен больше склонялся к Hendrix'у, Doors и T.Rex, а основным жупелом считал Black Sabbath. Я всему остальному предпочитал Led Zeppelin и Deep Purple, Rolling Stones и Slade. (Я не упоминаю The Beatles, так как их лидирующее место в личном хит-параде каждого из рок-меломанов того времени было вне конкуренции.) Еще раз повторюсь, сказав, что это были не воинствующие пристрастия, каждый из нас по-своему любил индивидуальное восприятие другого. Кроме вышеупомянутого, мы торчали от следующих альбомов: «Hair of the Dog» (Nazareth) и «Firefly» (Uriah Heep), «Wish Your Were Here» и «Dark Side of the Moon» (Pink Floyd) и еще многого другого, что перечислить не хватит ни места, ни времени.

В общем, не имея еще намерений играть вместе, мы уже музыкально и мировоззренчески притирались друг

к другу. Как-то, когда на субботней лекции, которую невозможно было пропустить, мы отгадывали кроссворд из субботнего выпуска «Рекламного приложения» (популярная в те времена газета объявлений, аналог нынешнего издания «Из рук в руки»). В той же газете мы нашли объявление о продаже «аппаратуры для вокально-инструментального ансамбля». Вечером Армен позвонил по указанному телефону, и... мы с ним стали компаньонами, закупив комплект самопального аппарата. Причем недостаток средств на приобретение пришлось добивать почти кинематографическим приемом: недостающую сумму мы выиграли в рулетку.

Данная коммерческая акция предопределила мое присоединение к «Атмосферному давлению», куда кроме Армена (бас, вокал) входил поющий гитарист Джон Хомяков и барабанщик Александр Севастьянов. Я стал играть на акустической 12-струнке и петь. Кстати, впоследствии Джон фрагментарно присутствовал в записи «Иллюзорного мира» (1986 год) и «Комы» (1988 год), а также несколько раз появлялся в составе «Крематория» на сцене. Александр Севастьянов записывал бонги на альбоме «Крематорий II» (1984 год), ударные на альбоме «Иллюзорный мир», и тоже пару-тройку раз концертировал с группой.

Репертуар «Атмосферного давления» на 60 % состоял из англоязычных композиций собственного производства в стиле модернизированного Black Sabbath, а до боекомплекта добивался классическими рок-хитами («Jumpin' Jack Flash» – Rolling Stones; «I Saw Her Standing There» – Beatles; «Soldier of Fortune» – Deep Purple; «Pandora Box» – Procol Harum etc.) и несколькими образцами отечественной рок-музыки, так необходимыми просыпающемуся национальному рок-сознанию. Кроме пары вещей «Машины времени» (пусть это вас не шокирует, так как наличие песен Макаревича в репертуаре тогдашних групп было стандартным), у

«Атмосферки» был и свой конек: три вещи незаслуженно забытой ныне московской группы 70-ых – «Оловянные солдатики», в которых мы с Арменом впервые почувствовали силу нашего двухголосия...

...Совковых команд в те времена было не так уж много. Из Москвы наиболее интересными для себя мы считали «Високосное лето», уже упомянутых «Оловянных солдатиков», чуть позже (с 1979-го) – «Воскресение». Питерцев мы тогда еще не знали – кроме залетных «Мифов» и попавшей к нам совершенно случайно катушки Юрия Морозова, добитой почему-то концертом Ильченко (что выяснилось лишь пару лет спустя).

А пока мы выступали на любых доступных площадках: на танцах в ДК различных институтов, на свадьбах, на выпускных вечерах – везде, куда приглашали.

Кстати, я забыл упомянуть, что в 1978 году, еще до моего появления, «Атмосферным давлением» была записана фонограмма «Корабль дураков», куда входило 14 композиций на англо-марсианском языке. К сожалению (или к радости?), впоследствии эта пленка была утеряна, а не то сегодня она представляла бы огромный интерес для коллекционеров.

ПЕРВЫЙ БЛИН

Первое выступление «Крематория», вернее группы, называвшейся совсем по-другому, но уже исполнявшей первые «крематорские» опыты, произошло в рамках фестиваля искусств МАИ – «Студенческая весна».

Наш одноклассник, комсомольский функционер Валера Рождественский посоветовал нам с Арменом попытаться получить стипендию обходным путем – посредством участия в данном фестивале. Мы решили попробовать, хотя, поверьте, основной козырь был нематериален.

Дело в том, что внутри «Атмосферного давления» вышло новое дитя – акустические песни-зарисовки, иллюстрировавшие наш бесшабашный быт тех дней. Эти вещи мы с применением акустических гитар, губной гармошки, флейты и двух голосов уже пели своим друзьям на наших сборищах (читай – пьянках), и вдруг появилась реальная возможность выдвинуться в один из лучших в Москве тысячных залов – зал дворца культуры МАИ.

Упоминавшиеся уже барабанщик и гитарист «Атмосферного давления» наши с Арменом новые опусы не приветствовали, поэтому мы решили задействовать людей со стороны. Ими стали: совершенно непредсказуемый альтист Дима Плетнев (кликуха «альтист Данилов»), то ли выгнанный, то ли ушедший с третьего курса училища при консерватории, и наш с Арменом сокурсник и собутыльник Андрей Пустовой, обладавший феноменальной семейной особенностью расслаблять фаланги пальцев и выстукивать ими совершенно невообразимые ритмические рисунки. Любой, кто когда-либо видел, как он это делает, сразу принимался размахивать руками, пытаясь изобразить

нечто подобное. Не тут-то было, повторить то же самое было невозможно.

Но по порядку: мы с Арменом заявили в факультетский комитет ВЛКСМ и сообщили о своем желании выступить на фестивале. Предложение было принято весьма благосклонно, но последующие слова о том, что мы будем исполнять собственные песни, вызвали шок, нам тогда непонятный. Мы и сами могли бы догадаться: комсомольские кураторы фестиваля опасались, что наше выступление со своими песнями может принести им неприятности. Поэтому особое внимание организаторы фестиваля уделили нашим текстам, которые рассматривались почти под микроскопом. Но после недельных мытарств с переделкой текстов наш репертуар обрубали на контрольном прогоне, заявив, что нам лучше играть инструментальную музыку.

Так что выступили мы всего лишь с двумя песнями (плюс две инструментальные пьесы). Мы должны были выступать во втором отделении большого представления, а в первом отделении показывал свою пьесу студенческий театр. Еще во время прогона мы познакомились с ними, и они попросили меня и Армена сыграть эпизодические роли, тем более что они считали наш облик идеально подходящим для этих персонажей. Итак, мы дебютировали на театральной сцене в роли двух фарцовщиков (в кожаных куртках), пришедших на свадьбу с бутылками шампанского. Правда в роли «шампуня» у нас выступал розовый портвейн почему-то называвшийся «Вермутом» литражом 0.8 литра, заблаговременно приобретенный в студенческом магазине. Оказавшись за «свадебным столом», мы разлили данный напиток в граненые стаканы и стали его потреблять, благо что остальные актеры кричали «горько!» и имитировали застолье. По ходу пьесы нас как отрицательных персонажей должны были прогнать

со свадьбы. Так и случилось, но, только выйдя за кулисы, мы поняли, что забыли бутылку с «Вермутом» на столе. Однако это обстоятельство не застало нас врасплох: мы ведь являлись отрицательными персонажами, поэтому я вышел на сцену с репликой «пардон» и забрал со стола у ошарашенной свадьбы заветный портвейн. Когда началось второе отделение, ближе к концу которого наша команда должна была появиться на сцене, мы за сценой допивали остатки «Вермута» и предвкушали...

Конферансье объявил, что на сцене сейчас появится «Необычайный струнный оркестр» (так лихо нас окрестил комсомольский умник, ни разу до этого не видевший 12-струнную гитару, тем более две одновременно).

Мы вышли втроем. Слева (если смотреть в зал) расположился Армен с видом гестаповца (роммелевская кепка, широко расставленные ноги), справа – я (в его нынешней шляпе). Вообще, то ли после портвейна, то ли от волнения и долгого ожидания собственного выхода мы почему-то напряглись и выскочили на сцену дико злыми. Между нами, на куске оберточной бумаги, прикрывавшей разбитое каким-то горе-иллюзионистом яйцо, разместился двухметровый, но неимоверно ссутулившийся Альтист Данилов. Свет прожекторов отчего-то вызвал в нем нездоровые реакции. Он начал извлекать жалостные звуки из альты, одновременно пуская слюни и дико вращая глазами. Как нам позже рассказывали очевидцы, он вообще больше всего был похож на душевнобольного, попавшего в руки двух санитаров-садистов. Уже на первую вещь (инструментал группы «Guess Who») зрители в зале реагировали неоднозначно. Уловив растерянность комсомольских организаторов, мы резво начали следующую, в которой у нас был припасен коронный номер: во время довольно приятного альтового

проигрыша из бокового выхода к микрофону подскочил наш четвертый, Андрюха Пустовой, и отчебучил лихой ритмический наворот. Контрапункт изощренности этого виртуозного пальцевлудия с протяжностью вытекающей слюны альтиста вызвал в публике неописуемую реакцию: половина зала кричала «браво!», «бис!», вторая – требовала скинуть нас со сцены...

В обзорной статье вышедшей на следующий день институтской многотиражки «Пропеллер» комментировались все выступления концерта, включая яйценосущего горе-иллюзиониста. Для нас у автора статьи не нашлось даже приписки «и др.».

Потом, уже позже, через месяц, в том же «Пропеллере» была опубликована большая статья о прошедшем концерте, и в ней уже другой автор признал, что самыми «свежими» были выступления джазового гитариста Семочкина и «Необычайного струнного оркестра». Хотя, если по правде, сам я этой статьи не читал.

«КРЕМАТОРИЙ»: «ВИННЫЕ МЕМУАРЫ»

Сейчас трудно в это поверить, но довольно долго существовал следующий парадокс – в рамках «Атмосферного давления» со сцены мы исполняли довольно сложные вещи, а те акустические песни, на базе которых впоследствии материализовался «Крематорий», пелись только для близких друзей и воспринимались нами самими как стеб, предназначенный лишь для внутреннего употребления нашей компании. Наше сознание (а тем более сознание зрительской массы) еще не было готово к исполнению вещей с подобными текстами и в столь упрощенной аранжировке. Отчасти именно непривычностью звучания объясняется то дикое сопротивление, которое встретили на своем пути «первопроходцы жанра». Суперинерционность чиновничьего и милицейского мозга (если нечто подобное существует) автоматически зачисляла все новое в разряд искореняемой нецензурщины. Позже, в конце 80-х, все это кануло в Лету, и многочисленные конъюнктурщики начали захлеб, чуть ли не хором эксплуатировать бытовую и социальную тематику. Конечно, здорово, когда каждый может петь что угодно и о чем угодно, но когда я слышал некоторые вдруг полюбившиеся телевидением группы, то с ужасом отмечал, как, проституируя около честных, в общем-то, идей, девальвируют их чистоту и смысл. Некого лысого «ветерана» (не буду уточнять фамилию) теледиктор представлял эдакой матерью-героиней, произведшей на свет всю актуальность андеграунда. И неинформированный слушатель «съедал» это за чистую правду, и только узкий круг

любителей со стажем знал, что раньше этот дядька лепил стишата для полуфилармонических ансамблей.

Но вернемся к нашим баранам, точнее к той парадоксальной ситуации, когда песни писались, накапливались, а мы не знали, куда их употребить. Именно в этот момент в наши руки попала магнитофонная запись четырех песен «Зоопарка», среди которых особо выделялись «Дрянь» и «Прощай, Детка!». Я помню, какое странное чувство возникло у нас, когда мы услышали, как подобные нашим акустические песни звучат в довольно выгодном саунде с магнитной ленты. Отныне нам стало ясно – нужна студия ...

Надо сказать, что питерцам здорово повезло со студией Андрея Тропилло. В Москве в это время все обстояло гораздо сложнее. Количество студий было, конечно, большим, но часть из них имели столь строгий режим, что попасть в них не было никаких шансов. Другие были плотно забиты обитающими в Москве филармонистами всей страны либо писали верняк в традиционных жанрах. Так что наши поиски заняли целый год. Все же, в один прекрасный момент мы договорились со звукооператором Театра Советской Армии, где стоял шикарный по тем временам четырехдорожечный студер, и даже писанули (вдвоем) наложением четыре пробные песни («Крылатые слоны», «Снова ночью окутан мир», «Винные мемуары» и «Танец «Альфонсо»). Но, к нашему горю, на малой сцене театра случился пожар, и наш знакомый поехал дослуживать последние полгода своей срочной службы на берега далекого озера Ханка (до этого он ни разу не надевал военную форму).

Этот пожар можно считать фатальным совпадением, так как название «Крематорий» появилось чуть позже.

В конце концов студию мы, конечно, нашли; но человеку, который свел нас со студийцами, пришлось забашлять целых сто рублей. Так что в одной из записанных тогда вещей («Брюс-колдун») в самом конце есть фраза:

*...Что мир мой волшебный
Давно отравлен ложью и вином,
И бородами спекулянтами, снующими там и
здесь...*

Я надеюсь, что сейчас этому чуваку (что содрал с нас 100 рублей за знакомство со звукорежиссером) хоть чуть-чуть стыдно, но тогда мы были вынуждены принять его условия...

Кстати, еще одна интересная деталь. Во время подготовки к записи нашего первого альбома мы с Арменом на целый месяц отказались от употребления всех видов алкоголя включая пиво. Весь декабрь 1983-го мы усиленно репетировали и, по нашему мнению, подготовились к записи на все сто процентов. Так что в новогодние праздники позволили себе хорошенько расслабиться. Когда один мой знакомый увидел батарею пустой посуды из под всего того, что было выпито нами за три дня новогодних праздников, он спросил: «Какой смысл было бросать пить на целый месяц, если всего за три дня вы выполнили месячную норму?»...

Итак, всеми правдами и неправдами мы нашли студию, но, увы, о многоканальной записи не было и речи – в нашем распоряжении были лишь два студийных STMa (двухдорожечный студийный магнитофон производства Венгрии, имевший скорости 19 и 38 см/мин) с простейшей обработкой. Мы готовились к многоканальной записи, так как собирались записывать наш первый альбом вдвоем. Найденная студия ограничивала нас возможностью всего одного наложения, так что в самый последний

момент пришлось выбрасывать многие отрепетированные партии, оставляя лишь то самое важное, что мы физически успевали за два наложения сыграть. Поэтому многие из записанных тогда вещей, будучи интересными своим внутренним содержанием, обладали во многом несовершенной внешней формой. Может быть, именно этим усеченным вариантом мы тогда заложили одну далеко не самую лучшую «крематорскую» традицию – некоторую халявность аранжировок и качества исполнения...

Тем не менее, начало было положено, был готов первый альбом, название которому дала моя песня, завершавшая вторую сторону, – «Vinus Memoirs» («Винные мемуары»).

Начиналась же запись песней «Конформист» одного из наиболее тогда почитаемых нами отечественных авторов – Юрия Морозова. В нашем варианте песня называлась «Конформист Морозов» и содержала дописанный Арменом третий куплет. У еще одной песни альбома, «Джентльмены и леди», чужим был лишь текст. Его авторство принадлежало ученице 6-го класса с неизвестной нам фамилией. Текст для 13-летней девочки во всех отношениях неслабый. Остальные песни были свои: каждый – и Армен, и я – сам писал целиком слова и музыку. Исключение из этого правила составляет вошедшая в тот же первый альбом композиция «Я сижу в W» (Армен сочинил музыку на мои слова). Григорян на альбоме выступил как гитарист, басист и певец, а также играл на блок-флейте; мне довелось петь, играть на гитаре, бонгах, рояле и расческе. Чтобы прикрыть шумы в паузах между песнями, пришлось пойти на вынужденный шаг – сделать альбом нон-стопным, соединив песни звуковыми эффектами, которые мы почерпнули из театральных фонограмм: хрюканье, звон бьющегося стекла, шум стадиона, жужжание мухи и тому

подобное. Одну фонограмму, а именно звуки рвотного процесса, мне пришлось записывать самому. В другом месте явно перетянули со стрельбой из автомата, и потом приходилось объяснять, что стреляли до тех пор, пока не поубивали всех козлов.

В конце концов за два с половиной дня был записан, сведен и в процессе производства обмыт стартовый альбом группы «...?».

«КРЕМАТОРИЙ»

Поиски названия заняли едва ли не больше времени, чем написание всех наших песен. Мы перерыли все закоулки памяти, чтобы найти какое-то подходящее нашему предприятию слово или словосочетание. Но все, что попадалось, оказывалось лишенным нужного смысла, либо обладающим тривиальным звучанием, либо отменялось по другим причинам. Откуда же появилось наше имя? На этот счет существует несколько версий, и сейчас разобраться точно, какая из них абсолютно правдива, уже невозможно. В основном, это вызвано тем, что на самый распространенный вопрос: «Почему «Крематорий»?», мы давали столько различных ответов, что уже запутались сами, как все было на самом деле. Но это, конечно, лишь шутка... Армен утверждает, что однажды, звоня от меня (из любопытства) по свободной линии (номер, набрав который, все набравшие слышали друг друга; использовался, в основном, как институт знакомств), услышал ответ: «Крематорий слушает», после чего решил, что неплохо было бы назвать группу «Крематорием». По моей версии, все произошло гораздо более прозаично.

Отчаявшись придумать название, подходящее во всех отношениях, я засел за толстенный словарь иностранных слов. Все, что хоть в какой-то мере возбуждало мое патологическое воображение, я выписывал на отдельный лист. Именно так (вместе со многими другими) было выловлено слово КРЕМАТОРИЙ.

На мой взгляд, в таком названии было все – и подтекст, и мрачная красота, и необходимая доля цинизма, и вызов набившим оскомину филармоническим «Голубым ребятам» и «Веселым гитарам». Но Армену

почему-то оно с первого раза не понравилось, и мы отсеяли его, склоняясь все больше к названию «Катарсис». Сейчас трудно вспомнить точно, что сдвинуло чашу весов – то ли фраза Джона Хомякова, будто катарсис звучит как сифилис, то ли наличие одноименного альбома Чеслава Немена, но постепенно Армен осмыслил весь кайф, скрывавшийся в названии «Крематорий», и даже написал одноименную песню.

Долгое время уже одно наше название служило предлогом для всевозможных газетных инсинуаций. Вершиной этого бреда являлась ругань по поводу нашей группы в материалах пленума МГК ВЛКСМ, опубликованных в газете «Московский комсомолец» весной 1986 года. Гораздо позже, к 1988 году, когда группа уже многократно доказала свою жизнеспособность и стала величиной, которую невозможно было не заметить, пресса наполнилась анонсами концертов «Крематория» и положительными рецензиями. Как это всегда бывает в совке – чрезмерная ругань сменилась неумеренным восторгом.

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

Дима Плетнев все детство был послушным и способным ребенком. Он довольно хорошо учился и, будучи отдан в музыкальную школу, начал настолько бурно прогрессировать как альтист, что поворот его судьбы в профессиональную колею не вызывал никаких сомнений. Все так и произошло: после девятого класса он поступил в училище при консерватории, и, казалось, ему суждена стандартная траектория выпускника музыкального училища, но...

Как и многие другие, способные к творческому восприятию, люди, он обладал чувствительностью не только к красоте и гармонии, но и ко всем нарушениям таковых, так что наши повсеместные бытовые антагонизмы и социальные опухоли не оставили ему никаких шансов. Последствием этого явилась полученная к 17 годам статья 4б (шизофрения) и полная спонтанность мыслей и поступков. Так что с третьего курса училища Диме пришлось уйти, и дальше его жизнь все больше походила на парус, отданный во власть всех ветров. Пару месяцев в году он проводил в медучреждениях, занимающихся добиванием душевнобольных людей и в простонародьи называемых «сумасшедшими домами» (название, видимо, произошло от бытующего там уровня медицинского обслуживания). Еще два-три месяца, в основном после выхода из предыдущего состояния, он «притворялся» нормальным человеком, а остальное время убивалось его художественным воображением. А оно, усиленное окружающей безмозглостью, заводило его в непроходимые дебри. Например однажды он понял, что все зло нашей жизни исходит от Большого театра и в целях низвержения зла этот светоч культуры надо

уничтожить. Дима освободил энергию апельсинового зернышка, и тут за ним стали охотиться агенты иностранных разведок, мечтавшие заполучить в свои руки новое столь грозное «биологическое» оружие. Только совковая «дурка» (ласковый синоним понятия «сумасшедший дом») спасла изобретателя от происков ЦРУ. Теперь вам, видимо, ясно, как по ассоциации с мистическим героем повести Орлова появилась довольно банальная, но бьющая в точку кличка «альтист Данилов». И именно этот человек стал третьим участником «Крематория», которого мы с Арменом привлекли на запись нашего второго альбома. К концертам, как вы понимаете, он не был способен из-за полной непредсказуемости состояния и поведения (выше уже описывалась его реакция на свет рамп в ДК МАИ), а прецедента с использованием его на записях еще не было. Других скрипачей поблизости не водилось, и мы, желая разбавить однообразие инструментального набора первого альбома, взяли его на запись нашего следующего альбома «Крематорий II».

В те замечательные времена (1984 год) запись альбома производилась за один, в крайнем случае два дня, и темп был весьма напряженным. Вначале записывалась сразу вся музыка, а потом уже накладывали голоса. Работа с Димой напоминала труд гипнотизера. Приходилось не только делать свою работу, но и убеждать что-то делать его, так как он не мог сконцентрироваться ни на команду «мотор!», ни на свое положение относительно микрофона, ни на что вообще. Через час после начала записи он заявил, что устал, и уже совсем перестал реагировать на окружающие предметы и события. Тем не менее, нам удалось за один день записать все песни с его участием и вообще весь альбом на 90 %.

Четвертым участником этой записи стал ударник «Атмосферного давления» Саша Севастьянов, правда

судьба ограничила его инструментальный арсенал: вместо планировавшихся бонгов, условия звукозаписи заставили его выходить из положения, имея в распоряжении лишь один литавровый барабан, по которому он был вынужден стучать пальцами в странном положении, напоминающем постановку рук пианиста. И еще одна интересная особенность этой записи. Прodelав большую часть работы, мы сели «выпить и закусить», но выпитые нами водка и вино странно повлияли на голос Армена, лишив его «светлого, жизнелюбивого вокала» (цитата из журнала «Аврора», N 11 за 1988 г.). Деньги за запись мы платили за полный день, так что я спел еще две незапланированные к записи вещи. Так на «Крематории II» появились песни «Пророк на карусели» и «Сидя на рейшине». Именно эти две баллады Армен впоследствии называл «некрематорскими» вещами, но, на мой взгляд, именно наличие подобных нетрадиционных опусов придавало «Крематорию» изысканность и многомерность. А что касается пристрастий слушателей, то даже на концертах в 90-ых меня изредка просили исполнить те баллады...

Вообще этот альбом в первоначальном варианте включал 16 песен (две из которых выпали при тиражировании) и длился около 50 минут. Несмотря на отсутствие продуманных аранжировок, да и просто банальный нестрояк, этот альбом в наибольшей мере наполнен духом настоящего «Крематория». Многие любители старого «Крематория», да и сам я, считают, что «Крематорий II» является нашей лучшей записью. И уж абсолютно точно, что именно после этого альбома возник устойчивый интерес к нам как к группе.

Но, возвращаясь к герою этой главы, хочу с сожалением констатировать, что на этом его участие в нашем проекте закончилось. Вообще, мы с ним довольно часто видимся – он живет в одном доме с

моими родителями; иногда говорим по телефону. С Димой, как и прежде, постоянно происходят чудеса, описать которые не хватит места даже в толстой книге. Например он долгое время работал дворником, но, спиливая обломанные ураганом сучья, отпилил и тот, на котором сидел в этот момент сам, упал и сломал левую руку, так что суперальтиста из него не получится уже никогда. Хотя он не унывает, и я порой завидую его способности увлекаться все время чем-то новым. В одном из наших последних разговоров альтист Данилов сообщил, что уже заканчивает оперу «для того света». На мою просьбу исполнить фрагмент он ответил, что в свое время я услышу ее ТАМ. И лишь мой повторный настойчивый вопрос заставил его сдернуть полог тьмы с этой тайны. Он сообщил, что в прологе шизофреники жгут костры под мостом и готовятся к перевороту. На мой вопрос, что это будет за переворот, он ответил, что это – Переворот Моста...

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ДЕБЮТ

В один прекрасный майский день 1984 года наш приятель Дима Бродкин (впоследствии первый администратор группы, а затем, вплоть до лета 1988 года, директор «Крематория») сообщил, что ушедшие в народ два альбома принесли плоды – слушатель заинтригован, а следовательно можно заряжать концерты.

К тому времени вопрос о выступлениях в крематорском качестве уже назрел, тем более что, отдыхая в 1983 году на юге, Армен через нашего однокурсника Шуру Портнова познакомился с неким Сергеем Пушкаревым, присоединившимся к нам в роли бас-гитариста, хотя на двух следующих альбомах («Иллюзорный мир» 1986 г., «Кома» 1988 г.) кроме баса он играл большинство (не все) клавишных партий. Он же привел своего приятеля – скрипача Михаила Россовского. Последнее было весьма актуально, так как альтист Данилов находился в стадии крайнего духовного и физического изнеможения, и к концертам с таким же успехом можно было привлечь муху с потолка.

Нас стало четверо...

Все мы были студентами дневных отделений различных институтов, и потому время для репетиций у каждого имелось. В результате довольно бурной подготовки к июлю была готова полуторачасовая программа. Я не оговорился: именно программа, а не набор песен.

Никакие залы нам не светили (шел 1984 год), выступать суждено было на флэтах (от английского flat – квартира), но мы не пошли по общепринятому тогда пути. В те времена на квартирных сейшенах использовались, в основном, акустические

инструменты: гитара, скрипка, флейта, губная гармошка и бонги. Мы адаптировали для флэтов электрический вариант. В одну небольшую колонку с усилителем подключались бас Пушкина (прозвище Сергея Пушкарева), моя электрогитара и микрофоны. Двенадцатиструнка Армена и скрипка Россовского работали прямым звуком. Все это дополнялось бонгами, на которых играл тот, кто в данный момент был свободен. В моей песне «Винные мемуары» Армен играл на блок-флейте, в его «Крылатых слонах» я изощрялся на губной гармошке. Не считайте это саморекламой, но в объеме комнаты, пользуясь лишь примитивными техническими средствами, «Крематорий» достиг почти идеального звукового баланса. Это давало нам возможность исполнять не только песни, уже известные по записям, но и довольно заковыристую инструментальную композицию, являющуюся прологом к концертной программе. В субботу 14 июля 84 года на квартире Димы Бродкина в Красностуденческом проезде состоялась двойная премьера – мы решили не кокетничать и сыграли в один день сразу два концерта с тридцатиминутным перерывом для смены зрителей. Большинство приглашенных составляли друзья и друзья друзей, дополненные всеми, кого мы смогли сагитировать.

Вообще, выступление перед друзьями всегда более ответственны, так как, кроме дружеского расположения слушателей, существует значительная доля скепсиса и иронии. А нам очень важно было услышать не только комплименты, но и конструктивную критику.

Второй концерт перерос в пьянку, во время которой был проведен опрос подвыпивших, а следовательно более откровенных, друзей и знакомых. Большая часть оценила наш дебют как положительный, а мы старались почерпнуть из отзывов мотивы для корректировки

программы. Так что, кроме разудалой внешней формы (вино, отвяз и т.п.), на флэтовых концертах присутствовала мудрая внутренняя сущность: отсутствие разделяющей артиста и зрителя сцены не давало возможности халявить и отсекало все излишества исполнения и имиджа.

Уже через неделю состоялось следующее выступление. После этого концерта мы поняли, что особого дефицита зрителей нет. Большинство из побывавших на сейшенах не только хотели попасть туда вторично, но и приводили свое окружение. Несколько трудней обстояло дело с местами для концертов. Сами понимаете, соседи смельчаков, предоставлявших квартиры под сейшена, неминуемо регистрировали сборище большого количества народа, порой двукратное (два концерта в день). Именно трудности с флэтами не позволяли устраивать наши мероприятия еженедельно. В среднем, двойной концерт происходил раз в две недели. По количеству выступлений «Крематорий» перекрывал почти все московские группы, за что в первую очередь хочется поблагодарить хозяев квартир.

Практически каждое такое мероприятие кто-нибудь из зрителей записывал на магнитофон, и вскоре по Москве разошлись многочисленные записи наших концертов. Надо сказать, что концертные записи имели даже более удачные варианты аранжировок, чем студийные (где мы были так сильно ограничены в составе). К тому же Пушкин и Россовский оказались именно теми исполнителями, которых нам с Арменом так не доставало во время студийных записей, а песни, обыгранные на зрителе, окончательно устаканились и обросли мясом, в смысле аранжировкой.

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ

Пусть читатель не удивляется, что в этой главе произойдет некое нарушение хронологии. Считайте это моей причудой, но сейчас мы перенесемся на 14 месяцев назад, а именно в лето 83 года...

Еще весной Армену пришла в голову идея написать цикл песен, в которых главным действующим лицом будет женщина, от лица которой и будет идти повествование. Эта мысль показалась мне очень удачной. Я ожидал, что особенно усилится действие текстов, если вложить их нонконформистский цинизм в уста с нежным девичьим тембром. Была оговорена концепция будущего альбома с условным названием «Душа проститутки», и мы начали писать «женские» песни. Параллельно со страшной силой начались поиски вокалистки. Дело осложнялось тем, что необходим был голос, универсальный для пения и речитатива. И вот тут произошла довольно забавная своими совпадениями история, которую я попытаюсь проследить в хронологической последовательности.

Летом мои родители уехали на юга, и ко мне на флэт сразу переместились все близкие (и не очень близкие) друзья. Думаю, говорить о том, что среди них был и Армен, излишне. Начался многодневный праздник, в котором было множество приколов и импровизаций, новых и забытых лиц, а также крепкий удар по алкогольным напиткам всех разрядов, так что порой обстановка напоминала ситуацию из нашей песни «Проснись! Нас обокрали»:

*...А в этой квартире и утром все пьяные,
Здесь трио мужское сидит много лет.
В одиннадцать^[1] снова портвейна достанут,
И будет опять продолжаться банкет...*

Армен все же ухитрился как-то вырваться из этого замкнутого круга и выехать в город по своим делам. По возвращении он сообщил, что на скамейке в скверике у метро «Лермонтовская» (ныне «Красные ворота») спьяну познакомился с некой дамой по имени Ива. Ее глубоко заинтриговала информация о существовании нашей группы, так как она уже где-то что-то пела и теперь рвалась в бой. Приехать с Арменом она по какой-то причине не смогла, и он дал ей мой телефон.

Со следующего же дня начались настойчивые звонки Ивы с предложением приехать пообщаться. Но так уж случилось, что ее телефонная активность совпала с нашей похмельной депрессией, следовавшей за особо мощным и продолжительным алкогольным апогеем. Поэтому, вконец задолбанный друзьями и подругами, я до поры до времени отразил ее, предварительно взяв телефон. Через некоторое время я все же ей позвонил, и мы встретились на тему возможной совместной работы. Почему-то встреча состоялась в метро, где невозможно было ни продемонстрировать музыкальный материал, ни оценить вокальные способности. Точно помню, что пересеклись мы на «Пушкинской». Ива явилась в сопровождении кавалера, который во время разговора прятался за колоннами на платформе метро. Наш разговор, периодически прерываемый шумом поездов, был достаточно лаконичен. Я вкратце рассказал ей об идее записи альбома и привел для примера пару текстов, вроде тех, что ей предстояло петь. В ответ я услышал фразу типа: «Такую пошлость я петь не могу!» и еще что-то непонятное и отрицательное.

Отсутствие общей идеологической платформы переводило наш дальнейший разговор в разряд бессмысленных. На прощание я поинтересовался, какие же тексты предпочитает Ива, и она зачитала мне два стихотворения. Первое повествовало о неких желтых

ботинках, практически являясь среднеарифметическим переводом сразу нескольких суперрок-н-роллов. Что-то между «Blue Suede Shoes» и «Old Brown Shoe». Второе стихотворение вообще напоминало детскую считалку:

Кошки не похожи на людей,

Кошки – это кошки...

В общем наша встреча закончилась ничем. Но весной 1984 года, когда я слушал случайно попавшую в мои руки катушку некой группы «Браво», у меня появилось ощущение, будто что-то знакомое слышится мне в двух начальных песнях. Запись принес мне Саша Портнов, общавшийся с крутыми писателями андеграундной музыки, так что на коробке были написаны названия песен и состав группы. Я задумчиво скользнул глазами по имени певицы – Ивонна Андерс – и тут же вспомнил свою встречу на «Пушкинской» и прочитанные мне девушкой по имени Ива тексты... Вот так не сложилось наше сотрудничество с такой самобытной певицей, как Жанна Агузарова. Может быть, если бы мы встретились не в метро, а в другом месте, где можно было что-то спеть или сыграть, – результат встречи оказался бы другим. Но стоит ли гадать о возможных последствиях, если существует реальная жизнь?

В дальнейшем идея «женского» альбома обсуждалась все реже, пока не затихла совсем. Очень жаль, что вместе с ней умерли несколько неплохих песен, в частности один очень приличный блюз, написанный тогда Арменом...

...Через семь лет после написания последних строк и спустя 13(!) лет после описываемых событий на альбоме 1996 года «Гигантомания» (куда Армен собрал многие старые, но нереализованные песни) группа «Крематорий» впервые запишет этот блюз (с новым названием «Мата Хари блюз»), а споет его

представительница нового поколения женского рок-вокала Ольга Дзусова.

ВЕЧЕРА НА РЕЧНОМ

Осень и декабрь 84 года были наполнены квартирными концертами. Мы уже обкатали нашу программу до автоматизма и иногда, когда квартирные условия позволяли, прогоняли до трех концертов в день (как это было 30 сентября на флэту некоего Саши в Карачарово). Конечно, случались и накладки. Но они, в основном, были связаны с неумеренным потреблением горячительных напитков, что, впрочем, соответствовало стилю нашей жизни и смыслу наших песен. Особенно в этом ракурсе запомнились два сейшена, проходивших 16 сентября 84 года на квартире нашего друга Сергея Рябцева (Кряба) на Речном вокзале. Дело в том, что мы появились дома у Кряба еще накануне, а в магазине рядом давали «Лидию» (эх, 84-й!..) и водку, так что, как пелось в известной песне, «нас утро встречало прохладой...» плюс жесточайшим похмельем. Именно поэтому к трем часам дня (начало первого концерта) я лично успел выполнить большую и насыщенную программу: утреннее пиво + чуть-чуть вина + случайное попадание в милицию. Правда, через час меня отпустили... Все остальные времени тоже не теряли, и к моменту начала первого концерта общий тонус был очень высок.

Кроме алкоголя на славу поработал над подготовкой к выступлению мой бывший одноклассник Егор Зайцев (сын известного модельера Славы Зайцева, ныне сам интересно работающий в этой области), который принимал участие в создании нашего концертного имиджа.

Мишка Россровский был представлен как матрос-анархист, и надо сказать, что бескозырка с тельняшкой гармонировали с его скрипичными телодвижениями.

Мою экипировку в тот день составил банный халат Крябовой матери с пришитым на груди гербом пионерской организации (его принес Зайцев, а изображен был на нем дедушка Ильич в обрамлении алканавтского лозунга «Всегда готов!»), семейными трусами и одним носком. Вру, были еще две стилизованные наколки: на левой руке крупно – «Мавзолей», на правой щеке – самая распространенная заборная надпись. Жаль, что существует лишь плохая любительская съемка, где рассмотреть что-то возможно, лишь подходя к процессу творчески. На Армена и Пушкина шмоток не хватило, а потому Егор покрасил специальным фирменным фломастером каждому из них зубы – через один. Так что при пении Армен Сергеевич демонстрировал целое состояние.

Еще один наш приятель Сергей Губонин, ныне прочно обосновавшийся в Стокгольме, а тогда употреблявший алкогольную продукцию в Москве, выступал в роли неуправляемой декорации. Его фразеологические «репризы» и сценические «движения» подчинялись закону выключателя (уснул – проснулся, упал – встал) и придавали мероприятию свежесть настоящего алкогольного хеппенинга. Минут через десять после начала первого концерта Серега заснул прямо посреди сидящей на полу публики, так что мы видели не только живые глаза слушателей, но и «труп», валяющийся среди них. Публика, пришедшая тоже не с пустыми руками, старалась не отставать от нас и отвязывалась как могла.

Я описал фрагменты данного сейшена, чтобы проиллюстрировать бешеную энергию и выдумку концертов тех лет. И, надо сказать, в квартирниках присутствовало нечто гораздо более важное, чем пафос концертов в тысячных залах и на стадионах.

АЛКОГОЛЬ

Появление этой маленькой главы вызвано отнюдь не моим личным желанием почесать язык на данную тему, а отзывами некоторых друзей и знакомых на первую публикацию данных воспоминаний (журнал «Контркультура», N2 за 1989 год). При полном одобрении содержания и стиля, мнения разошлись по «алкогольному» вопросу. Армен и его жена Ира считали, что я слишком много внимания уделил крематорским попойкам. Якобы, прочитав мои мемуары, все сочтут, что мы – беспросветные пьяницы, а алкоголь – самоцель и единственное горючее, способное нас на что-то сподвигнуть. То есть: постоянно по жизни выпивать и получать от этого удовольствие – можно, а в книге (серьезном труде, что могут прочесть родственники и соседи) нужно эти свои пристрастия затушевать.

Бог его знает, может быть, они правы, и с позиции прорезающейся взрослой рассудочности более естественным было бы осудить виражи безудержной молодости или, по крайней мере, не вспоминать о них? Но нечто смахивающее на предательство присутствует в принятии новых правил игры по отношению к тому, что осталось в безвозвратном прошлом. Стоит ли этапы собственного пути заменять причесанными оценками сегодняшнего дня? И (положа руку на что угодно) о чем же вспомнить перед смертью как не о брожении сока юности, пьянящего больше, чем весь алкоголь мира. Кстати, жизнь человека вообще можно уподобить приготовлению вина: генетический набор человека можно отождествить с сортом винограда; уровень жизни семьи – с качеством почвы; воспитание приравнять к смешиванию в пропорции винных

компонентов; инстинкты и поиски юности – брожение виноматерьяла; появление новых принципов и собственной линии жизни сравнимы с прессованием и отделением жмыха; зрелость – это осветление вина и выпадение осадка; и наконец после выдержки – породистый вкус мудрости, понявшей светлую сущность собственного конца, называемого смертью (употребление вина) как переход качества из одной формы в другую. Конечно, это слишком идеалистический взгляд, ведь зачастую выжирается недостоявшая брага. Так что я, пожалуй, принесу ложную респектабельность в жертву объективности, и да здравствует бесшабашное и спонтанное прошлое!

БЕССВЯЗНАЯ ГЛАВА

...Абсолютное большинство наших «застолий» (в которых стол присутствовал не всегда) носили, я бы сказал, импровизационный характер. Мы могли сорваться с места и направиться в черт знает какую даль, чтобы проверить какой-нибудь авантурный розыгрыш, или спокойно переиграть намеченные планы – словом, финал почти всегда был непредсказуем. Конечно, в этом не было ничего супероригинального, и именно так развлекались 99% нормальной (физически и умственно) молодежи, но спонтанность того загульного досуга, помноженная на нашу с Арменом открытость и контактность, раскрыла для нас множество самых разных дверей. Генеральские дачи и голые студенческие общаги, ресторан ВТО и котлетные, богема и полууголовные элементы, свадьбы и поминки, космонавты и проститутки – все контрастировало и вытекало одно из другого. Так что впечатлений и тем для песен мы набрались впрок. Да и персонажи наших опусов в большинстве своем имеют реальных прототипов (классические примеры: «Хабибулин» и «Глотатель портвейна», «Посвящение бывшей подруге» и «Безобразная Эльза»), а в «Тане» вообще суммировалось несколько реальных Татьян (конечно, не в пику великому русско-абиссинскому поэту А. С. Пушкину)...

...Итак, мы непринужденно отвязывались с героями наших будущих песен (естественно, отдавалось должное и героиням), а уже упоминавшаяся «импровизационность питания» не давала скуке проникнуть в наши сплоченные ряды...

...Несмотря на нашу алкогольную занятость, песни рождались удивительно легко, а соответствующие их

духу аранжировки вообще находились «на раз». Обычно, когда Армен притаскивал новую вещь, я сразу хватал вторую гитару и, слушая песню впервые, начинал подыгрывать свой первый ассоциативный мысленный ряд. Этот первый прогон мы записывали на дохлый магнитофон «Маяк-202», и в 99 случаях из 100 первое совместное исполнение-размышление содержало основную идею аранжировки. Приблизительно так же материализовались и мои опусы. Текстовые шероховатости корректировались совместно, ведь зачастую лажа со стороны видней. Характерный пример такой коррекции: одно место в песне «Мусорный ветер». Когда Армен впервые спел мне будущий хит, слова припева выглядели следующим образом: «...и станет звездой актер бродячего театра...». Мне сразу резанул ухо лишний слог в слове «театра», который, проглатываясь, звучал как какая-то «тятра». Осознание этой ложки дегтя постоянно крутилось у меня в мозгу, и спустя несколько дней я выдал гениальный по простоте вариант: заменить «театра» на «цирка». Лишний слог пропал, а фраза обогащалась дополнительным смыслом...

...Может быть, эта естественная легкость песен ощутима, по крайней мере наркоманы, в большинстве своем обладающие более короткими ассоциативными связями, довольно часто считают нас своими, поскольку, по их мнению, основная масса наших песен написана под воздействием наркотика, то есть спонтанно, за один раз. Не стану имитировать абсолютную девственность в данном вопросе, но необходимое для творчества состояние является наркотиком само по себе, и глупо заменять его химическим или растительным суррогатом...

ПОСЛЕДНЯЯ ПОДЛЯНКА МАРШАЛА УСТИНОВА

Наши частые выступления перед самой разной аудиторией слились в некий веселый, но довольно однообразный сейшен. Хотелось чего-то нового, например выступлений хоть в небольшом зале (на большой не было аппарата, к тому же за крупными залами бдительно наблюдало «хлопающее» во всех иных отношениях административное око)...

Где-то в октябре-ноябре Армен познакомился в «Ангаре» (пивняк на Лесной улице) с парой приятных молодых людей. Все тогдашние пивные разговоры в молодежной среде так или иначе касались музыкальной темы. Не обошлось без этого и на сей раз. Оказалось, что наши новые знакомцы являются участниками группы «Металлолом», а один – лидером группы и автором песен. В официальной жизни (документы, милиция, работа) он был зарегистрирован как Михаил, но все друзья называли его Мефодием. Впоследствии он создаст довольно известную группу «НИИ Косметики», а тогдашний «Металлолом» никакого отношения к «металлу» не имел – просто репетировали ребята в подвале, над которым находился «Металлоремонт». Но самым интересным было то, что подвал располагался в широко известном Булгаковском доме на Садовом кольце, и Мефодий со своими чуваками были готовы предоставить свою репетиционную базу для нашего концерта.

В первоначальном варианте это выступление должно было состояться в декабре, но неожиданно «дал дуба» (скончался) министр обороны Д.Ф.Устинов, и траурные мероприятия блокировали Садовое кольцо. По этой причине концерт был перенесен на 5 января 1985

года. Наверно, именно эти подвижки и нарушили систему, по которой народ попадал на концерт (специальные сталкеры встречали зрителей у театральной кассы вблизи метро «Маяковская» и партиями приводили в подвал). В задрипанный почти погреб набилось больше ста человек. Концерт прошел «на ура», были исполнены все наши многочисленные суперхиты. После окончания состоялся крематорско-металлоломовский банкет – если можно назвать банкетом большое количество портвейна с маленьким количеством плавленных сырков. Разъезжались в прекрасном настроении, оставив часть аппарата, за которым собирались заехать через пару дней. Но на следующий день раздался телефонный звонок, и взволнованный Мефодий попросил срочной встречи. Оказалось: придя на репетицию, «металлоломовцы» увидели дверцу родного подвала опечатанной и увешанной новыми замками, от которых у них не было ключей. Попытавшись что-то разузнать во дворце культуры, предоставлявшем «Металлолому» данный репетиционный подвал, Мефодий услышал от директрисы ДК взволнованный шепот о КГБ и о подпольном концерте запрещенного «Крематория»...

Такое сообщение Мефодия нас совершенно не обрадовало. Мы поняли, что дело приняло серьезный оборот, и начали раздавать на сохранение друзьям оригиналы записей, обложек альбомов и т.д.

Стоит ли сейчас вспоминать в деталях все, что тогда происходило? Тем более что каждый день приносил новые подробности. Я остановлюсь лишь на главном. Милиция провела нелепую и унижительную проверку паспортного режима на квартире у Димы Бродкина, после которой с ним беседовал следователь МВД. Следователь расспрашивал о группе «Крематорий», на что Бродкин сказал ему: «Зачем их искать, они сами могут к вам придти!». Но ментам,

видимо, нужно было еще больше «нагнетать» обстановку, чтобы посильней напугать нас, и Диме ответили, что «время для этого еще не пришло». В то же время другой милицкий следователь склонял Мефодия к тому, чтобы в момент, когда мы будем звонить ему, назначить нам встречу и сообщить ее время и место следователю. Тогда мы решили, что надо брать инициативу в свои руки и избавлять наших друзей от неприятностей. Мы попросили Мефодия созвониться с ментами и сообщить им о времени, когда мы собираемся подъехать к подвалу за аппаратурой...

В назначенный час «Крематорий» в полном составе (я, Армен, Пушкин и Россовский) ожидал во дворе Булгаковского дома. Дворик этот всегда был тихим, хотя от людного Садового кольца отделяется лишь низкой аркой. Никого не было, и вдруг все арка заполнилась движущимися людьми. Во главе процессии шел человек в штатском, и под мышкой у него поблескивала папка для документов. На шаг позади него шли два милицких сержанта, за ними следовали веером несколько рядовых, а сзади кучей шли пять или шесть дружинников в повязках. Все это напоминало сцену из детективного фильма или репортаж о поимке иностранных шпионов. По мере приближения к нам вся эта ватага редела. Дружинники остались у самой арки, чуть позже остановились милиционеры, и непосредственно к нам подошел лишь штатский.

– Я полагаю, вы – «Крематорий»? – спросил он и, когда мы кивнули ему, коротко бросил нам: – Пойдемте!

Мы спустились по лестнице ко входу в подвал, он отпер его своим ключом и прямо на пороге открыл свою папку. Оглядев нас всех, он повернулся к Армену как единственному, имевшему кавказские черты, и зачитал:

– Григорян Армен Степанович по кличке «Шляпа».

– Не Степанович, а Сергеевич! – поправил его Армен.

– Странно, – сказал штатский, что-то написал у себя и, повернувшись ко мне как к единственному действующему лицу с бородой, продолжил:

– Троегубов Виктор Александрович по прозвищу «Борода».

Странно, но он вторично ошибся в отчестве, и мне пришлось его поправить:

– Аркадьевич!..

Так же он зачитал данные Пушкина и Россовского, а потом отпустил Сергея и Михаила, а мне и Армену предложил:

– Хочу побеседовать с вами. Здесь грязно, может пойдем к нам? Здесь рядом.

Вскоре нас привели в ближайшее отделение милиции, где он взял у дежурного по отделению ключ от свободного кабинета, и мы втроем сели «общаться».

Следователь был молодым мужчиной всего лишь на пару лет старше нас. Им было предъявлено удостоверение уголовного розыска, но во время нашего разговора он несколько раз говорил, что его прямая работа – прослушивание и курирование самодетельной музыкальной продукции. Мы узнали, что на нашем концерте присутствовал их осведомитель. Вообще, все, что касалось этого концерта, он помнил гораздо лучше нас – видимо, несколько раз слушал запись. Мы приводили в качестве примера разрешенного творчества питерский «Аквариум», уже тогда «взятый в телевизор». На это наш «интервьюер» ответил: «То, что возможно в Ленинграде, еще долго будет запрещено в Москве!»... Надо сказать, в этом разговоре было все: попытка втереться в доверие и что-то узнать, предупреждение и расплывчатые угрозы, да и, вообще, проще вспомнить, чего там не было.

В результате трехчасовой беседы кроме протокола, включавшего наши ответы на его вопросы, мы были вынуждены подписать и пространную бумагу,

предупреждавшую нас о запрещении выступлений и недопустимости производства новых записей. Не совсем ясно было, для чего все это надо (видимо, чтобы запугать нас), но из данного общения мы поняли, что за нашими творческими успехами бдительно наблюдают. Кстати, несмотря на все перемены, происходящие сейчас, я уверен, что и по сей день этот документ подшит в надлежащую папку.

В финале разговора мы узнали о принятом партийными органами решении создать организацию, которая объединит «самиздатовские» группы. Через некоторое время такая организация появилась, и на ее учредительное собрание были приглашены все отловленные по подвалам рокеры. Официально называлась эта контора «Московской рок-лабораторией». Кем и для чего она была создана – каждый легко догадается сам. Народные острословы тут же окрестили новоявленное образование рок-блеваторией.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЭПОПЕЯ, ИЛИ «АРЛЕКИНЫ» В АРМЕНИИ

Лишь 30 апреля в общежитии Полиграфического института состоялся следующий сейшен. Опять было много народа, много вина, и все прошло в кайф. Именно перед этим концертом нами был преодолен какой-то очень важный психологический рубеж. После беседы с кагэбешником возникла туманная неопределенность: когда не знаешь утром, что может произойти до вечера, причем случится это не из-за твоего собственного пох..зма, а по чьей-то изощренной воле. Опять же не хотелось втягивать в свои запутанные дела ничего не подозревающих хозяев флэтов – а ведь мы ждали каких-то (непонятно, каких именно) провокаций и последующих репрессий. Но что будет – то будет! И опять закрутилась спираль квартирных сейшенов. Чаще мы выступали всей группой, но иногда стали практиковать концерты «на двоих» с Арменом...

...В середине августа мой сосед по дому Володя Зороастров, игравший в театре-студии «Арлекин», попал на наш квартирник. Ему так понравилось столь необычное представление, что он буквально притащил нас к своему режиссеру Сергею Мелконяну. Мы с Арменом были очарованы этим интересным человеком, к тому же он предложил нам невиданную доселе перспективу – создание спектакля по нашим песням. И все это было достаточно реально, так как наши песни идеально вписывались в сценарий Мелконяна, посвященный покойному чудо-клоуну Леониду Енгибарову. Но, как всегда это случается, для реализации каждой заманчивой мечты приходится чем-то жертвовать. Мелконян уговорил нас ехать в качестве актеров театра на гастроли в Армению. Там же

планировалось закончить работу над «нашим» спектаклем. И мы впряглись в репетиционный процесс двух спектаклей, где нас заняли. Каждый день мы, привыкшие к расслабленному хипповскому проведению времени, мотались в какой-то клуб аж у метро «Молодежная», где нас пытались обучить всяческим актерским премудростям, включая сценическое движение, речь и даже основы классического танца. Взгляните на наши концертные фотографии, а потом попытайтесь представить нас одетыми в трико у балетного станка в зазеркаленном классе. Не верится? Но это было – жаль, что не сделали тогда фотографий. Наша наставница серьезно пыталась хоть чему-то выучить нас, но это было выше ее возможностей. Спасало то, что оба спектакля были богато фаршированы музыкальными фрагментами, где наши персонажи должны были петь. Так что с какого-то момента мы научились отлынивать от балетных занятий в пользу занятий вокальных, с которыми, кстати, тоже не все было в порядке. Одно дело – распевать собственные опусы, и совсем другую подготовку надо иметь, чтобы спеть арии из «зонг-оперы» (то же, что и рок-опера). А основным представлением театра являлась «зонг-опера» с «живой группой» по пьесе в стихах Павла Антокольского «Франсуа Вийон».

Нам выдали запись, и мы начали разучивать вокальные арии. Это было не так уж просто, но мне, имевшему большую практику «съема» западной рок-музыки, удалось справиться с поставленной задачей. И получилось у меня совсем неплохо, так как, прослушав мои версии, Сергей Мелконян поручил мне одну из центральных ролей спектакля, а именно роль Души Франсуа Вийона. Что касается Армена, то в нем всегда преобладал автор, а исполнение было не самой сильной его стороной. Прослушав его исполнение заданных партий, режиссер уговорил его стать в данном

спектакле... осветителем. Григорян поначалу отказывался, но Сергей Андреевич Мелконян мог убедить кого угодно. Во втором спектакле, пьесе Лотара «Король-арлекин», мы с Арменом играли придворных музыкантов, но это были роли второго плана.

Итак, мы выехали на гастроли в Ереван. Конечно, с нашей стороны, этот поступок был дикой авантюрой. Во-первых, каждый больше чем на месяц бросил свою работу по распределению (после окончания института) – отпроситься не удалось, во-вторых, согласились ехать, почти не зная ролей. На самом деле, нам так хотелось поработать над обещанным спектаклем по нашим песням, что мы бросились в этот омут с головой. Но, как это часто случается, что-то изменилось в планах режиссера, и наши надежды остались надеждами. В активе (или пассиве?) был накоплен лишь опыт шестидесяти или семидесяти выходов на театральную сцену в вышеуказанных спектаклях...

Театральная семья имеет ряд специфических особенностей, при которых люди свободолюбивые неизбежно вступают в конфликты. Армену это грозило меньше, чем мне. Ведь он жил в городе на квартире у родственников, а я – в гостинице со всей труппой, и здесь царили не совсем понятные мне законы. Во-первых, нам было запрещено выходить в город без разрешения режиссера. Согласитесь, это ущемляет личную свободу. Но не это было главным, и, если говорить честно, – особого желания шляться по Еревану в середине 80-ых с длинными волосами не возникало. Но и наша гостиничная жизнь была опутана какими-то внутренними интригами, которые человек со стороны понимает не сразу. Да и с финансовой подоплекой наших спектаклей не все было прозрачно, и мы с Арменом очень скоро поняли, что деньги нам не светят. Сложилась парадоксальная ситуация: 1) нам не было

особо интересно на театральной сцене, особенно в потогонном режиме двух ежедневных спектаклей; 2) за эту нелегкую работу мы не получали ни копейки; 3) наша главная цель в виде спектакля на наши песни уже стала иллюзорной. Спрашивается, для чего все это было нам нужно? К тому же я знаю за собой одну не самую удобную для окружающих черту: говорить правду чаще, чем это стоит делать. Я пару раз высказал свое мнение о царящих в труппе законах, чем нажил себе не только друзей, но и врагов...

Правильно говорят, что плохое забывается быстрее, чем хорошее, и я помню массу интересных фрагментов, связанных с нашей театральной жизнью. Я жил в одном номере с самым талантливым, на мой взгляд, актером театра Володей Власенко, которого ереванская публика наградила прозвищем «арлекин Высоцкий». Он не только был абсолютно органичен на сцене, но и довольно неплохо пел (он и его жена через пару лет споют вторые голоса на альбоме «Кома»). В финальной, кульминационной сцене рок-оперы «Франсуа Вийон» мы с ним пели вдвоем, и немало зрительских слез было пролито в эти мгновения. Но Вова был хорош не только при исполнении служебных обязанностей, погулять он был тоже не дурак, так что мы с ним быстро спелись не только на сцене... Как-то после спектакля нас пригласил в свою мастерскую местный художник-авангардист. На следующий день мы сходили к нему, попили коньячку и посмотрели его работы. На одном холсте в бурю мазков были вдавлены реальные предметы, среди которых был шприц и несколько пустых ампул, – мысль художника была предельно понятна. Когда мы вышли на улицу, Вова несколько раз в сердцах повторил: «Вот, сука, наркоман!». Власенко был родом из Грозного, где покурить травы считается чем-то абсолютно естественным, – он сам рассказывал, что у каждого двора есть своя «плантация» анаши. Да и

сам Володя был не против курнуть «в легкую», так что нас с Арменом крайне удивило его волнение. «Так то – курить, а он-то колется! Вот, сука, наркоман!»...

В любой театральной семье есть доброхоты, которые рады услужить начальству любым способом, даже доносом. Так и произошло, и несколько моих свободолобивых мнений узнала администрация театра. Продолжением стали претензии администратора театра, вылившиеся в мою с ним банальную драку. Все это случилось в двадцати метрах от машины, которая должна была отвезти меня и Армена в аэропорт. Но финал этой истории был еще более кинематографическим. В двух шагах от нашей битвы вдруг затормозили две черные «волги», и оттуда выскочили крепкие молодцы. Они заломили мне и моему противнику руки, сунули нас в машину и повезли в участок. Некоторое время я еще видел в заднее стекло машину, на которой ехал Армен со своими друзьями, потом она пропала. Наш самолет вылетал через полчаса, билет был у меня в кармане, но конвоирам на это было наплевать... Объяснение всей истории оказалось предельно простым. Начальник милиции города Еревана и его опергруппа заметили нашу драку из окна машины. Конечно, опергруппа получила приказ вмешаться. Вот таким образом я и получил шанс провести полгода на армянской зоне, так как мне пытались инкриминировать преднамеренное нападение на человека. Слава богу, что мои друзья из труппы не побоялись гнева начальства и дали показания, что драку спровоцировал мой противник. Да и Армен исчез лишь для того, чтобы сдать авиабилеты. Затем он поднял на ноги своих ереванских родичей, и им удалось родственными каналами выйти на самого начальника ОБХСС республики Армения. Вследствие действий столь многочисленных и мощных заступников,

я был отпущен, и меня даже еще не успели обрить – хотя сие было уже весьма близко...

27 октября нас, только что прилетевших из ереванского лета в рубашках с коротким рукавом, московский аэропорт «Домодедово» встретил первым снегом. Единственным достижением нашей поездки стало сознание того, что театральные формы нам не подходят...

НА РУБЕЖАХ «ИЛЛЮЗОРНОГО МИРА»

И снова квартирные концерты: вдвоем с Арменом и «Крематория» в полном составе. Флэты, флэты, флэты...

...В ноябре 1986 года был записан альбом «Иллюзорный мир». Студия была чуть лучше предыдущей, но для музыки, которую собирались записывать, ее возможностей явно не хватало. Подготовка к этой записи происходила урывками уже около года, и многие песни («Америка», «Маленькая девочка», «Наше время» и некоторые другие) уже «засветились» на концертах. О репетиционной работе над новыми песнями для альбома я узнал не сразу. Я тогда закирял с другой компанией и на некоторое время исчез. Такое бывало с каждым из нас – мы не давали обязательств проводить наш досуг только вместе. Но когда пропадал Армен, я не начинал стремительно репетировать с Мишкой Россовским и Пушкиным свои песни, чтобы получить некий приоритет. Мне просто не приходило в голову делать что-то без Григоряна. По всей видимости, у него существовал совсем другой взгляд на данный вопрос. И он потихоньку начинал тянуть одеяло в свою сторону... Итак, я появился из каких-то «странствий», мы сидели попивали пиво, как вдруг он сообщает мне, что сегодня репетиция. Когда тем же вечером мы собрались у Пушкина (мы тогда репетировали у Сереги дома), я понял, что мой «соратник» не терял времени даром. Уже был прилично подобран репертуар, уже были определенным образом настроены остальные участники группы. Короче, Армен подгадал все таким образом, что моих песен на альбоме не предвиделось. Он и со студией договорился так, что просто не оставалось уже

времени делать что-то кроме отобранных им собственных песен. Меня это обидело, но выяснять отношения с ним я не стал. Мне еще казалось, что все перемелется и мы опять заживем душа в душу...

Вообще, мне казалось, что к тому времени между нами существовали не только дружественные, но и еще более близкие доверительные отношения. Когда в 1977 году мы поступили в МАИ и познакомились, нас была целая компания из шести молодых шалопаев, которым было очень весело прогуливать занятия и отвязываться в студенческом общежитии. Витя Рыскин, Шура Щепелин, Витя Челикин, уже упоминавшийся Андрей Пустовой и мы с Григоряном – вот весь тот состав. Все, кроме нас с Арменом, были тертыми калачами и поступили в институт уже по второму разу. Правда к началу второго семестра двоих – Щепелина и Челикина – отчислили. Потом «взялся за ум» Рыскин, став отличником и постепенно отдалившись от нас. Оставшаяся наша троица продержалась вместе до конца института. Даже когда кого-нибудь из нас отчисляли в академический отпуск, судьба через некоторое время соединяла нас вместе... Другая компания была музыкальной, собственно это и была группа «Атмосферное давление». Как я уже рассказывал, и здесь мы с Арменом в какой-то момент обособились на почве нашей новой, русскоязычной музыки. Я думал, что нами руководят не только общие музыкальные интересы, но и настоящие дружеские отношения. Многие факты доказывали это, пусть и не напрямую. Однажды у родственников Армена произошла трагедия: случайность унесла жизнь сразу нескольких близких ему людей. Родители Армена и он сам срочно вылетели в Армению. Но вся беда была в том, что именно в это время «Атмосферное давление» должно было играть на выпускном вечере. При подобных обстоятельствах мы могли запросто

отказаться от выступления, но всей нашей группе просто необходимо было выступить. Перед вылетом мы сидели всей группой и решали, что же нам делать. Трое из четверых – Сашка Севастьянов, Джон Хомяков и я сам – были за отмену мероприятия. И лишь Армен сказал тогда, что я смогу заменить его на бас-гитаре. Поверьте, в тот момент все чувства были обострены, и в наших глазах стояли слезы. Я никогда до этого не играл на бас-гитаре, этом не очень понятном мне инструменте. Но наша дружба не позволяла мне не поверить тогда Армену. Я взял его бас-гитару, и полдня мы с Джоном Хомяковым разучивали весь наш репертуар в необычном для меня виде... Вечером мы втроем вышли на сцену. До самого последнего мгновения мы сами сомневались в том, что сможем выступить достойно, но обратной дороги уже не было... Мы прорвались. Наверно, это был далеко не лучший концерт «Атмосферного давления», но публика была довольна, а мы втроем тогда выиграли, может быть, самый важный свой бой... Я мог бы еще много рассказать о нашем братстве. Мы вдвоем придумали группу «Крематорий» и записали два первых крематорских альбома. На альбоме «Крематорий II» наших песен было поровну, и попросту прокатить меня как автора было просто непорядочно. Между нами бывало всякое, но наверно именно перед записью «Иллюзорного мира» между нами появилась самая первая, пока еще незаметная трещина. Верней, если Армен смог тогда сделать это, значит такая трещина появилась в его душе гораздо раньше...

Студия при ДК «Серп и молот» давала возможность прописать живые барабаны. Срочно призвали Севастьянова. Появление мощной ритм-секции усилило воздействие большинства песен. Но каждая палка – о двух концах, и той же барабанной динамикой была убита пронзительная печаль одного из самых ранних

наших хитов «Крылатые слоны». К сожалению, «Крылатые слоны» после этого не нашли в себе сил птицы феникс и перестали исполняться на концертах... Одной из самых сильных вещей альбома стала абсолютно нетрадиционная для «Крематория» по саунду песня «Когда кончится ночь». В ней мастерски сыграл на рояле Серега Пушкин. Вообще, он проявил себя на альбоме как наиболее зрелый в отношении аранжировок музыкант группы. А чего стоит придуманное им фортепианное вступление к «Маленькой девочке», которое с тех пор играет перед этой песней всегда, пусть и не на рояле. В песне «Танец «Альфонсо» сыграл на рояле и я, а заодно спел основной вокал. В двух вещах звучала губная гармошка, а в качестве электрогитариста выступил Портнов, хотя в блюзе «Наше время» сыграл «атмосферщик» Джон Хомяков. Нельзя не упомянуть несколько наиболее удавшихся в плане записи песен: «Когда кончится ночь», «Себастья», «Америка», «Сексуальная кошка». Конечно, новый альбом обладал неисчислимым количеством шероховатостей, однако несомненным было и присутствие чего-то нового, да и слушатели встретили новую работу с неподдельным восторгом.

Не знаю, что повлияло больше: то ли дерганая обстановка в студии, то ли полная неясность направления новых шагов, но мы чертовски устали. И друг от друга тоже. Трещина продолжала расширяться. Наверное, из-за этого и случился ряд довольно странных по составу квартирников. Я выступил вдвоем с Мишкой Россовским, Армен сыграл по отделению с Силей (Селюнин из группы «Выход»), я – с Мишкой и Папой-Лешей (хиппистский автор Алексей Бармутов). Наверное, это и были поиски черной кошки в абсолютно темной комнате.

ОДНОСЛОЙНАЯ ЧЕРНУХА

В марте 1986 года Армен сообщил мне, что ему позвонили из так долго бойкотировавшей нас московской рок-лаборатории. У ее истоков стоял некий Булат Мансурмункулов, являвшийся основным двигателем первого состава рок-лаборатории. Мы подъехали в Старопанский переулок и, переговорив, согласились уже на следующий день сыграть на так называемом методическом прослушивании, проходившем на базе группы «Клон» где-то у метро Семеновской. В тот день экзаменовалось около 10 команд. Конференц-зал некоего предприятия был на четверть заполнен друзьями музыкантов и немногочисленной тогда околomuзыкальной тусовкой. Была в наличии представительная комиссия, в которой среди различного рода функционеров восседали Александр Градский и Маргарита Пушкина. Вернее Градский по очереди в пух и прах разносил выступающие группы. А это были «Метро», «Институт косметики», «Грунтовая дорога» – довольно известные в те времена группы, но в тот день уничижительная критика Градского, игравшего в комиссии безусловно первую скрипку, имела под собой почву – все выступления были предельно слабыми и неинтересными. Мы были смущены и готовились к худшему. Во время десятиминутной настройки звука, не принесшей желанного баланса, мы сквозь гитарно-скрипичные звуки отчетливо слышали поставленный вокал Александра Борисовича, распекающего наши тексты, находившиеся в печатном виде у комиссии. Помню точное определение Градского: «Однослойная чернуха». Короче: ничего хорошего не предвиделось, и я даже предложил не менять наш обычный прикид на

концертный. Но Армен настоял на обратном, и мы выползли на сцену.

Лишь несколько секунд понадобилось, чтобы отрешиться от полупустого зала и звукового дисбаланса, от дискомфортной ситуации – да просто от всего. Мы начали, и сразу прекратились зевки и разговоры. В тот день мы исполняли семь наших суперхитов в следующем порядке: «Крематорий» – «Житейская смерть» – «Таня» – «Посвящение бывшей подруге» – «Америка» – блюз «Наше время» – «Последнее слово» (четыре песни написал Армен, остальные три принадлежали мне). Уже во время исполнения первой песни Градский, сидевший в составе комиссии в задних рядах, вдруг вскочил и выбежал из зала в дальние от сцены двери. Я тогда подумал: «Неужели так плохо?». Но тут распахнулась ближняя к сцене дверь, Градский вошел и уселся на второй или третий ряд. Весь его вид выражал интерес, а в какие-то моменты он просто прихлопывал и притопывал в такт нашей музыке. Мне показалось, что кульминации телодвижений Александра Борисовича приходились на наши двухголосия... Как только мы закончили и прямо по маленькой лесенке сошли в зал, Градский подошел ко мне, пожал руку и сказал: «Вы отлично играли». Я был настолько польщен его похвалой, что ответил чуть нагловато: «А вы отлично хлопали!». Мы еще о чем-то говорили, но я был в состоянии такой эйфории, что запомнил далеко не все. Помню, как потом подошла ко мне и Маргарита Пушкина, которую мы тогда знали в лицо, но не знали лично. «А кто пишет тексты?» – спросила она. «Каждый, кто поет», – не растерялся я.

В общем, уже через две недели «Крематорий», по рекомендации Пушкиной и Градского, участвовал в финальном концерте Всесоюзного конкурса «Творчество молодых», проходившего в ДК АЗЛК (1200 мест). Правда мы пели всего две песни, и наши опусы в

целях официальной отмазки от любых претензий были представлены как пародии на западный образ жизни. Думаю, не многие команды с текстами, подобными нашим, могут похвастаться выступлением такого ранга в том, «перестроечном», 1986-ом. И еще одно наблюдение: исполнявшаяся на концерте «Америка» была песней, к которой годом ранее больше всего придирался кагэбэшник. Вторым номером был блюз «Наше время».

КРИЗИС

Несмотря на то, что «Крематорий» с успехом прошел прослушивание и был принят в ряды рок-лаборатории, дальше литовки песен и участия в занудных собраниях не шло. Дело в том, что в созданной в пику уже существующим мафиозным творческим и эстрадным объединениям рок-лаборатории власть была захвачена мафией нового типа. Группы, первыми занявшие места в новой организации, быстро поняли, что «автобус – не резиновый» и всем места не хватит. Поэтому после некоторого отсева создалась (вольно или невольно) компания, которая плотно контролировала положение. Сущность взаимоотношений внутри этой тусовки лучше всего определялась поговоркой «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». «Центр», «Ночной проспект», «Звуки МУ», быстро ушедшая в филармонию группа «Браво», «Николай Коперник», вылупившийся из «27-го километра» «Вежливый отказ» и «Бригада С». Эта компания, добиваемая в зависимости от ее же интересов второсортными группами, в разных сочетаниях и выступала на редких, санкционированных властями и с помпой проходивших мероприятиях рок-лаборатории. Тогдашнее руководство новоявленного «москонцерта» приплясывало под их дудочку, как пидеры на вечеринке, а в отношении «Крематория» проводило следующую политику: мол, группа только для камерных выступлений – в больших залах, дескать, потеряется весь кайф.

Под предлогами подобного типа перекрывались все пути не только «Крематорию», но и многим другим. Лишь сила песен, выплеснутых в массы на записях и концертах, да энергия нашего директора Димы

Бродкина дали нам возможность продержаться тогда на плаву. В условиях монополизации концертной деятельности с трудом удавалось находить возможность выступлений, так необходимых нам тогда для получения опыта. Очень запомнился экзотический концерт, проходивший 29 июня в парке имени Дзержинского (в Останкино), где мы выступали на плавающей посреди озера платформе, а на противоположном берегу, кроме прочего собравшегося люда, сидела крутая металлическая тусовка во главе с Хирургом и тащилась от впервые открыто звучавших на многотысячный парк еще вчера запретных текстов.

На следующий день состоялось отличное выступление в помещении театра-студии «На Красной Пресне». Вначале прошел спектакль «Над пропастью во ржи» по Селлинджеру, и, казалось, в зале сидела вся хипстерская тусовка Москвы. Так что наш последующий концерт был и для нас, и для публики высшей степенью отвяза, и мы сыграли тогда почти весь наш репертуар.

Но одновременно с внешним апофеозом сгущались тучи внутри группы. С тем, что было сделано (записано и сыграно), все было очевидно – в кайф! Но куда и как двигаться дальше? Ясно было лишь, что необходимы изменения в составе, а именно введение новых музыкантов, как минимум барабанщика и гитариста. Все понимали, что это предполагало: 1) последующий болезненный процесс притирки, 2) изменение лица команды, а значит и роли каждого из нас. Вот так все было непросто, тем более что внутри группы не существовало единого мнения о необходимых переменах, а самыми диаметрально-противоположными были мои с Арменом проекты будущего группы. Мы как хирурги со сверкающими скальпелями прыгали вокруг собственного детища, зная, что для спасения его необходимо вначале расчленить. Представляете, как напряглись отношения и потяжелела атмосфера?..

Когда стало ясно, что мы с Григоряном уже не понимаем друг друга и становимся врагами, я понял, что мне стоит уйти из группы. Мой музыкальный поиск находился в более далекой от стиля «Крематория» плоскости, чем музыкальные воззрения Армена. Поэтому я и решил «выйти вон из самолета» для того, чтобы дать ему шанс лететь дальше. Я вообще никогда не держался за уже вставшее на накатанные рельсы название «Крематорий». Музыкант должен всегда искать что-то новое, а для того он должен быть свободен от стереотипов восприятия публики. В отличие от моих идеалистических воззрений на творчество, Армен уже генетически был прагматиком и понимал, что, сберегая для себя название, он гарантирует себе внимание публики...

Период с августа по декабрь «Крематорий» как организм существовал без меня. Может быть, не совсем корректно давать оценку того «Крематория» именно мне, но кто лучше меня мог видеть недостатки со стороны?

Те несколько концертов, что прошли за это время, полностью отражали кризисную ситуацию в группе. Каждое из выступлений было активным поиском чего-то нового в стилистике, хотя было видно, что точного рецепта ни у кого нет, и процесс идет вслепую. И никакого результата такой поиск не дал.

На концерт в Сетуни под флаг «Крематория» были привлечены бывшие «атмосферщики» Александр Севастьянов (ударные) и Джон Хомяков (гитара), а также – в качестве солирующего певца в нескольких новых песнях – мой близкий приятель Андрей Абрамов. Андрей классно пел «Beatles», «Deep Purple», «Pink Floyd», но в «Крематории» оказался явно не на своем месте. Пушкин играл на клавишах, а Армен взял в руки бас-гитару (такое – крайне редко – случалось в «Крематории» и раньше). Кроме уникальной (составом)

концертной записи, в выступлении не было ни одного плюса, что было особенно ясно всем оказавшимся в этот день на сцене. Наверное, именно поэтому на следующее выступление, совместное с группой «Укрощение Марса», группа вышла во вновь измененном составе: Армен с 12-стрункой находился у микрофона, Абрамова не было, но Джон и Севастьянов были на сцене. Мишка играл на скрипке, а Пушкину вернули бас-гитару. Даже из перечисления составов на двух этих концертах видно, какая чехарда творилась в голове у «крематорского» генералитета. Я сам присутствовал на этом концерте и впервые слушал «Крематорий» из зала. Это было настолько беспомощно и бессмысленно, что не запомнилось почти ничего. Вру, Севастьянов исполнил экспрессивное соло на ударных, но подобные номера характерны для групп с упором на музыку. Для ориентированного на смысл песен и не очень сильного инструментально «Крематория» все это было просто неестественно.

Следующее выступление уже говорило о полном отказе от предыдущих попыток воплотить в жизнь электрическую программу. В здании «Союзгипролесхоза» на Люсиновской 9 декабря крематорское трио (Григорян – Пушкин – Россовский) играло камерную акустику. Все выглядело симпатично, но в этом не было ничего нового. Потом Пушкин рассказывал мне, что после этого выступления в голове у всех участников группы витала мысль о распаде «Крематория».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В середине декабря (1986 года) мне позвонил Бродкин и рассказал следующее: руководство рок-лаборатории решило дать «Крематорию» возможность выступить на планирующемся первом «Фестивале надежд». Правда предварительно группа должна была продемонстрировать свои возможности на большом сборном концерте в ДК Курчатова. Сообщив преамбулу, Дима перешел к главному: все участники команды понимают, что упускать шанс выступить на фестивале, где соберется вся Москва, нельзя, с другой стороны, в нынешнем составе выступление наверняка будет неполноценным, так как все попытки заменить меня провалились. Это было сказано открытым текстом, так как не являлось преувеличением. В «Крематории» образца 1986 года одним из наиболее существенных элементов являлось наше с Арменом вокальное двухголосие. Наши голоса компоновались идеально, что отмечали все понимающие толк в этом деле. Важна была моя доля в сценическом имидже и концертном репертуаре. Но основная необходимость моего возвращения заключалась в том, что группе для нормального развития был нужен достаточный творческий противовес диктату Армена; причем он должен был быть подкреплен «крематорским» стажем, не меньшим, чем у Григоряна. Поэтому группа просит меня вернуться хотя бы на некоторое время и помочь (одновременно Бродкин намекнул, что тем самым мне дается возможность искупить «старые грехи»).

Я оказался в непростой ситуации. С одной стороны, четыре месяца вне группы были временем, когда нарушился привычный ход жизни. Поэтому очень хотелось сразу согласиться и включиться в работу. С

другой стороны, я понимал, что мой уход не случаен, а скорее закономерен, и что вдвоем с Арменом мы не уживемся (вернее «не упоемся»), а возвращение – лишь временная отсрочка, и проблема встанет снова. Наверное, решающим аргументом явились жажда активной деятельности и необходимость концертных выступлений, ведь мы все наркоманы от музыки, нам и на собственных похоронах захочется выступить.

Я вернулся.

ЗАПРЕЩЕН К ДОМОНТИРОВАНИЮ

То ли внешнее противоборство в лице сомневающихся в нас рок-лабораторских функционеров так подстегнуло нас, то ли кризис, перенесенный без меня, был так глубок, но наше воссоединение и какая-то освободившаяся при этом энергия по-новому заставили зазвучать почти дословно восстановленные в старых аранжировках песни. На концерте 20 декабря в ДК им. Курчатова (где нас со старой байкой о камерности засунули в малый зал) мы рубились так, что в большом зале не осталось почти никого, а вопрос об участии в фестивале решился автоматически.

В новогоднюю ночь мы в числе многих рок-лабораторских групп выступали в кафе «Метелица» на Калининском проспекте (ныне – Новый Арбат), где проходила новогодняя вакханалия рок-лаборатории. Правда, как я припоминаю, наибольшего «успеха» добился выступавший тогда «Центр» – в Василия Шумова летели даже пустые бутылки. Праздник «удался». Мы прилично выпили, осмелевший Григорян пригласил на танец директора рок-лаборатории Ольгу Опрятную, и танец этот со стороны смотрелся достаточно эротично... Так «Крематорий» вступал в новый, очень важный для него 1987 год.

«Фестиваль надежд» прошел в феврале. Даже неполадки в мониторной системе (мы не слышали барабанов) не смазали впечатления от нашего выступления. Места не определялись, а лауреатские звания кроме нас получили «Альянс» и «Ва-банк», но негласное решение большинства журналистов и специалистов было единодушным – «Крематорий» оказался лучшим. Хочу вспомнить одну забавную подробность нашего выступления на том фестивале.

Именно в те дни, когда проходили фестивальные выступления, Центральное телевидение повторяло двенадцатисерийный фильм Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Эта кинокартина всегда была любима зрителями, и не только пожилого и среднего возраста – молодежь тоже была не прочь посмотреть ее еще раз. Ну а музыка Микаэла Таривердиева, особенно тема песни «Я прошу хоть ненадолго, грусть моя, ты покинь меня...», ставшей лирическим лейтмотивом фильма, известна в нашей стране каждой собаке. Наш басист Пушкин, как только попадал к фортепиано, сразу начинал наигрывать всевозможные шлягеры в любых музыкальных областях: от классики до «совковой» эстрады. Вот тут-то я и придумал «фишку», с которой «Крематорий» начал фестивальное выступление...

...Отыграла предыдущая команда, после чего сцена была подготовлена к нашему выходу: отстроены мониторы и инструментальные комбики, расставлены в нужном порядке микрофоны, а на левый край сцены (если смотреть из зала) выкатили и озвучили рояль. Возбужденная публика посвистывая наблюдала за сценическими манипуляциями и предвкушала традиционный «крематорский» концерт. Внезапно свет погас, и зал приглушенно загудел. В кромешной тьме вдруг вспыхнул прожектор, и его ослепительный луч высветил клавиатуру и склонившегося пианиста. Одновременно с включением прожектора зазвучало рояльное вступление вышеупомянутой песни из «Семнадцати мгновений...». Зал взорвался хохотом, в полной мере оценив розыгрыш, а на сцену выскочили остальные участники группы и вместе грянули «Лепрозорий»...

21 февраля, заняв третье место по опросу зрителей на проходившем в ДК ЗВИ «Рок-обзрении», мы впервые прозвучали по русскоязычному радио (до этого

радиостанции транслировали нас лишь в программах на другие страны).

10 марта «Крематорий» участвовал в телемосте «Московская рок-лаборатория – Ленинградский рок-клуб». Тогда вообще стала модной на телевидении форма телемоста между городами и даже странами. Данный телемост объявил темой разговора рок-музыку. В Москве и Ленинграде собралось по пять или шесть рок-коллективов, каждый из которых исполнил по одной песне (под фонограмму), а присутствующие в студии музыканты, журналисты и зрители обсуждали многочисленные проблемы рок-музыки и конкретных рок-групп. Мы пели «Мусорный ветер», и это была первая, на мой взгляд лучшая версия одноименного произведения, записанная на предоставленной рок-лабораторией студии. Приглашенный на запись консерваторец Вадим Саралидзе не смог сыграть вдвоем с менее профессиональным в смысле исполнения Россовским и... впервые Миша остался в стороне: Вадим сыграл все скрипичные голоса. Кроме нас в телемосте участвовали группы: «Альянс», «Ва-Банк», «Николай Коперник», кто-то еще – почему-то помню только москвичей. Но, несмотря на то, что был отснят весьма приличный материал, руководство Останкино (или Лубянки) наложило резолюцию «запрещен к домонтированию!» и приказало размагнитить отснятые видеокассеты. Абсолютно подконтрольное столичное телевидение безоговорочно выполнило распоряжение, и лишь вольнодумное Ленинградское ТВ сохранило свою копию и в конце 89 года (песни, спустя два с половиной года – ай да гласность!) прокрутило телемост почти полностью. Правда без анонса в телепрограмме. Еще одна интересная подробность: режиссером передачи являлся Андрей Комаров, который некоторое время спустя стал известен в качестве ведущего «Музыкального лифта»

(вместе с Маматовым) и тогда вспомнил о «Мусорном ветре», сняв на эту песню видеоклип.

ВИТЯЗИ В ЗАЙЦЕВОЙ ШКУРЕ

Я уже упоминал в одной из предыдущих частей о присутствовавшей на наших концертах металлической тусовке под предводительством Саши Залдостанова, более широко известного под прозвищем Хирург. С чего бы это металлисты так полюбили «Крематорий»? Предыстория такова: как мотыльки, летящие на свет, вылетели представители металлической и панковской тусовок на кожаные куртки и брюки, выставляемые и продаваемые в Доме моды на проспекте Мира. Большинство из этих новомодных моделей выполнил мой бывший одноклассник Егор, с которым мы постоянно контактировали и после школы (он уже появлялся в нашем повествовании). С ним вместе однажды и появился ко мне на квартиру Хирург. Опять было лето, опять куда-то уехали родители, и у нашей компании шел многодневный праздник. Сейчас трудно установить точно, что именно Саше понравилось больше всего. Может быть, милицейская машина, дежурившая ночью у моего подъезда, а может быть, то, что пьяный Полковник (прозвище моего друга Андрея З.) укусил за ягодицу одну из спутниц Хирурга; но он стал заглядывать ко мне почти ежедневно (точнее сказать – редко уходил). Там ему и довелось прослушать записи «Крематория» достаточное количество раз, чтобы стать нашим сторонником.

Я не утверждаю, что лишь факт нашего близкого знакомства постоянно приводил на наши концерты металлическую аудиторию, но появление Саши (а он приходил далеко не в единственном числе) и его всегда искреннее восприятие нашей музыки всегда подогревали реакцию толпы. Кстати, именно Хирург первым после нашего расставания с Арменом

сформулировал довольно часто потом встречавшуюся формулу: «Для меня «Крематорий» существовал только до тех пор, пока в нем вместе играли Григорян и Троегубов»...

Иногда металлическая тусовка выполняла и охранительные функции. Так на совместный с группой «Тяжелый день» концерт в кафе «Проспект», что находилось с обратной стороны от главного входа в спорткомплекс «Олимпийский», этом лежбище люберов, мы согласились только после моего разговора с Хирургом. Из пятисот проданных билетов около двухсот разошлось среди металлистов, предупрежденных о возможной битве. Сашу еще перед началом сейшена свинтили менты, которые хотели обезглавить антилюберскую тусовку. Его пытались упрятать в милицейскую машину, но я обратился к ментовскому майору и заявил, что Саша является участником концерта. Мол, если вы его арестуете – концерт не состоится, и кафе понесет убытки в результате действий милиции. К такому повороту событий менты не были готовы, а пока они чесали репы, я уже утащил Хирурга внутрь.

На самом концерте (мы, по просьбе «Тяжелого дня», выступали вторыми) были лишь только мелкие инциденты с люберами-одиночками, которые угрожали последующим избиением на улице. Кстати, на этом концерте с общеизвестным крематорским квартетом впервые выступал позднее игравший в группе «Дым» скрипач Вадим Саралидзе... И после этого концерта Вадим перманентно появлялся в «Крематории», в основном на самых ответственных выступлениях (например на фестивале рок-лаборатории летом 1987 года), поднимая своей консерваторской техникой общий уровень группы; а также дал огромное количество конкретных советов и помог воплотить их в жизнь. Вадим обладал фундаментальными музыкальными

критериями, по которым устанавливался конечный результат в наших с Григоряном творческих спорах. Впоследствии Саралидзе записал все скрипичные партии в песнях «Мусорной ветер» и «Клаустрофобия» на альбоме «Кома». В то время он уже играл в моей группе «Дым», а потому попросил Григоряна, чтобы на обложке «Комы» не упоминалось его участие. Еще позже, в 1993 году, когда Мишка Россковский откажется продолжать запись «Двойного альбома», Вадим Саралидзе запишет скрипичные партии в одиннадцати (!) песнях...

После концерта организованная металло-панко-хипповская колонна вышла из «Проспекта» и двинулась к метро «Проспект мира». Весь путь был обрамлен милицейским оцеплением (по обе стороны нашей траектории через каждые 40 метров стояли ментовские машины), а спереди и позади толпы шли милиционеры с собаками. Напуганные такой организованностью любера осмелились на драку лишь на платформе метро, пока основные силы металлеров еще спускались по эскалатору. Для нападавших хулиганов этот набег закончился плачевно. Разбитые, они бежали, бросив павших, которых унесли в метростроевский медпункт...

Сам Хирург как-то затащил меня и Егора Зайцева в созданный незадолго до этого «клуб по интересам» – «Витязи» при ДК им. Горького. Формулировка – «клуб по интересам» – была лишь прикрытием: на самом деле под вывеской «Витязей» существовал единственный официально разрешенный в стране клуб металлического движения. В металлистах было много энергии и силы (в основном позитивной, что позволило им подавить люберецкий террор), но с идеологией было плоховато. Осознавая, что эту энергию важно пустить в полезное русло, мы с Егором таскались по разным пресс-конференциям и телевизионным встречам, где пытались объяснить, что металлист – не всегда хулиган

с заклепками. Зайцеву и мне также пришлось выступить в качестве парламентариев, передавших милиции (в 108 о/м на Пушкинской) ультиматум металлической тусовки в отношении разборок с люберами. Эта история, пожалуй, заслуживает более подробной прорисовки. Для начала уточню, что 108 отделение милиции отвечает за правопорядок в районе Пушкинской площади, а это – центральное место Москвы. Естественно, что именно здесь довольно часто происходили всевозможные стычки любителей с металлистами. Милиция, появлявшаяся на месте очередного боя, воспринимала как врагов лишь увешанных цепями металлистов, которых и начинала избивать дубинками и задерживать. Гарные люберецкие парни в клетчатых штанах в этот момент преспокойно отправлялись восвояси. Когда мы с Егором впервые пришли в 108 отделение, нам необходимо было убедить милицееское руководство в том, чтобы сотрудники милиции соблюдали нейтралитет или уж «мочили» бы и тех, и других. Я думаю, что вы понимаете, какими квадратными глазами смотрели на нас начальник отделения и его политрук. Однако довольно скоро мы нашли общий язык, и немаловажную роль сыграла поднятая статистика происшествий: выяснилось, что в течение долгого времени не было ни одного правонарушения со стороны металлической братии, в то время как любера совершили целый ряд хулиганств и даже преступлений разной степени тяжести. Я не пытаюсь представить эту историю как историческую акцию в борьбе за демократию, просто рассказываю, какими необычными порой бывали методы. Еще одна смешная подробность – милиционеры подарили Зайцеву крутой проклепанный браслет, снятый с задержанного – в прошлом металлиста...

Клуб «Витязи» чем мог помогал группе. При большой помощи Булата Мунсурманкулова из ЕНМЦ

(официальное название рок-лаборатории) нас аттестовали при ДК им. Горького, а я был оформлен на ставку руководителя группы при ДК. Таким образом «Крематорий» впервые получил официальную базу с приличным помещением и аппаратурой. Правда задержались мы там недолго, через девять месяцев меня уволили «по собственному желанию», а наша репетиционная база была ликвидирована. Но во время базирования в ДК им. Горького мы участвовали почти во всех мероприятиях «металлического клуба». Даже первый раз в телевизор (напомню: телемост так и не показали) «Крематорий» попал, будучи делегатом от клуба на авторскую передачу Родиона Щедрина (в 1987 году было модно кокетничать с представителями «подвальной» музыки). Так что самые стойкие фаны группы, те, кто смог перенести три часа щедринских музицирований во всех жанрах, услышали обрубок (2 куплета) блюза «Наше время», который мы исполнили в акустическом составе, так как бас-гитару включить на телевидении оказалось некуда. Но даже этот фрагмент, записанный на григорянский видак, мы считали фантастическим достижением. А для наших родителей, горевавших по поводу несерьезности выбранного нами жизненного пути и привыкших к постоянным неприятностям, это материализовавшееся видение пролилось бальзамом на душу.

FINAL CUT (ПОСЛЕДНЯЯ ЖАТВА)

Период с февраля по июнь 1987 года, с точки зрения концертной деятельности, был самым успешным за всю историю группы. Приведу сохранившийся список весенних концертов:

20 марта – концерт в ДК МИРЭА.

24 марта – концерт в кафе «Проспект», с группой «Тяжелый день».

1 апреля – концерт лауреатов «Фестиваля надежд» в ДК им. Горбунова.

5 апреля – концерт в ДК «Каучук».

12 апреля – концерт в ДК им. Горького.

18 апреля – концерт в ДК «Дукат».

22 апреля – концерт на предприятии.

30 апреля – концерт в ДК МИИТ.

10 мая – участие в фестивале «Акустика – 87» в ДК им. Курчатова.

16 мая – концерт в ДК им. Горького с группой «Веселые картинки». Этот концерт известен тем, что я якобы перед началом концерта «из конкурентных соображений» напоил певца «Веселых картинок» Игоря Белова. Но это совсем не так. Дело в том, что Игорь когда-то учился со мной в одной школе (на класс младше), и мы знали друг друга очень-очень давно. На настройке аппарата стало ясно, что аппаратура – полное дерьмо, и потому мы, вместо того чтобы репетировать, купили дикое количество сухого вина и сели пить его в репетиционной комнате. С нами выпивал и участник группы «ДК» Витек Клемешев, который, как и я, советовал Игорю не злоупотреблять напитком, тем более что он (напиток) никуда не денется. Но, как гласит народная мудрость, «жадность фраера погубит». Игорь этого не учел и... Последующие

события с ментами и были некоторыми «независимыми» журналистами истолкованы как подножка конкурирующей группе. Они не учли главного – мы пили на равных.

17 мая – какой-то странный юбилей группы «Битлз» в ДК им. Курчатова. Одним из условий участия в этом концерте было исполнение, кроме собственных, одной вещи «Beatles» в своей интерпретации. Это была неплохая идея: любителям андеграунда было интересно увидеть любимые группы исполняющими «классику». Участвовали: «Звуки МУ» (почему-то доукомплектованные Виктором Цоем), «Бригада С», «Ва-Банк» и еще с пяток команд. «Крематорий» на этот концерт привлек в свои ряды уже упоминавшегося Андрея Абрамова, который на этом выступлении пел и играл на рояле. Среди битловских рок-н-роллов, которыми отделялись остальные, исполненная нами «The Long Winding Road» прозвучала как ностальгический гимн, и у «Крематория» не было отбоя от иностранных журналистов, сновавших за кулисами. Все мероприятие закончилось портвейном в примерной и совместным исполнением на сцене битловского суперхита «Hey Jude». В нем опять доминировал Андрей Абрамов, который пел заглавную партию, аккомпанируя себе на рояле. Участники всех остальных присутствовавших групп подпевали и подыгрывали на своих инструментах. Слава богу, что операторы приглушили всю эту «армию», а то бы слушать это было невозможно. Единственным, кто не стал участвовать в совместном распевании «Hey Jude», был Мишка Россовский. Выходя со сцены, я спросил его: «А ты чего не вышел?». «Не хотел Андрюхе (Абрамову) мешать!» – ответил мне он... (Герой того вечера Андрей Абрамов через несколько лет нелепо погиб, сбитый автомобилем. На моем первом студийном альбоме «Для

умного достаточно» ему посвящена печальная песня «Утонувший в быту»...)

23 – 24 мая – участие (в качестве гостей) в Воронежском рок-фестивале.

26 мая – концерт в ЦДРИ.

13 июня – участие в «Фестивале рок-лаборатории сезона 1986 – 1987 гг.» (суперположительная рецензия в «Московском комсомольце»)

17 июня – концерт на предприятии.

В этот же период (восстановить даты точно не представляется возможным) прошло еще несколько концертов, среди них интересный спарринг в доме студента на проспекте Вернадского: акустический «Крематорий» (без Пушкина) – акустическое «Кино» (Цой с Каспаряном).

Первая половина 1987 года подняла «Крематорий» на ту ступень, откуда дальнейшее продвижение становится почти автоматическим. Его можно ускорить успехами или замедлить собственной глупостью и ленью, но основное сделано, и группа уже поставлена на те желанные (вместе с тем чреватые утратой чего-то самого главного) рельсы. Уже завоеван собственный слушатель, а название команды примелькалось даже в официальной прессе. В активе есть несколько разноплановых альбомов и трансляции по радио и ЦТ. Это ли не удача? Выяснилось, что это далеко не все...

Как реанимированный алкоголик спустя месяц начинает снова хлестать без продыху, так и мы, не успев окончательно воскреснуть, ударились во фракционные игры. Все понимали, что необходимо привлечь в группу новых музыкантов (мы все еще выступали под ритм-компьютер). Но выбрать что-то реальное не получалось: все кандидаты Армена отводились остальными участниками группы из-за низкого профессионального уровня; мои же протеже по разным причинам браковались Арменом, видимо

считавшим, что они ослабят его влияние в команде. В результате мы сами себя довели до цейтнота. Множество новых вещей старым составом мы могли только испортить, так как ограниченность инструментария превращала серьезно задуманные композиции в претенциозные опыты, не подкрепленные исполнением. Так, на сезонном лабораторском фестивале 1986 – 87 гг., проходившем в июне 1987 года, мы исполнили пять новых песен (две принадлежали Армену, три – мне). Репетировались его и мои песни уже отдельно, потому что мы с Арменом перестали разговаривать и даже здороваться. Кстати, много позже я узнал, что такую же форму принимали отношения музыкантов самых известных западных групп, даже таких как, «Rolling Stones» и «Beatles». Но в их случае разойтись окончательно они не могли из-за связывающего их контракта. Мы же могли разбежаться в любой момент, что вскоре и произошло... На фестивальном концерте я автоматически приделывал второй голос в песнях Армена, одновременно играя что-то на электрогитаре. В моих же вещах (кстати, уже в других аранжировках эти три вещи вошли в первый студийный альбом группы «Дым» 1989 года – он назывался «Sapienti Sat», что в переводе с латыни означает «Для умного достаточно») Армен вообще уходил к заднику и что-то играл, хотя, по-моему, не знал даже аккордов. Всю нагрузку по сольным партиям свалили на две скрипки (Саралидзе опять был в строю). Да, «Крематорий» того состава исчерпал все, на что был способен, а договориться о дальнейшем мы не могли, да и не хотели... Между прочим, запись этого концерта очень широко разошлась по стране, ведь наряду с пятью уже известными песнями на ней присутствовало и пять абсолютно новых. Одна из песен Армена называлась «2001 год», и через девять (!) лет, в

преддверии конца тысячелетия, он перезапишет ее на альбоме «Гигантомания»...

Начался странный период: я с Саралидзе и Пушкиным, добрав новых музыкантов – гитариста Андрея Мурашова и барабанщика Александра Соломатина, всю репетировали программу моих новых вещей (в дальнейшем этот коллектив стал называть себя группой «Дым»). Армен тоже не терял времени и работал с Россовским и Пушкиным (Сергея разрывался на два фронта). Они взяли в свой коллектив в качестве гитариста нашего общего знакомого, а также нашли в группе «Танграм» барабанщика Андрея Сараева. Обе команды готовили новые программы. Но самое смешное заключалось в том, что «Крематорий» формально еще существовал. В октябре группа вместе с десятком других команд рок-лаборатории прошла тарификацию (была и такая!) Главного управления культуры СССР, и мы получили документы «профессиональных» музыкантов. О концертах в старом составе никто не помышлял, да их и не было.

Свое «затворничество» мы согласились нарушить лишь однажды – Хирург попросил нас выступить на своей свадьбе. Кроме нас, играли «Вежливый отказ» и западноберлинская группа «PND», приехавшая вместе с Сашиной невестой Мартиной. Должна была приехать подружка невесты, известная всему миру Нина Хаген, но что-то помешало ей прибыть вовремя. Все это пьяное безобразие – не сама свадьба, а выпрашивание у «бундесов» барахла и пластов самой гнусной частью тусовки – происходило в арендованном на ночь кафе где-то в Бибирево. Именно это неофициальное выступление стало последним концертом «золотого» состава «Крематория»:

Армен Григорян – музыка, тексты, гитара вокал;
Виктор Троегубов – музыка, тексты, гитара вокал;
Сергей Пушкарев – бас-гитара, фортепиано;

Михаил Россровский – скрипка.

ЭПИЛОГ

Так странно совпало, что буквально сразу после свадьбы Хирурга у меня начались серьезные неприятности с голосовыми связками, и врачи семь месяцев запрещали мне разговаривать. Репетиции пришлось прервать (даже с членами семьи я переписывался). В некотором роде за эти семь месяцев я даже благодарен судьбе: чем меньше мы говорим, тем больше думаем. У меня было время поразмыслить, и все, что я написал здесь, не сиюминутно.

В момент раскола предполагалось, что будет честнее, если каждая из двух групп – и моя, и Армена – возьмет себе новое название, а иногда мы сможем объединяться под нашим старым названием и давать отдельные концерты. Но, пока я болел, Григорян со своим коллективом осуществил запись альбома «Кома» (начало 1988 года), который вышел под маркой «Крематория». Эта запись оказалась более удачной, чем предыдущие, с точки зрения комфортности для среднего слушателя (впервые группа писалась на многоканальный магнитофон), но – это мое субъективное мнение – дух изначального «Крематория» на «Коме» утрачен напрочь.

Концертная деятельность команды после выхода альбома активизировалась, но спустя три месяца из «Крематория» одновременно ушли Бродкин, Лагутин, «Кондратий» и «Пушкин» (последний окончательно остановил свой выбор на группе «Дым»).

Первый концерт группы «Дым» состоялся 26 апреля 1988 года, а через год появился и студийный альбом «Sapienti Sat» («Для умного достаточно»). Из-за наличия на нем трех уже знакомых слушателям песен – с широко разошедшейся записи «крематорского» выступления на

фестивале 1987 года – во многих городах России альбом фигурировал как запись «Крематория». Однажды на гастролях в Твери мне даже пришлось спорить с тамошним хиппаком по поводу авторства собственных песен. Когда я все же доказал свою правоту, он сказал: «Но это же более крематорское, чем «Крематорий»!». Что ж, ему видней. А уж умному – наверняка достаточно.

Январь – март 1990, кроме глав «Алкоголь», «Бессвязная глава»

и еще нескольких вставок, сделанных в 93 и 97 годах.

Интервью с Д. Бродкиным, первым директором “Крематория”

***Эксклюзивное интервью с Дмитрием Бродкиным,
первым администратором, а впоследствии и
первым директором группы «Крематорий» (1984 -
1988 г.г.), взятое Виктором Троегубовым в июне
1998 года.***

Троегубов (Т): Осенью 1987 года я серьезно заболел. Несмыкание голосовых связок на долгие пять месяцев отняло у меня возможность не только петь, но и просто говорить. Меня никто не выгонял из группы «Крематорий», но сам я уже считал себя вне ее. Я был уже без «Крематория», а «Крематорий» был без меня. Ты всегда был предельно честен со мной, в частности – никогда не скрывал, что из двух лидеров группы поддерживаешь не меня, а Григоряна, чье творчество тебе было симпатичней. Именно то, что ты, директор «Крематория», тогда занял сторону Армена, заставило меня покинуть группу. И вот вы остались без «помехи» в моем лице. Какие же задачи группа ставила тогда перед собой?

Бродкин (Б): Основной стратегической линией являлся выпуск добротного коммерческого альбома. С момента выхода предыдущей записи – «Иллюзорного мира» – прошло почти два года. За это время накопилось огромное количество нового материала. За столь длительный период постепенно были отброшены все средние и слабые песни, и альбом подбирался почти

исключительно из хитов. Кстати, одну из отброшенных тогда песен – «2001 год» – сейчас активно гоняют FM-радиостанции, преподнося ее как новый шлягер «Крематория». Но мы-то с тобой знаем, что она была впервые исполнена аж в 1987 году на фестивале рок-лаборатории, после чего ни разу не исполнялась на концертах и не планировалась к записи... Новый альбом был очень нужен. И не только потому, что время пришло, а потому, что он должен был стать особенным. Он должен был стать коммерческим и хорошо распространиться. Не стихийным образом и не профессиональными каналами. Говорить в 1988 году о выпуске виниловых дисков группы с названием «Крематорий» было невозможно, а потому ставка делалась на сеть «писарей», занимавшихся копированием на магнитной ленте. Стояла задача сделать все, чтобы его «тираж» был максимальным и чтобы дошел он до максимального количества слушателей. И целей этих мы достигли.

Т: А ставились ли какие-нибудь творческие планки?

Б: Естественно, стояла задача записать этот альбом так, чтобы и уровень исполнительский, и уровень записи (то есть продюсерский) были качественно новыми по сравнению с предыдущими записями. Для этого, во-первых, требовалось пригласить новых музыкантов. Ведь в составе не было ни гитариста, ни барабанщика. Когда начали готовиться к записи, решили, что и более профессиональный скрипач не помешал бы. Хотя со всеми комплиментами в адрес Россовского я согласен, но это то, что касается манеры его концертной игры. Но в студийном плане, наверное, требовались дополнительные музыканты... Ну а все остальное, то, что Григорян пригласил саксофониста и семейную пару на подпевки, – это была его личная инициатива.

Т: Ты хочешь сказать, что все основные вопросы решались не лично Григоряном, а коллегиально?

Б: Большинство вопросов решались коллегиально!

Т: Кем?

Б: Я боюсь, что дам сейчас не самое точное определение... Решалось двумя людьми: мной и Григоряном. Все, что касается аранжировок, – в этом принимали участие все музыканты, а стратегические вопросы решались нами вдвоем...

Т: Почему все-таки на альбоме звучала дурацкая ритм-машинка? Не могли найти барабанщика? Но ведь был верный друг Севастьянов.

Б: Я даже не помню. То ли он к тому времени уже с головой ушел в бизнес, в какие-то комсомольские дела... Проще оказалось играть с компьютером, тем более что он не ошибается. Кондратий (Алексей Кондратьев являлся конструктором и программистом ритм-машинки в одном лице) ведь написал индивидуальную программу на каждую песню... А может быть, просто не хватало времени на введение в уже готовую музыку нового человека.

Т: А было известно, где будет производиться запись?

Б: Конечно, нет! Черновую, прикидочную запись сделали где-то у Кондратия, в служебном помещении при МАИ, на бытовой магнитофон и пульт «Электроника». Я в это время начал искать студию... У нас были хорошие отношения с инструментальной группой «Деревянное колесо», мы даже отработали несколько совместных концертов. Они первыми и записались на киностудии им. Горького, а также порекомендовали мне это место. Я съездил туда, познакомился со звукорежиссером Николаем Николаевичем Шестовым и обсудил с ним подробности. Но мало было найти студию, требовались и деньги на запись. У нас таких денег не было. Тогда мы

договорились с рок-лабораторией, что они оплатят нам запись, а мы обязуемся отработать эту сумму концертами, получая за них лишь наши тарифные ставки в 6 рублей 50 копеек за каждое выступление. Ведь незадолго до этого мы прошли тарификацию Министерства культуры, в которой принимал участие и ты. Итак, те концерты, в которые нас «вписывала» рок-лаборатория, мы работали практически бесплатно.

Т: Еще о проблеме столь необходимых для группы музыкантов. Что ты скажешь о гитаристе Олеге Лагутине? Как он попал в группу?

Б: Гитарист группе был просто необходим, так как после твоего ухода в «Крематории» просто не осталось музыканта с электрогитарой. А Лагутина я хорошо знал, мы с ним много лет занимались музыкой, правда в большинстве своем кабацкой. Вся наша компания – я, Пушкин и Россовский – считала его весьма приличным гитаристом, хотя и не самого близкого «Крематорию» жанра. Как я уже сказал, он играл, в основном, ту эстрадную музыку, что потреблялась на танцплощадках и в кабаках. Ну и, по сложившейся среди отечественных музыкантов традиции, для себя Олег поигрывал западную рок-классику... Но вернемся к «Крематорию». В тот момент позволить себе пригласить крутого сессионного гитариста мы не могли – на это не было денег. А для того чтобы найти постоянного гитариста в группу, нужно вообще проделать адскую по своему объему работу, так как разыскать следовало бы не просто хорошего музыканта, но и единомышленника по музыкальному направлению. Конечно, Лагутин не был идеальным вариантом, но это было лучшее из того, что мы на тот момент имели. А так как вопрос записи альбома являлся неотложнейшей задачей, вопрос о вхождении Олега в группу был решен. А если говорить, скажем, о звукоизвлечении – он был лучшим из всех, кто до того работал в группе. К тому же он умел

придумывать гитарные партии, и они нравились Григоряну. Кстати, на концертах он играл с драйвом и неплохо держался на сцене... Хотя, откровенно говоря, «Крематорий» не являлся музыкой Олега Лагутина.

Т: Чтобы закончить вопрос о музыкантах того состава, расскажи о появившемся в группе почти в то же самое время, но не записывавшемся на «Коме» барабанщике Андрее Сараеве.

Б: Необходимость в барабанщике была крайне острой, ведь продолжать выступать на концертах с самопальной драм-машинкой было немыслимо. Я искал барабанщика долго и планомерно. И все-таки нашел его. А точнее нашел его мой двоюродный брат Сева Гродский. Севе тогда было девятнадцать лет, ему нравился «Крематорий» – это было чисто возрастное пристрастие. Он и его друзья образовали первый неофициальный крематорский фан-клуб... В то время «Крематорий» делил с группой «Ва-банк» репетиционную базу в ДК им. Курчатова, и именно туда, на репетицию, я впервые и привез Сараева.

Т: Я знаю, что Андрей Сараев до этого играл в ритм-энд-блюзовой команде «Танграм». Но их музыка была более навороченной, чем опусы «Крематория».

Б: ...Сараев получил кассету с концертным репертуаром «Крематория» и отправился разучивать песни.

Т: Вернемся к альбому «Кома». Как проходила запись?

Б: Как по маслу – никогда не бывает, однако основной проблемой стала нехватка времени. Хотя рок-лаборатория дала очень много времени, но бывает так, что какая-то конкретная вещь не идет, и все!.. Что касается готового альбома, заранее была разработана операция по его продаже. По существовавшей тогда практике, качественные мастер-тейпы с оригинала покупали так называемые «писатели» и срочно

начинали тиражировать новую запись, чтобы оправдать свои затраты. Сделка происходила, чуть ли не через час после окончательного сведения записи. «Писателей» было не так уж много, и все они стремились купить запись как можно быстрее. Кстати, устаревала запись, а значит, и падала в цене, буквально день ото дня, можно сказать – по часам. Ведь каждый «писатель» начинал подозревать, что один из его конкурентов уже купил пленку и первым снял сливки. У каждого из столичных «писателей», в свою очередь, существовали региональные дилеры, покупавшие пленки для тиражирования у него. Так что, на этом неофициальном рынке царил культ экономического смысла, жестко связанный с фактором времени. Ведь чем дальше, тем больше могло случиться утечек оригинала: с самой студии, от кого-нибудь из музыкантов и тому подобное... В нашем случае этого удалось избежать, и «Кома» была успешно продана. Сейчас я уже не помню, кому была продана запись и какова была цена – какая-то смешная сумма в 200 или 250 рублей...

Т: Тем не менее, пленка все же была продана, и уж моральное удовлетворение у группы было наверняка.

Б: Удовлетворение было. Ведь существовал неофициальный прейскурант, по которому подобная тиражная копия самых крутых групп – типа «Машины времени» или «Аквариума» – стоила, предположим, 300 рублей. Я подчеркиваю, что сумма эта – абсолютно условная. Тариф средних групп был ниже, предположим – 200 рублей. Так вот, «Кома» была продана за сумму выше средней. Это был коммерческий успех, хотя покупатели еще даже не слышали записи. Все переговоры велись предварительно...

Т: Хочу задать вопрос по творческой составляющей нового альбома. Для этого я должен прицепиться к одной из сказанных тобой сегодня фраз. Ты говорил, что не спорил с Григоряном по поводу работавшей на

подпевках семейной пары Власенко – Бочарова. На мой взгляд, – и это не только мой взгляд, иначе я бы не стал об этом говорить, – эти явно не-крематорские двухголосия очень мешали восприятию песен, в которых они использовались. Особенно версия «Мусорного ветра», где основному голосу Григоряна вторил некий КСП-шный вокальный ансамбль. И это притом, что, с подачи все той же рок-лаборатории, в 1987 году для телемоста Москва-Питер эта песня была записана в классной, донельзя печальной версии с привлечением второго скрипача Вадима Саралидзе.

Б: Возможно, профессиональный уровень записи был хуже необходимого, а это сразу же делало использование предыдущей версии «Мусорного ветра» невозможным. Что касается подпевок на «Коме», то мне они не нравились ни тогда, ни сейчас – хотя я давно уже не слушал «Крематорий». Это совершенно некрематорский, инородный стиль.

Т: А почему не мог спеть кто-нибудь из «крематорского» круга, например ты сам?

Б: Я не знаю. По-моему, это была навязчивая идея Григоряна. Я не стал спорить. Не было особого смысла бороться, так как «Мусорный ветер» был на тот момент хитом номер один. Кстати, рок-лабораторская верхушка во главе с Ольгой Опрятной называли «Мусорный ветер» песней года. В каком бы исполнении она ни была записана, она все равно бы прошла на ура...

Т: Альбом записан и удачно продан. Что еще группа предпринимала в тот момент, чтобы повysить свой рейтинг?

Б: Поскольку выпуск альбома являлся стратегическим ходом, то велась серьезная подготовка не просто к записи, но и к «последствиям» этой записи. Как я уже сказал, вопрос распространения по стране был решен успешно – «Кома» попала к самым «топовым» распространителям. Время выхода альбома

тоже было удачным: он не попадал в мертвый сезон, каковым является лето и отчасти весна. К тому же мы «попали в точку» с конкурсом магнитоальбомов, объявленным журналом «Аврора». Условия конкурса были предельно простыми: присылайте запись своего альбома в совокупности с анкетой группы. Победителю журнал «Аврора» – в то время крайне популярный – обещал публикацию на своих страницах. Кроме того, должен был состояться грандиозный концерт лауреатов в Питере. Подчеркну, что конкурс являлся всесоюзным: участники представляли полный географический спектр, от Владивостока до Калининграда. Нашей посылке предшествовала большая подготовительная работа, в результате чего альбом не проделывал почтового путешествия. Фонограмма с анкетой попали в руки одному из членов жюри, причем этот человек заранее был подготовлен и настроен по отношению к группе доброжелательно.

Т: Какое место заняла «Кома» в конкурсе «Авроры»? Первое?

Б: Не думаю! По-моему, первого места никому не присуждалось. Альбом «Крематория» просто оказался в числе лауреатов. Официальное письмо об этом из редакции «Авроры» пришло ко мне домой. Но в тот момент я уже сложил с себя полномочия директора группы.

Т: Скажи, это письмо сохранилось или ты выкинул его в помойку?

Б: Не помню. Ведь все это происходило уже десять лет назад... наверное, это письмо находится там же, куда пропало упоминание о моей продюсерской роли в альбоме «Кома».

Т: ???

Б: Когда мы посылали фонограмму альбома на конкурс «Авроры», в анкете группы было указано, что я являюсь продюсером альбома. Причем подобное

указание не являлось сугубо моей инициативой. Весь текст был согласован с Григоряном. Однако в дальнейшем, на всех изданиях «Комы», строка о моей продюсерской роли просто-напросто испарилась, видимо также с ведома Армена...

Т: Два слова о твоей продюсерской роли. Во всем мире продюсером называют человека, который занимается обеспечением профессионального и индивидуального звучания конкретной группы или какой-нибудь из ее студийных работ. В нашей стране под продюсерством чаще подразумевают финансирование артистов. Что именно делал ты?

Б: Конечно, я не профессионал в области звучания, но мною очень много было сделано в этой области. Мы все обсуждали совместно с Григоряном, мы вместе решали: в какой последовательности будут расположены песни на альбоме, как они должны быть записаны – со звукорежиссерской точки зрения. В этом смысле Григорян и давал согласие, что я буду являться официальным продюсером альбома. Главный эксперт рок-лаборатории по фонограммам Александр Агеев именно со мной обсуждал все музыкальные достоинства и недостатки «Комы»: «Хороший ты альбом сделал. А тут что ты втиснул? А здесь запись явно провалена!..». Действительно, альбом получился неровным, а кое-что выпадало даже по качеству записи...

Т: Ты говорил, что существовало осознанное желание поднять качество скрипичной игры. Я знаю, что Григорян вроде бы предлагал Вадиму Саралидзе стать исполнителем всех скрипичных партий. Но Вадим отказался от этого, в результате сыграв лишь две песни: «Мусорный ветер» и «Клаустрофобию».

Б: Насчет всего альбома я уже не помню. Точно знаю, что кому-то из нас двоих, мне или Армену, хотелось записать скрипичный квартет в «Клаустрофобии», и для этого был необходим второй

скрипач. Россовский и Саралидзе вместе должны были записывать две скрипки на одну дорожку, потом еще две – на другую дорожку, и так далее. Тем самым и пытались достичь эффекта целого скрипичного оркестра.

Т: Может быть, они должны были записывать именно так, но на компакт-диске указано, что в вышеупомянутых песнях штатный скрипач Михаил Россовский не записывался. Ваша задумка не смогла реализоваться по причине того, что «в одну оглоблю впрячь не можно вола и пламенную лань». Профессиональный скрипач камерного оркестра с консерваторским дипломом и талантливый музыкальный самородок с начальным музыкальным образованием вместе просто не зазвучали. Слишком различен оказался их исполнительский уровень, и это несоответствие очень понятно любому профессионалу... Ну да ладно, я предлагаю идти дальше. Итак, в начале 1988 года у «Крематория» все в порядке: записан замечательный альбом, его услышала вся страна, а кроме того он еще стал призером всесоюзного конкурса. Проблемы с составом решены – в группе репетирует новый барабанщик. Строятся грандиозные планы дальнейшей деятельности. Как в этот период очевидного творческого успеха складывались отношения принимавших все решения двух людей: автора песен и единоличного лидера группы Армена Григоряна и ее административно-коммерческого мозга и сопродюсера в одном лице – Дмитрия Бродкина?

Б: Прекрасно. У нас не существовало никаких проблем. Мы никогда не ссорились и даже не спорили.

Т: Тогда объясни мне пожалуйста, что же должно было произойти, чтобы ты, а вместе с тобой еще несколько музыкантов – басист Сергей Пушкарев, гитарист Олег Лагутин, компьютерщик «Кондратий» и руководитель фан-клуба Сева Гродский – покинули

«Крематорий»? И что за история случилась во время одного из концертов группы, ведь именно после нее вся вышеперечисленная компания не прощаясь оставила Григоряна? Я прошу тебя вспомнить все, может быть даже поразмышлять вслух.

Б: Как ты понимаешь, я на эту тему очень долго размышлял тогда, десять лет назад. Правда последние лет восемь я об этом уже не думаю.

Т: Тем лучше, с такого солидного временного расстояния твои мысли будут еще более взвешенными, чем непосредственно после разрыва.

Б: Прежде чем я отвечу на твои вопросы, я хочу сказать следующее. Предыдущий, начальный период развития «Крематория» – по закону диалектики – являлся периодом накопления количества, которое должно было перейти в новое качество. С выпуском «Комы» или чуть раньше и произошел этот качественный скачок. Ведь одним из основных направлений моей деятельности являлась работа, проводимая для официального признания полного названия группы, уход от этого «Крема...» с тремя точечками. Вначале упоминание полного названия «Крематорий» стало возможным на афишах...

Т: Я помню опубликованное в газете письмо какого-то пенсионера, возмущенного такой свободно висящей на улице афишей.

Б: ...Потом полное название группы стало изредка мелькать в наиболее смелых средствах массовой информации. К тому моменту, о котором мы говорим, название уже преодолело ханжескую недоговоренность и почти всеми стало употребляться полностью. В частности в журнале «Аврора» группа проходила уже как «Крематорий». И это тоже являлось косвенным свидетельством того самого качественного скачка. Таким образом, у группы сложились все предпосылки к мощному рывку вперед. Для успешности такого рывка

нужно было решить лишь две проблемы: во-первых, повысить профессиональный уровень, который до того был крайне низким, и, во-вторых, серьезно заниматься обширной концертной деятельностью для дальнейшей популяризации команды. Ну и конечно, время от времени необходимо было выпускать новые хорошие альбомы...

Т: Ты не ответил на прямо поставленный мной вопрос. Что произошло в «Крематории»?

Б: Как конкретно разрыв произошел, я рассказывать не собираюсь. Как все произошло – не имеет принципиального значения. А почему это произошло, я расскажу. Более того, я считаю, что этот разрыв был предопределен.

Т: Но ты же говорил, что между тобой и Григоряном не было ни ссор, ни споров?

Б: Да, я еще раз подчеркиваю, что мы не ссорились, по крайней мере я этого не помню. А разрыв был предопределен, как любой разрыв, когда появляется нечто, что уже можно делить. До этого делить было просто нечего, и вдруг у «Крематория» появились некие перспективы, которые вскоре должны были материализоваться во вполне осязаемые блага. Неминуемо должен был встать вопрос, кому достанется большая доля или вообще «вся доля». Можно выразиться и по-другому: двум медведям в одной берлоге не ужиться!

Т: Я правильно понимаю: Григорян ни с кем не захотел делить грядущий крематорский урожай, в том числе и со своим постоянным союзником в твоём лице? Он нашел предлог и уволил тебя из группы.

Б: Я категорически протестую против формулировки «был уволен». Я ушел. Меня никто не нанимал на работу.

Т: А почему ты ушел?

Б: Вот это – совсем другой вопрос. До того момента, когда произошел этот разрыв, я даже не подозревал, что ситуация уже зашла так далеко, что пора уже делить то, что можно определить как лидерство, влияние или славу. А ушел я по причине того, что разрыв этот произошел в такой подлой форме, что ни один нормальный человек после этого не подает руки и просто прерывает отношения.

Т: Я все время хочу конкретизировать твои обтекаемые ответы. Значит ли сказанное тобой, что Григорян преступил некие моральные критерии, что было абсолютно несовместимо с твоими этическими принципами?

Б: Естественно, да. Я ушел не потому, что поспорил с ним: как мы будем делить власть в группе или деньги от концертов. Ничего подобного не было вообще. Просто Григорян меня оскорбил, причем сделал это публично.

Т: Но вы же могли помириться. В конце концов, он мог просто извиниться перед тобой, и инцидент был бы исчерпан. Ведь вы были не только соратниками, но и друзьями – вместе проводили свободное время. Наконец, вы вместе «выдавили» из группы Виктора Троегубова.

Б: Тем больший шок я испытал. Именно потому, что мы были друзьями и соратниками. Я не ожидал этого удара. Это сейчас мы стали взрослыми и мудрыми, сейчас говорим: «боже, избавь меня от друзей, а от врагов я сам избавлюсь». Так вот, Григоряна я всегда считал своим другом, и не ожидал подобного с его стороны. Это стало просто ударом в спину. Долгое время я находился просто в состоянии шока. Если на улице ко мне подходит шпана и говорит что-то, я могу адекватно реагировать и постоять за себя. А когда удар в спину наносит друг, просто теряешься. Вот и все. Я подозревал, что рано или поздно какие-то противоречия

могут возникнуть. Но я никогда не мог даже представить, что все произойдет в такой гнусной форме.

Т: Неужели такой вроде бы прагматичный человек, как ты, мог быть столь неисправимым идеалистом?..

Б: Всегда таким был!

Т: ...А Григорян оказался совсем не похожим на идеалистичную фигуру этакого «неприспособленного» героя своих песен, наоборот постоянно тянул одеяло на себя и использовал всех окружающих, в том числе и тебя? Как ты думаешь, он оскорбил тебя намеренно или случайно?

Б: Я уверен, что он делал все целенаправленно. Что это не сорвалось у него с языка сгоряча. Я уверен, что эта акция планировалась. Именно поэтому я и говорил, что абсолютно не имеет значения – как все произошло. Не окажись формального повода в тот раз, он бы нашел другой удобный случай. А потом я же видел, как он в группе, грубо говоря, «шел по трупам», начиная с ситуации с тобой и кончая еще кем-то. Видимо, только такие люди и побеждают в этой жизни, и в рок-музыке в частности. Мне было еще мало лет, не было мудрости, и я не подготовил себя к той ситуации заранее.

Т: Дима, может быть, подобные ситуации возникали из-за того, что рок-музыка была не карьерной, а святой частью нашей души, и мы не были готовы к предательству именно на этом пути?

Б: Естественно. Ведь между нами не было в тот момент никаких серьезных коммерческих отношений. Конечно, были уже деньги, и мы их как-то делили. Может быть, нам с Григоряном доставалось больше, чем остальным. Но это были не те деньги, из-за которых можно было устраивать разборки...

Т: Когда случилась вся эта история, из группы «вывалился» не только ты. Ушел твой брат Сева, директор крематорского фан-клуба, ушли Пушкин и

Лагутин, ушел даже звукорежиссер (он же компьютерщик) Кондратий.

Б: Остался только Мишка Россовский и за неделю до того приведенный барабанщик Сараев.

Т: Но Мишку абсолютно такая же ситуация настигла через пять лет, в 1993 году. Кстати, а как же он тогда смог остаться, ведь ушли все его друзья, я бы даже сказал – все близкие друзья.

Б: Это я не буду комментировать. Это его личное дело, спроси у него сам. Я к Мишке не имею никаких претензий, это – его жизнь.

Т: А люди, что ушли с тобой, что руководило ими? Они разделяли мнение, что Григорян поступил с тобой нечестно (если не сказать подло), или у них существовали иные мотивы для ухода?

Б: Я думаю, у каждого были свои причины. Пушкин, безусловно, разделял мою позицию, поскольку мы были друзьями, и остаемся ими до сих пор. Кондратию – может быть – стало уже совсем неинтересно. Он уже наигрался в рок-группу, и он со своим техническим уровнем «парил» совсем в иных мирах. А может, они почувствовали, что такая судьба может в любую секунду постигнуть и их: Григорян получит от каждого то, что ему нужно, и избавится от них. Они просто предвосхитили события, и поступили мудро.

Т: Я знаю, что после расставания с «Крематорием» ты еще некоторое время занимался музыкальным менеджментом, в частности был директором группы «Нюанс». Я знаю также, что ты устраивал несколько региональных рок-фестивалей.

Б: Поскольку я был довольно глубоко погружен в рок-музыку, у меня осталось большое количество связей, контактов, проектов и даже обязательств. Уже шли переговоры о рок-фестивале в Брянске. И по инерции я продолжал заниматься этой деятельностью. Многие группы, узнав о моем «расставании» с

«Крематорием», стали предлагать мне место директора. Группа «Нюанс» мне просто нравилась, хотя я знал, что это – абсолютно некоммерческая команда. И именно по инерции я стал их директором и некоторое время с ними работал. Через некоторое время я просто оставил эту деятельность и по-доброму расстался с «Нюансом». Если взглянуть на мою продюсерскую деятельность глубже, то сразу станет ясно, что я никогда не был продюсером в чистом виде. С «Крематорием» меня связывало слишком многое: и дружба с большинством участников, и любовь к этой музыке, и еще многое, что невозможно определить словами. Когда произошло расставание с «Крематорием», оборвалось большинство нитей, связывающих меня с отечественной рок-музыкой. Во время работы с «Нюансом» я понял это окончательно. Все мои эмоции были растрчены в момент расставания с «Крематорием», так что «Нюанс» – и всю музыкальную деятельность – я оставил уже без сожаления.

Т: Впоследствии тебе не приходилось слушать следующие альбомы «Крематория»?

Б: В первое время меня это еще интересовало, по моему я даже как-то съездил на концерт. Правда инициатива этой поездки принадлежала моему знакомому, недавно приехавшему из Штатов. Была зима, концерт проходил в концертном зале в Олимпийской деревне. Я тогда уже начал зарабатывать приличные деньги, и гордо приехал на концерт на недавно приобретенном «опель-сенаторе». Правда, когда подъехал на джипе «форд-бронко» Кондратий, мой пыл поубавился.

Т: Я помню этот концерт, после его окончания Кондратий подвозил меня домой. Но это было аж через четыре года после твоего ухода из группы.

Б: ...Что касается альбомов «Крематория», то специально я не интересовался ими никогда. Случайно

ко мне попала кассета с альбомом «Зомби» и прокрутилась у меня в машине раз десять – есть у меня привычка не вынимать кассету после первого прослушивания. Да еще есть у меня пара компакт-дисков, подаренных то ли тобой, то ли Григоряном. Но это – старые альбомы, в частности сборник «Живые и мертвые», куда вошли несколько песен с того самого альбома «Кома». Да, еще я слышал что-то типа «Микронезии». Так вот, и «Зомби», и «Микронезия» – это совсем другой «Крематорий». Это, видимо, связано с возрастом. Плюс новые музыканты – на него всегда оказывали влияние музыканты, их уровень и мышление. Недавно я где-то прочитал, что в записи «Зомби» принимал участие джазовый гитарист. Я тут же понял, что именно профессионализм гитариста вытянул эту запись. Но это уже субъективные впечатления.

Что же касается «Крематория» как явления вообще, то когда-то все мы вместе создали его на ровном месте просто из ничего, из нескольких симпатичных песенок...

“Крематорий” в 1988 – 90 гг. (интервью Григоряна)

***ПРАВДИВАЯ, НО СКУПАЯ ИСТОРИЯ «КРЕМАТОРИЯ»
ПОСТ-ТРОЕГУБОВСКОГО ПЕРИОДА (1988-90),
РАССКАЗАННАЯ АРМЕНОМ ГРИГОРЯНОМ в 1992
году.***

***(Это само-интервью А.Григоряна, надиктованное
им на магнитофон и «расшифрованное» в
печатный текст Маргаритой Пушкиной ,
планировалось к опубликованию в книге о группе
«Крематорий» в начале 90-х. К сожалению, этой
книге по разным причинам не суждено было
увидеть свет. Данный документ печатается без
изменений!)***

Думаю, что история и правда – два понятия, совершенно несовместимых друг с другом. История пишется отдельными личностями, у каждой из которых всего-навсего два глаза, два уха, одна голова и объять все – невозможно. В истории «Крематория» – огромное количество легенд и фактов, врагов и друзей, побед и поражений, правды и вымысла, которые к тому же покрыты теперь алкогольно-временным туманом, который ни один глаз не прошибет. Писание мемуаров – дело пенсионеров, скрашивающих свои последние дни воспоминаниями. «Крематорий», на мой взгляд, еще достаточно молод, полон идей и сил, необходимых для их реализации. Вообще-то думать о смерти пока рановато. Исходя из этого, я был против всяческих

мероприятий типа писания воспоминаний. Но Витя (Троегубов – прим. автора) и Маргарита (Пушкина – прим. автора) убедили меня в обратном. Хотя я предпочел бы думать о будущем.

Итак, после расставания с Троегубовым группа продолжала плодотворно работать. Мы записали «Кому» – работа была интересной. Хотя, если бы сегодня я взялся за этот альбом снова, я многое бы в нем изменил. Мы дали несколько концертов в Москве (особенно яркие эпизоды что-то припомнить не могу), съездили на фестиваль в Свердловск (здесь тоже маленький провал в памяти... Зря я в заявлении сказал о пенсионерах!), но, если говорить откровенно, о каком-то настоящем прогрессе в то время мечтать особенно не приходилось. Вся сложность ситуации заключалась в следующем: было необходимо произвести кое-какие изменения в составе. Во-первых, группа до сих пор играла с самопальным ритм-боксом (с которым, кстати, записан альбом «Кома»). В начале крематорской карьеры это был верный ход из-за невозможности озвучания барабанов, но весной 1988-го ритм-компьютер стал уже анахронизмом. Во-вторых, в «Крематории» так и не было приличного гитариста. Олег Лагутин, записывающийся на «Коме» (кроме него на альбоме работал наш старый приятель гитарист Джон Хомяков) и выходявший тогда в составе группы на сцену, был временным участником, и об этом знали все, включая его самого. Однако он был близким приятелем Сергея Пушкина (бас) и администратора Дмитрия Бродкина. Эта дружба и явилась причиной его появления в «Крематории» (а отнюдь не лагутинские гитарные способности). Составчик был еще тот! Мы начали чахнуть на глазах. Ни одной новой песни, хотя я их сочинял. Но когда я показывал свой продукт (а это было предтечей «Клубники»), они говорили: «Это мы вряд ли сможем сыграть!» – и начинался какой-то

бойкот. Взрыв произошел на концерте в Зеркальном зале Эрмитажа, кажется... По-моему, мы на сцену даже не вышли... И в этом составе вообще больше не появлялись. Хотя нет, выступали. По договоренности, в Олимпийской деревне. Это считается последним официальным выступлением «Крематория» в таком виде. Стоит ли разбирать все перипетии произошедшего? Что это объяснит? Короче, в группе остались: Армен Григорян, Михаил Россовский, Александр Куницы (саксофон) и только что пришедший в «Крематорий» барабанщик Андрей Сараев. Именно в таком составе команда отработала уже «заряженные» концерты в Свердловске. ... Куницын в самолете спешно переучивался на бас-гитару, так как басиста мы к тому времени еще не нашли... Приехали мы на место страшно несыгранные, сырые, отыграли 4 ужасных концерта. Худшие за всю нашу историю. Откровенно говоря, там обкакались. Совершенно. И вернулись в Москву. У меня накопилось много новых песен. Посредством прослушивания был найден бас-гитарист Сергей Третьяков и гитарист Дима Куликов. Сергей окончил училище по классу композиции и контрабаса. Лето 1988 года пролетело в неустанных репетициях. К сентябрю мы умудрились сдавать новые аранжировки ко всем старым вещам, сделали кое-какие песни с «Клубники», предварительную (черновую, по-русски говоря) запись «Живых и мертвых» и все той же «Клубнички». К основной записи приступили в конце ноября на киностудии имени Горького. Первый концерт этого состава (так и хочется напечатать «этого разлива» – прим. М. Пушкиной) проходил в СКК «Динамо» в одной обойме с «Чайфом», «ДДТ», «Звуками МУ» и пр. Потом весьма удачно «отбомбились» в Воронеже. Вообще-то нас там всегда принимают отлично – то ли потому, что там сплошь и рядом люди хорошие живут, то ли потому, что там – родина

Платонова. Короче, этот город нас притягивает... Больше всего, пожалуй, запомнилась поездка в Барнаул – удивительно приятная тусовка. Панк Андрон там был, хиппи Вадим, художник Лека и еще многие, с кем мы провели гастрольные дни спина к спине, плечо к плечу, локоть к локтю и т.д. Помню, когда мы ехали в аэропорт после пышных проводов с обильным возлиянием, к нам в автобус все время подсаживались какие-то люди. Мы угощали их пивом, сигаретами, пели песни. А когда приехали в аэропорт, я спросил: «Что это так много народу входило и выходило из автобуса? Какое-то безумное путешествие!». Парень посмотрел на меня жалостливо и ответил: «Автобус-то рейсовый...». Полет тоже был еще тот – нам казалось, что самолет наш, крематорский в доску, собственность группы, и вели себя на борту крайне плохо. Нехорошо мы себя вели. До сих пор удивляюсь, как нас оттуда не выбросили. Словом, трава чуйская, дело серьезное... С тех пор я практически бросил курить. Вернулись в Москву, отдохнули немного, подышали отравленной атмосферой и двинулись в Кенигсберг, где познакомились с группой «Комитет охраны тепла». Концерты получились какие-то странные: у них в городе была программа, которая называется «Спарринг». В ней задействованы самые разные люди, представлены самые разные жанры. С нами вместе вещал прославленный священник, потом девушка играла на арфе, потом выступал какой-то инопланетянин или уфолог, группа каратистов. Потом выходила девица и демонстрировала стриптиз, а уж после этого на сцене появлялся наш «Крематорий». После одного из концертов мы устроили с «Комитетом охраны тепла» замечательный сейшен. У них была такая вещь «Герландия» и все мы оттягивались в стиле рэггей, играли и бумкали по всяческим стучалкам. Мы все время пытаемся играть джемы, но этот, с

комитетчиками, был самым лучшим. Но вернемся к альбомам – «Живые и мертвые» и «Клубнику» мы записали за очень короткие сроки, причем первый альбом мы отписали сразу, а над вторым пришлось изрядно потрудиться. Вместо планируемых в начале работы 16 песен было записано, кажется, 9... Кончились деньги, а с такой бедой трудно справиться, если у тебя фи́га в кармане. Честно говоря, это был чистый эксперимент, который продолжался не только на репетиционной базе, но и в студии. Несколько партий гитары, несколько аранжировок для каждой песни. Но до конца мы так ничего и не сделали – «Клубника» в конечном результате получилась несколько недоделанной. Оставив все как есть, мы отправились в Питер. Когда-то мы прочитали в «Авроре» объявление о конкурсе фонограмм и отправили свою. Через некоторое время мне позвонил А. Житинский (питерский журналист, автор «Путешествие рок-дилетанта» – прим. М. Пушкиной) и сообщил, что наш альбом получил премию и нас приглашают на концерт лауреатов. Собрались и поехали. Встретили нас по-царски. Во-первых, в отличие от других музыкантов, живших где-то под Питером, нас поселили в гостиницу «Россия» в номера полулюкс. Во-вторых... «Во-вторых» не будет, не помню, что там во-вторых. Первые три дня фестиваля мы не появлялись на площадке и никого из выступавших, естественно, не слышали потому, что в буфете гостиницы продавалось пиво. На четвертый день позвонила жена Житинского, Лена, и с плохо скрываемым раздражением сказала, что пора бы явить себя народу... Мы осознали все свинство собственного поведения и отправились по указанному адресу. Куницын непонятно почему зашел по дороге в магазин и купил несколько бутылок портвейна. Кстати, хочу отметить отличие Питера от Москвы (это мое субъективное мнение) – общий дух населения там

намного добрее. Может быть, они не так свободны и раскованы, но зато незлобливы и умеют отдыхать спокойно, не причиняя друг другу вреда. Во всяком случае на фестивале у меня было именно такое чувство. И здесь напрашивается сравнение с Вудстоком, хотя ни организация, ни техника ничего общего между собой не имели, но дух... Дух был из Вудстока (т.е. пары портвейна плюс радостный запах свежего сена плюс ощущение локтя друг друга? – прим. М.Пушкиной). Еще я помню, был такой момент, когда весь «Крематорий», Лена Житинская с подружкой – все мы расположились на бережку, под деревцами, недалеко от концертной площадки, и стали по-простому, по-нашему, распивать купленный Кунициным портвешок. Вдруг откуда ни возьмись появился мент. Кто-то из нас, видать, самый нервный, стал прятать бутылку, кто-то еще что-то (закусь зарывать начал, наверное), остальные застыли в ожидании дальнейшего развития событий. Но мент спокойно так говорит: «Ребята, у меня к вам просьба – когда вы все закончите, не бросайте, ПОЖАЛУЙСТА, бутылки в реку, а сложите их вот здесь, у деревца, хорошо?». Мы просто проглотили языки от такой вежливости. Это был самый культурный мент из всех, с кем мне приходилось встречаться за всю мою жизнь... На следующий день состоялось наше выступление. Перед самым выходом на сцену Житинский познакомил меня с Юрием Морозовым. Мы до сих пор считаем его нашим учителем в совке наравне с Майком и Б.Г. Мы пожали друг другу руки, сказали пару теплых слов и я побежал на сцену. С Б.Г. на этом фестивале мы не познакомились, хотя возможность была – он выступал позже. Знакомство состоялось несколько лет спустя в Москве, и наш Михаил сыграл с ним джаз. А с Майком мы, к сожалению, в этой жизни так и не встретились... Итак, на фестивале “Авроры” после нас должен был выступать Борис Борисыч, который только что вернулся

из Лондона, а соскучившиеся по мэтру питерцы ждали его с нетерпением. Мы договорились с Житинским, что Б.Г. махнет мне рукой – взмах руки означал, что автобус, который должен был везти нас на Московский вокзал и на котором должен был приехать на выступление Б.Г., здесь, и по этому сигналу мы должны были завершить наше выступление. Проходит 20 минут, Житинский чешет в затылке, показывая всем своим видом, что автобуса еще нет. И мы играем. Еще 20 минут отыграли (шел мощный блок из хитов – «Америка», кажется), смотрю туда, где был Житинский, а его там нет. На краю сцены танцует человек, в котором узнаю мэтра. Знай себе пляшет... Мы отыграли «Америку», еще одну песню, закончили концерт. Тут на сцену выползает Житинский и просит сыграть на бис «Мусорный ветер». Я говорю: «Александр Николаевич, как же так? А как же Б.Г.?». Житинский мне в ответ: «Ничего страшного, Б.Г. подождет». Мы играем «Ветер», благодарим всех и принимаем предложение А. Тропилло выпустить альбом «Живые и мертвые» на ленинградской «Мелодии». В Москве мы продолжаем давать концерты, параллельно работаем над новым альбомом. Процесс был довольно быстрым – состав устоялся, создавалось впечатление, что проблем для нас нет. Первую черновую запись альбома (мы хотели назвать его «Зомби») мы сделали на нашей базе. После прослушивания материала, мы решили его полностью забраковать, потому, что появились разные точки зрения по поводу аранжировок. Дело в том, что музыкальная логика группы уже сформировалась в работе над «Клубникой» и «Живыми и мертвыми». «Зомби» требовал совершенно нового подхода, мы оставили новые песни в покое и решили заняться концертами. Я предложил ребятам поэкспериментировать над некоторыми нашими песнями, которые не входили ни в один из альбомов и

не игрались на концертах («Некрофилия», «Аленький цветочек», «Люби меня», также над песнями, которые были записаны, но никогда не исполнялись «Медуза Горгона», «Реанимационная машина»). Мы попытались прокатать их на концертах, чтобы выработать новый звук. Были интересные концерты в ДК Горбунова вместе с англичанами, в ДК МЭИ с «Комитетом». Результат получился следующий: мы решили полностью отказаться от саксофона (и сообщили об этом Саше Куницыну, записав его в вечные друзья «Крематория»), стали работать над этими вещами и музыка стала прозрачнее, аранжировки более разнообразными, спектр звучания – от акустики до хард-рока. В то же время создавалось представление целостности. В смысловом плане «Зомби» был построен из 10 маленьких новелл а ля Декамерон – из жизни московских зомби. Все было готово к чистовой записи, мы ждали, когда нам выделят время на студии, но тут нам был нанесен серьезный удар – перед началом работы в студии ушел гитарист Дима Куликов. До сих пор не понимаю, почему так произошло. Мы могли бы поступить следующим образом: можно было бы отписать альбом с Куликовым, а потом он бы ушел (на это Дима был согласен). Но мы решили пригласить человека специально для записи гитарных партий, тем более, что черновик у нас был готов. Просто пригласить гитариста-профессионала для работы в студии, причем времени у нас было в обрез – срочно нужно было отыскать такого человека. Выбор пал на Витю Осипова, достаточно своеобразного музыканта, он очень быстро «въехал», внес свой вклад в аранжировку, внес что-то свое в музыку. Но все равно, прежде чем сесть на студию, мы решили обкатать вещи – чтобы они устаканились, как принято говорить. Мы отправились на гастроли в Сибирь. Первым городом был Улан-Удэ. Нет, далай-ламу нам там не показали... Мы приехали на

площадку в 16.00. Аппарата нет. Главного человека, который ВКЛЮЧАЕТ СВЕТ (такой дух есть во всех ДК) – нет. Ничего нет. В 19.00 начало концерта. Аппарата все нет. В половине восьмого в зале выломали дверь, выставили ее горячими лбами – пипл требовал концерта. Наконец в 22.00 аппарат-с изволили прибыть – его быстро выставили, скоммутировали и... сожгли. Для Улан-Удэ это достаточно просто (считай, Григорян, что Улан-Удэ у нас везде! – прим. М. Пушкиной). В живых осталось только двое – портал и маленький комбик. Все включились в него и начали играть. Какой был звук... Но срыв не состоялся. После такого испытания лбов и нервов мы сказали ответственному за концерты в Сибири администратору, чтобы подобного безобразия больше не было. Он размахивал руками и повторял, как заведенный, одну и ту же фразу: «Рок без лажи не бывает!». Но после этого случая больше лажи не было. Все пошло на другом уровне. Следующим городом в нашем турне был Иркутск – он сильно отличается от других своей архитектурой и уровнем населения. У нас там очень много друзей, и в моем понимании Иркутск очень похож на Москву или Питер. Скажем так – этот город является центром «Крематория» в Сибири. Запомнились мне и три концерта в Красноярске. Последний из трех концертов оказался самым коротким в истории нашей группы. Перед нашим выходом на сцену в гримерку вломились какие-то пьяные хмыри и стали требовать с нас деньги. Администратором программы была милая тридцатилетняя женщина, у которой напор рэкетиров вызвал слезы. Тут я не выдержал, этакий Робин Гуд с гитарой. Но не успел я и слова сказать, как один из рэкетиров положил мне руку на плечо, дыхнул в лицо перегаром и спросил: «Те че надо? Ты че гонишь?». Вместо героической тирады в защиту слабых женщин я смог выдать из себя только: «А ты чего это тут?».

Хмырь удивленно посмотрел на меня и внезапно достал из широких штанин... пистолет. Тут напряжение достигло высшего накала, как пишут в плохих детективах и наших газетах. Я мысленно представил себя... в ящике, горюющих родителей и жену, детей-сироток. Могилку певца в тени раскидистого дуба. Короче, разговор получился односторонний. Но появились менты, кто-то додумался их вызвать, и рэкетиры ретировались. Однако женщина-администратор предупредила меня, что бандюги могут осесть в зале и постреливать. Какого нормального человека может устраивать такая перспектива? А народ ждал, когда же мы выйдем на сцену. Но грозное предупреждение сыграло свою роль – мы отыграли все, что положено, все песни (нота в ноту – нога к ноге), уложившись при этом вместо обычного часа лишь в тридцать минут. И нас словно ветром сдуло со сцены. На бис мы не вышли и сидели в гримерке, пока не подкатил автобус. Слух о гадких рэкетирах достиг ушей наших фэнов и нас провожала решительно настроенная толпа добровольных телохранителей тел крематорцев (кремотелохранителей). Успокоились мы только в гостинице. Вернулись в Москву. Через неделю уехали в Туапсе. Вообще-то мне не очень хотелось туда ехать. Но позвонил некто по фамилии Ушаков и доверительно сообщил, что кого-то на их широтах надо выручать. Деньги за помощь полагались не ахти какие, но мы, естественно, вникли в ситуацию и согласились облагодетельствовать своим появлением Туапсе и Краснодар. В Туапсе, после первого концерта, с нами приключилась история. В номер Сергея Третьякова, который жил на первом этаже, каким-то таинственным образом проникла дама довольно вульгарного вида. Так сказать – дама вульгарис провинциалус. Обычно мы таких женщин прогоняем, но тут... Она осталась с Витей Осиповым и Сергеем. Остальные крематорцы

отправились отдыхать каждый по-своему. На следующее утро меня разбудил Юрка Спиридонов (Ю. Спиридонов – худой такой человек, поющий про Кремлевскую стену, лихо пьющий, курящий, вещающий на Эс-Эн-Си, а потом передислоцировавшийся на Радио-Максимум – прим. М. Пушкиной) и сказал с печалью в голосе: «Надо скорую, Григорян, вызвать. Сережка с Витькой ограблены и почему-то встать не могут». Приехала скорая, традиционно белая с красным крестом, отвезла отключенного врагами Сергея в больницу под капельницу. В тот день мы играли авангарднейший концерт в мире – «Крематорий» втроем. Витек, правда, под капельницу не попал, но лежал в гостинице в лежку, отмокал. Мы же мочили в составе – барабаны, скрипка и акустическая гитара. После концерта я отправился в больницу навестить пострадавшего. Врач мне сказал, что Сергея отравили клофелином, и будь этой гадости хоть капель больше – наш Серега не проснулся бы. Цель отравительницы была банальной: кража. У ребят украли абсолютно все вещи. Нет, не все, оставили гитару и штанишки прикрыть наготу. Что, впрочем, чертовски удивительно. Милиция никого не нашла, хотя делала вид, что искала. Лицо той коварной девушки у меня до сих пор перед глазами. На следующий день нам надо было ехать в Краснодар. Мы под расписку забрали Сергея из больницы и покатали на автобусе в этот город, где должны были состояться два концерта. Кое-как усадили «больных» на сцене. Потом очевидцы расхваливали наш «имидж» – басист и гитарист сидят, это очень красиво смотрится. Когда же я посматривал на Сергея по ходу концерта, я видел ничего не выражающие глаза. Единственной его мечтой было поскорее улечься в постель... Но руки работали в обычном ритме. Второй концерт получился лучше. Вернулись мы в Москву, кстати, так и не получив гонорары за концерты. Ушаков

стал прятаться от нас совершенно по школьному: когда мы звонили, нам отвечали, что его нет, он уехал, исчез, испарился... Или сам подходил к телефону и, меняя голос, нагло врал, что такой-сякой Ушаков отсутствует. В состоянии легкой ранености и обворованности можно было приступить к записи «Зомби». Психологический уровень в результате столь насыщенной событиями гастрольной жизни был достигнут... Альбом мы записали на студии в Сокольниках и очень быстро. Произошла, правда, одна накладка: как только была отписана ритм-секция, в студии сменили магнитофон. И только когда все остальные инструменты были записаны, выяснилось, что партия барабанов забракована, и Андрею без метронома пришлось накладывать барабаны на уже готовую музыку. Знающие люди знают, как это трудно сделать. Но сделано это было. Оператором у нас был Алексей Соколов, бывший звуковик Жанны Агузаровой. Все прошло нормально, и мы отдали альбом какому-то кооперативу для выпуска пластинки. Потом была презентация магнитальбома и мы отыграли с вернувшимся Троегубовым Виктором Аркадьевичем несколько концертов... Троегубов позвонил мне буквально за несколько дней до презентации в ДК МЭИ и сообщил, что проект «Дым» существует лишь чисто теоретически и он не видит себя больше нигде, как в «Крематории». Я хотел было отказать потому, что было непонятно, зачем это нужно, но потом мы все-таки встретились, посидели... И я понял – времени прошло много, люди изменились... Мы изменились. Стали мудрее, что ли. В общем, можно было опять попробовать поработать вместе. На сегодняшний день я могу сказать – больших результатов нет, но концерты и все, что я вижу, все говорит о том, что может получиться нечто интересное. По крайней мере, в ближайшем будущем мы запишем акустический альбом

старых и, может быть, новых песен. Потом будем думать над новым альбомом, хотя уже сейчас материал готов... Пусть пройдет немножко времени...

Группа “Дым” и ее жизнь в 1988 – 90 г.г.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ГРУППЫ «ДЫМ» И ПЕРВОГО ПЕРИОДА ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ (1988 – 90).

Какие перспективы я имел после своего ухода из «Крематория» осенью 1987?

В моем распоряжении был классный скрипач Вадим Саралидзе, в течение последнего года выступавший в составе «Крематория» во всех наиболее важных концертах, в том числе и в главном концерте сезона – итоговом фестивале московской рок-лаборатории. Кроме того, басист «Крематория» Сергей «Пушкин» Пушкарев согласился работать в моей новой группе параллельно со своей деятельностью в «Крематории». (Через несколько месяцев Пушкин уйдет из «Крематория» и будет работать только со мной.) Таким образом, из пяти музыкантов «Крематория» в моей новой группе оказались трое (вместе со мной). Исходя из задач той музыки, которую мы собирались играть, нужно было срочно искать гитариста и барабанщика. Правда услуги своего программируемого ритм-компьютера предложил оператор «Крематория» Леха «Кондратий» Кондратьев, но играть под drum-машинку мы собирались только до тех пор, пока не найдем барабанщика. Что касается репертуара новой группы, то на фестивале рок-лаборатории летом 1987 года «Крематорий» представил три моих новых песни и две – Григоряна, так что в какой-то момент даже

«Крематорий» признал некий приоритет моих опусов. Что касается их жанра, то я бы охарактеризовал его как довольно значительный шаг от андеграундного, текстового «Крематория» в сторону изощренной, почти арт-роковой музыки. Новых песен хватало, да и мои старые «крематорские» вещи я собирался переаранжировать. Правда в тот момент несмыкание голосовых связок на три долгих месяца выбило меня из работы, так как мне нельзя было даже разговаривать...

Зимой 1987-88 я через своих друзей достал телефон гитариста Андрея Мурашова. Он играл джаз с военноморским оркестром и иногда помогал в студии группе Льва Лещенко. Мы встретились, поговорили, я передал ему кассету с заготовками новых песен, и Андрей засел за работу. Он играл очень профессионально и сразу нашел общий язык с консерваторцем Саралидзе. Как только начала вырисовываться будущая стилистика новой команды, появилось и название. Печальное слово «Дым» вполне соответствовало несколько отстраненной от действительности музыке.

К апрелю 1988 была готова часовая программа из 14 песен. Во второй половине апреля мы прошли прослушивание рок-лаборатории и тут же были приняты в ее состав. 26 апреля состоялось и первое официальное выступление группы «Дым». Вскоре мы сделали и первую (черновую) запись, которая тут же исчезла, а через некоторое время в киосках звукозаписи появился «альбом» группы «Дым» с названием «Проба пера».

Весной 1988 года газета «Московский комсомолец» объявила конкурс «неизвестных и недавно созданных групп». Определение «недавно созданная» как нельзя лучше подходило к ситуации с группой «Дым», и мы подали заявку на участие в конкурсе. Первый тур состоял из конкурса фонограмм, и его мы прошли безболезненно. После этого «Московский комсомолец»

опубликовал дальнейшие условия. Все прошедшие первый тур коллективы были распределены на восемь концертов в ДК «Меридиан». После каждого концерта зрители голосовали своими билетами, бросая их в ящик с названием наиболее понравившейся команды. Группа «Дым» уверенно заняла первое место в своем концерте, опередив ближайшего преследователя по количеству поданных голосов в 2,5 раза.

Финальный тур конкурса должен был состояться в Зеленом театре ЦПКО им. Горького, а победителю обещались все мыслимые и немыслимые награды. Однако за несколько дней до финала я из хорошо осведомленного источника узнал о том, что призовые места уже распределены, больше того – первое место займет группа Крупнова «Черный обелиск». Я и до этого удивлялся участию такой известной команды, как «Черный обелиск», в конкурсе «новых» групп, и теперь мне все стало ясно. Конкурс был затеян «Московским комсомольцем» и одной продюсерской организацией для того, чтобы ее фаворит получил нужное для дальнейшей карьеры звание... Несмотря на полученную информацию, группа «Дым» участвовала в финальном концерте и стала лауреатом фестиваля.

Поучаствовали мы и в итоговом фестивале московской рок-лаборатории сезона 1987 -88 гг. «Крематорий» на этом фестивале отсутствовал, у них просто не было тогда полного состава. А «Дым» выступил отлично, концерт записывался, и вскоре данная запись уже тиражировалась всеми студиями звукозаписи.

То лето было богатым на фестивали, состоялся такой фестиваль и в городе Брянске. Правда здесь выступали только уже хорошо зарекомендовавшие себя коллективы. Каждый день проходило по два концерта, в которых выступали по две группы. В первый день играли «Небо и земля» и «Ва-банк», во второй –

«Нюанс» и «Вежливый отказ», а завершением фестиваля стали совместные концерты групп «Звуки Му» и «Дым». Оба наших концерта собрали полные залы и прошли «на ура».

В сентябре мне позвонил хорошо известный в московской околороковой тусовке устроитель всевозможных андеграундных мероприятий Артур Гильдебрандт – в описываемое время он был директором концертной программы «Кино-рок-обозрение». Вел ее известный рок-критик Сергей Гурьев, и состояла она из нескольких короткометражных фильмов о рок-музыке, но в планах Гильдебрандта стояло включение в действие тридцатиминутной «живой» странички, где какой-нибудь известный рок-музыкант будет под акустическую гитару исполнять свои песни. Именно эта роль и была предложена мне. В те времена концерты группы происходили не так уж часто, так что я согласился параллельно поработать в «Кино-рок-обозрении». Мой первый выход на сцену в рамках данной программы состоялся 18 сентября 1988 года в ДК МГУ, а уже 22 сентября началась серия из 7 наших концертов в Питере. Я немного нервничал – ведь Ленинград удерживал статус столицы андеграундного рока, и реакция тамошней публики на столь необычное шоу была непрогнозируемой. Однако концерты прошли великолепно. Билеты на все семь наших выступлений в 900-местном зале Дома офицеров были раскуплены заранее, и принимала публика очень тепло...

Новая работа не мешала основной, «групповой», деятельности. В конце сентября мы нашли последнего недостающего «Дыму» участника – барабанщика Александра Соломатина. (До этого с нами работал ударник военно-морского оркестра Андрей Клейменов, но совмещать две столь разные ипостаси ему было трудно.) Александр имел музыкальное образование,

больше того – он некоторое время работал концертмейстером группы ударных в симфоническом оркестре. 3 октября он впервые репетировал с нами, и мне очень понравились его мощный драйв и филигранная мелкая техника. К тому времени у нас уже была полностью готова концертная программа, часть которой мы собирались записывать на первом студийном альбоме «Дыма», но после прихода Соломатина все пришлось перелопатить по-новой, насытив музыку разнообразными ударными «фишечками». Это явно пошло на пользу материалу, и он засверкал новыми гранями. Практически именно этот вариант и будет впоследствии, в апреле – мае 1989-го, зафиксирован на альбоме «Для умного достаточно»...

«Кино-рок-обозрение» набирало обороты. 4 концерта в Загорске, выступление в Перми, 12 концертов в Свердловске, 7 концертов в Новгороде и 4 – в Пскове, 10 выступлений в Саратове: вот полный перечень наших мероприятий только осенью 1988-го. Для данной программы не требовалось какой-то особой аппаратуры, и это давало нам возможность гастролировать даже в необорудованных залах обычных кинотеатров. С группой дела обстояли сложнее, так что за то же время прошли лишь два концерта «Дыма». Первое состоялось в рамках какой-то пафосной акции, проходившей в московской гостинице «Орленок», второй концерт проходил в столичном ДК АЗЛК. От концерта к концерту Соломатин все больше сыгрывался с группой, за счет чего «Дым» звучал все профессиональнее. Правда, скептики отмечали, что музыкальный стиль «Дыма» является чересчур изощренным для страны, где примитивная ритмика и нецензурные выражения в текстах песен ценятся больше, чем умение технично играть на инструментах и качественно аранжировать музыку...

Новый 1989 год я начинал с очевидной основной задачей – записью первого своего сольного альбома: это было мечтой и необходимостью. И вправду у группы «Дым» до сих пор не было качественного представительского материала. Я везде «проходил» под маркой «бывшего крематорца», хотя мой новый коллектив играл уже совсем другую музыку...

С 3 по 8 января я – сольно – принимал участие в нескольких сборных программах в Москве, а в конце месяца выехал на шесть выступлений «Кино-рок-обозрения» в Уфу. Приехал простуженный, ужасно болело горло и поднялась температура. Памятуя о прошлогодних серьезных проблемах с горлом, хотелось отменить концерты, но подводить своих товарищей по программе не хотелось, и я поехал на первый концерт. Перед выходом на сцену я настраивал гитару в грим-уборной, как вдруг в дверь просунулась мужская голова, дыхла перегаром и спросила:

- Ты что ли на гитаре играть будешь?
- Ну я!
- Как Юрка Шевчук?
- Нет, как я сам!..

Голова хмыкнула и скрылась, а я пошел на сцену. Уже после концерта владелец головы пришел брататься. В его арсенале была банка помидоров и бутылка водки, и, судя по его настроению, мое появление на сцене его не разочаровало...

1 февраля 1989 года группа «Дым» выступала на улице Лубянка в закрытом ДК Министерства внутренних дел (бывшего ДК КГБ). Надо же, пять лет назад они отлавливали нас и запрещали петь песни, а теперь пригласили на свое мероприятие. Странная штука жизнь, и понять ее дано не каждому!.. В конце февраля «Дым» вместе с «НИИ Косметики», под руководством Мефодия (помните историю с концертом в подвале

булгаковского дома?), дали три концерта в ТЮЗе города Тверь (бывший Калинин)...

К тому времени группа «Дым» получила свой неяркий, но стабильный статус. Иногда нас стали приглашать даже солидные околофилармонические воротилы шоу-бизнеса. Так мы несколько раз играли с группой «Черный кофе», являвшейся тогда наиболее ярким фаворитом хард-роковой тусовки. Один из этих концертов явился для «Дыма» серьезным экзаменом.

Выступление в ДК ЗВИ (недалеко от метро «Добрынинская») должно было состояться 26 апреля в 19 часов. Но произошла какая-то накладка, и аппаратура прибыла на площадку лишь в 20:30. Пока ее коммутировали и настраивали, стрелка часов перевалила за девять вечера. Публика все это время бесновалась в фойе Дворца культуры. В 21:30 зрителей наконец-то начали запускать в зал, как вдруг Дмитрий Варшавский (лидер «Черного кофе») поставил условие, что его группа будет выступать первой. Для менее раскрученного «Дыма» крайне невыгодно было выступать вторыми – на месте «хэдлайнера». Тем более что у «Черного кофе» «покатило», и их отделение растянулось на полтора часа вместо планировавшихся 40 минут. Когда Варшавский со товарищи покинули сцену, в зале творилась истерика. И именно в этот орущий, разгоряченный зал предстояло выходить с нашей отточенной, но гораздо более флегматичной, а значит и более холодной программой. В той ситуации это было похоже на самоубийство. Но главное умение музыканта (да и любого артиста) состоит в том, чтобы суметь подчинить себе любой зал, независимо от его состояния.

Мы вышли, прямо при публике чуть подстроились. Пара обезумевших фанов Варшавского у самой сцены продолжали орать: «Чер-ный ко-фе!». Мы, стараясь не обращать на них внимания, начали вступление первой

песни, и тут же стихли вопли, а бесновавшаяся публика во время исполнения первой же песни всецело обратилась в глаза и уши. Продуманность и сыгранность музыки захватили их, и второе отделение прошло не хуже первого...

В апреле «Дым», наконец, засел в студию у метро «Аэропорт». Работа продолжалась почти три месяца, правда мы несколько раз отвлекались на концерты (за это время состоялись гастроли «Дыма» в Алма-Ате, концерты в Зеленограде и Москве). И все же к осени стартовый альбом группы «Дым» был сведен. Музыкальная критика восприняла его достаточно приветливо. Предложу фрагмент аннотации из музыкальной газеты «Сдвиг».

«Группа прогрессивного рока «Дым» закончила работу над первым альбомом с недвусмысленным названием «Для умного достаточно». Это новое достижение В. Троегубова после его ухода из «Крематория»... 12 песен - аккуратно сотканые композиции, чисто звучащие инструменты, вкусная игра ударника и кокетливый бас. Вокал Виктора крепок и уверен и, что радует, лишен того страдальческого и нарочито-гнусавого помпеза, что делает наш отечественный рок «совковее», чем он есть... Все 40 минут звучания формула «скрипка плюс стил-гитара» работает безотказно и создает у слушателя чрезвычайно комфортное настроение. Альбом не шкрябает по нервам после трудового дня, а проглатывается как маринованный масленок... Очень слитное, вместе с тем прозрачное, звучание альбома и постоянные завитки баса делают диск отличным тестом для вашей стереосистемы... Для умного, кажется, сказано достаточно, хотя разбирать тексты и комментировать музыку альбома можно бесконечно.

Остается добавить любопытную деталь. Рок - все же явление интернациональное, поэтому чисто русской модели его пока нет. Вот и на этом альбоме проскальзывают интонации, схожие с ранним «Джетро Талл», двойное соло, писанное внакладку, как у классического «Вишбон Эш», в целом похожая аранжировка встречается на диске Гари Шерстона - но, как водится с нашими лучшими нынешними образцами жанра, «Дым» легко превосходит каноны, смело создает свое, очень уверенное и человеческое звучание...».

Несмотря на столь оптимистические отзывы, группа «специалистов» чуть огорчила меня, сообщив, что альбому «с такими текстами» выпуск пластинки на «Мелодии» «не светит». Правда известный «писарь» Александр Агеев все же дал мне телефон музыкального редактора фирмы «Мелодия» Ольги Глушковой, которая курировала выпуск современной музыки. Я позвонил ей, не имея никаких надежд, «наудачу», и подвез пленку с фонограммой. Каково же было мое удивление, когда, перезвонив ей через месяц, я узнал, что запись прошла худсовет. Это было невероятно, и я до сих пор очень благодарен всем участникам выпуска пластинки, особенно фотографу Михаилу Грушину, сделавшему эффектную обложку диска. Кстати, на лицевой стороне диска мы нагло поместили лишь две надписи: русскую - «Дым» и латинскую - «Sapienti Sat» («Для умного достаточно»). Но в магазинах эта пластинка появится лишь в марте 1991, когда группы «Дым» как таковой уже не будет существовать, а я вновь буду выступать в составе «Крематория».

Так почему же прекратила свое существование группа «Дым»?

Мой ответ на данный вопрос кому-то может показаться отговоркой. И начну я издалека. Дело в том, что в нашей стране карьера групп, пытавшихся играть

более техничную музыку с инструментальным уклоном, всегда заканчивалась крахом. Может быть, такова потребность русского уха в том, что у нас называют «словом», но основная масса отечественной публики почему-то всегда с большим вниманием относилась к текстам песен, нежели к музыке и уж тем более к аранжировке. Еще в середине 70-х великолепная московская арт-роковая группа «Високосное лето», легко оттеснявшая в среде продвинутого в музыкальном отношении московского студенчества более широко известную «Машину времени» на второе место, развалилась, и ее ритм-секция в лице басиста Кутикова и барабанщика Ефремова пошла все в ту же «Машину». «Високосное лето», являвшееся новатором не только в музыкальном жанре, но и в своем концертном шоу, было известно в достаточно локальном кругу столичных меломанов, а «Машина», с ее так актуальными тогда текстами (положенными на приятную мелодику с достаточно примитивными аранжировками), «гремела» на всю страну. Кому доставалось слава и деньги, вы, конечно, догадываетесь сами. Только не воспринимайте данные размышления как критику Макаревича и его «Машины». Они играли ту музыку, что была симпатична им, а потому – честь им и хвала...

Но вернемся к нашему анализу. Оставшиеся без ритм-секции лидеры «Високосного лета» гитарист Александр Ситковецкий и клавишник Крис Кельми организуют самую известную в СССР и России арт-роковую группу «Автограф». Казалось, у этой команды было все. Десять лет последующей успешной музыкальной деятельности, пластинки и компакт-диски, концерты в дворцах спорта и гастроли за рубежом, победы на нескольких международных фестивалях и даже выступление на всемирном шоу «Live Aid». Да и поклонников у «Автографа» было предостаточно. Не

было лишь любви широкого зрительского круга, попеременно готового «западать» и на «Машину времени», и на «Аквариум», и на «Наутилус». В «Автографе» появились моральные проблемы – все делалось вроде бы правильно, а результат не являлся максимальным. В попытках справиться с ситуацией группа меняла состав и даже стиль, но это ничего не дало. Феноменально, но коллектив великолепных инструменталистов с развитым музыкальным мышлением и явным композиционным талантом не добился популярности, которую обрели наиболее известные группы, строившиеся по принципу: лидер (он же автор песен) + аккомпанирующий состав. И это было проявлением российского менталитета, с его тягой к песне как идее и полным пренебрежением к форме исполнения этой идеи. «Автограф», по большому счету, не являлся «русской» группой. Как не являлся носителем понятной русскому менталитету музыки классный свердловский коллектив «Урфин Джюс», уступивший лидерство гораздо более примитивному «Наутилусу». Как не являлась «своей» для «широкого слушателя» исполнявшая почти арт-рок группа «Дым», явно менее понятная слушателю, чем игравший любовую музыку «Крематорий»...

Как и в случае с «Автографом», появились проблемы внутри коллектива, способного сочинять и исполнять высококлассную музыку, но не сумевшего понять, почему такая музыка нужна лишь единицам? В итоге к новому, 1991, году мы подошли опустошенными. Мы сильно выросли как музыканты и оказались непонятыми массовым слушателем. Именно массовым, так как узкому кругу по-настоящему понимающих рок-музыку людей достоинства группы были очевидны...

Из книги Александра Кушнира «100 магнитоальбомов советского рока».

Крематорий - Кома (1988)

сторона А
Кома
Реанимационная машина
Безобразная Эльза
Африка
Клаустрофобия
Хабибулин
Кондратий
Моя деревня (Хит-парад)

сторона В
Мусорный ветер
Гимн мертвым
Пир белых мумий
Гончие псы
Харе Рама
El final de la vida

После первых акустических альбомов и напичканного боевиками "Иллюзорного мира" Григорян и команда решили записать полноценную электрическую работу. Времена изменились. Эпоха квартирных концертов оставалась в прошлом. Один из последних значительных акустических сейшенов "Крематорий" в составе: Армен Григорян (гитара), Виктор Троегубов (гитара), Михаил Россовский (скрипка) - сыграл вместе с дуэтом Цой-Каспарян в университетском общежитии зимой 87-го года. Примерно с этого же момента "Крематорий" начинает стабильно выступать с электрической программой. Концертов становилось все больше, и параллельно росло число незафиксированных на пленку новых песен. Неудивительно, что как-то после очередного выступления Григорян сказал музыкантам: "Ребята! Давайте наконец-то сделаем нормальный альбом на нормальной студии. Иначе мы просто потеряемся".

Впервые за свою пятилетнюю историю "Крематорий" начал серьезно готовиться к записи. Менеджер Дима Бродкин обеспечил финансовую сторону мероприятия, организовав перевод денег со счетов московской рок-лаборатории на счет киностудии имени Горького, в которой планировалось осуществить запись нового альбома.

Понимая, что у группы появилась реальная возможность поработать в нормальной студии, Григорян затеял предварительную демо-запись - случай

для "Крематория" небывалый. К этому моменту (осень 87-го года) из-за этических и идеологических расхождений с Григоряном "Крематорий" покинул Виктор Троегубов, основавший собственный проект "Дым". Также из группы ушел барабанщик Александр "Стив" Севастьянов ("Крематорий II", "Иллюзорный мир"), оккупировавший кресло первого секретаря Ждановского райкома комсомола. Играть на барабанах в те бурные времена ему было в лом, поэтому демонстрационка и сама "Кома" записывались под ритм-бокс.

В многовековой дискографии "Крематория" подобная компьютеризация состоялась в первый и последний раз. Ритм-бокс был собран вручную сокурсником Григоряна по Авиационному институту Алексеем Кондратьевым. Кондратьев, в честь которого и была написана песня "Кондратий", был простым русским гением-самоучкой. Неудивительно, что сконструированный им фанерный чемоданчик с пожелтевшими кнопками успешно заменял фирменный ритм-бокс. Особенно эффектно у этого агрегата, внешне напоминавшего хитроумное взрывное устройство, получались многочисленные брейки и барабанные проходы. На фоне таких звуков всевозможные "Ямахи" и "Касио" просто отдыхали.

Демо-запись Григорян делал с минимальным количеством музыкантов - вплоть до того, что сольные партии на гитаре исполнял сам. Несложно предположить, что уход двух членов группы стал для него немалым раздражителем, который, подстегивая его честолюбие, усиливал всевозможные творческие амбиции.

*Крематорий-86:
Виктор Троегубов, Михаил Россровский, Армен Григорян*

"Играть вместе с друзьями дальше было нельзя, - вспоминает Григорян. - С ними можно пить, ходить по девочкам, но для группы это означало бы тупик. Чтобы сделать серьезный альбом, в студии нужны были музыканты, а не инженеры".

Действительно, жанр и стилистика песен будущего альбома требовали участия в записи профессиональных исполнителей с самой разной специализацией. На "Коме" присутствовали энергичные рок-н-роллы ("Африка", "Реанимационная машина"), кантри ("Хит-парад"), акустический "Кондратий", психоделическая "Клаустрофобия", хард-рок "Гимн мертвым", кришнаитская "Харе Рама", а также "Гончие псы", мелодия которой представляла компиляцию сразу нескольких композиций Doors.

"Я никогда не относился к Моррисону, как к революционеру, - говорит Григорян. - Он мне нравился и без революции - как мелодист с красивым драматичным вокалом. "Гончие псы" - это такой надгробный холмик памяти Doors".

Накануне сессии Григорян пригласил в "Крематорий" гитариста Олега Лагутина, саксофониста Александра Куницына (позднее сыгравшего на альбоме

"Клубника со льдом") и скрипача Вадима Саралидзе ("Дым"), впоследствии принимавшего участие в записи альбома "Дорога в облака" группы "Браво". Следующим, весьма неординарным шагом Армена стало привлечение к процессу записи актрисы театральной студии "Арлекин" Ольги Бочаровой. Несмотря на протесты продюсирующего альбом Бродкина, это было стопроцентное попадание в цель. Бочарова пела в унисон на "Мусорном ветре", исполняла мантры на "Харе Рама" и оперные вокализы на "Клаустрофобии", томно вздыхала, кокетливо мяукала и имитировала звуки любовной вакханалии на "Реанимационной машине". В соседний микрофон подпевал ее законный супруг актер Владимир Власенко. Сдвоенный бэк-вокал семейства Власенко придавал мрачным композициям "Крематория" новую окраску, которая после выхода альбома сразу же стала предметом бесконечных дебатов.

Последней из песен "Комы" была написана "Безобразная Эльза" - по горячим следам шапочного знакомства Григоряна с Венедиктом Ерофеевым. Как гласит история, их интенсивное общение переросло в глобальную пьянку, в финальной стадии которой из аквариума у реальной девушки Эльзы были съедены все рыбки, привезенные из Японии.

"Я хорошо помню, как в каком-то коридоре Армен под гитару впервые спел "Эльзу", - вспоминает Бродкин. - Когда он ее исполнил, трудно было предположить, что это будет суперхит. То, что пел Григорян, и то, во что превращалась песня в результате совместной обработки музыкантами, были два совершенно разных произведения".

Окаймляли "Кому" скрипичные зарисовки Михаила Россовского, стилизованные под старинный реквием. Примечательно, что название финальной пьески переводилось с испанского как "конец жизни", что было

созвучно испанской же надписи на лицевой стороне оригинального оформления магнитоальбома: "Смерть читает список человеческих прегрешений на этой земле". Тема коматозного состояния и смерти выглядела сквозной в альбоме, претендовавшем на роль туристического путеводителя "в царство мрачное Аида". Экскурсия по королевству белых мумий стирала границы между понятиями "красота", "любовь" и "смерть", и они представляли собой нечто неразделимое: "Моя смерть разрубит цепи сна, когда мы будем вместе".

Жемчужиной "Комы" стала композиция "Мусорный ветер", написанная Григоряном под впечатлением от одноименного рассказа Платонова. Сюрреалистический сюжет о задавленном жизнью человеке послужил основой для будущего хита "Крематория". Вскоре музыканты уже записывали "Мусорный ветер" для телевизионного клипа, который буквально вытолкнул группу из квартирных апартаментов на просторы всесоюзной популярности. Интересно, что в природе существовала еще одна версия этой композиции, записанная группой во время съемок телепередачи "Рок-мост Ленинград - Москва". Но пресловутый телемост в эфир так и не вышел (по-видимому, из

цензурных соображений), а сохранившуюся фонограмму "Мусорного ветра" с удивительно красивым двухголосием Троегубова-Григоряна последний использовать на альбоме не стал.

Свою каноническую аранжировку "Мусорный ветер" приобрел непосредственно в киностудии Горького, причем памятное скрипичное соло играл не Россовский, а Вадим Саралидзе. Это был показательный момент.

Михаил Россовский, один из наиболее ярких концертных скрипачей в советском роке, очутившись в студии, начинал заметно нервничать. У него периодически возникали конфликты со звукорежиссером, который требовал от музыкантов безупречной тональной стройности. Поэтому в самый ответственный момент Григорян решил не рисковать. И если на большинстве композиций партию скрипки исполнял Россовский (плюс блестящее таперское фортепиано в "Реанимационной машине"), то в "Мусорном ветре" и "Клаустрофобии" вместо него играл Вадим Саралидзе - по его же собственному желанию не указанный ни в одной из аннотаций той поры.

Николай Шестов

во время записи "Комы"

"Россовский - музыкант от бога, - говорит Григорян. - Из-под его пальцев никогда не выходили прямые ноты, но всегда выходила музыка - очень своеобразная и красивая. У Саралидзе все было наоборот. Это профессиональный музыкант в галстук, сюртуке и с нотным станом, который умеет безошибочно воспроизвести ноты. Четкие, красивые, но все-таки ноты. Главным для нас было совместить на записи дух одного и консерваторскую технику другого".

Подобная проблема - правда, менее остро - стояла в отношении выбора гитаристов. Решена она была малой кровью: ветеран "Крематория" Евгений "Джон" Хомяков переключился на ритм-гитару, а все соло импровизационного плана исполнял Олег Лагутин.

Партию баса сыграл Сергей "Пушкин" Пушкарев, дебютировавший в "Крематории" на альбоме "Иллюзорный мир". С точки зрения Бродкина, он являлся самым талантливым аранжировщиком в группе. Фортепианное соло Пушкарева в "Гончих псах" оказалось одним из украшений "Комы".

Запись альбома осуществлял звукорежиссер Николай Шестов. Это был крепкий и опытный профессионал, который уже достаточно давно записывал саундтреки к кинофильмам всех мастей. Его "клиентами" были Эдуард Артемьев и акустические составы типа "Деревянного колеса", симфонические оркестры и джазовые диксиленды. В свое время Шестов работал дирижером в оркестре классической музыки, что служило гарантией того, что традиционной рокерской халявы с ненастроенными инструментами и нечетко сыгранными инструментальными партиями на альбоме не будет по определению.

"Кома" писалась на два восьмиканальных магнитофона Tascam в огромном просмотровом зале киностудии, причем звукорежиссерская кабина находилась на втором этаже. Сигнал "Мотор!" Шестов

заменял жестами из-за стекла, напоминая в эти мгновения то ли регулировщика на перекрестке, то ли матроса с флажками на мачте. Из-за того, что студийные смены перемежались с паузами, запись растянулась на несколько месяцев и была завершена лишь зимой 88-го года.

Когда сведение было закончено, Шестов с музыкантами сделали несколько версий альбома, одна из которых оказалась перегружена шумами, добытыми в фонотеке киностудии. Так, к примеру, в "Харе Рама" звучали фрагменты оригинальной мантры, в неопубликованных "Собачем вальсе" и "Мата Хари" блюз - лязг металлических цепей и т.п. Но Григорян, хорошо помня уроки "Винных мемуаров", от этого варианта альбома отказался, оставив лишь сигналы "скорой помощи" в "Реанимационной машине".

Любопытно, что "Кома" записывалась на киностудии имени Горького параллельно с озвучиванием фильма "Маленькая Вера", звукорежиссуру в котором осуществлял все тот же Шестов. В рабочее время он занимался "Маленькой Верой", а по вечерам записывал опусы типа "Безобразной Эльзы".

"Шестов с первых дней нашего сотрудничества искренне гордился тем, что озвучивает просто ломовой фильм, которого в советском кино еще не было, - вспоминает Дима Бродкин. - Там, мол, и трахаются, и матом ругаются, и поют песни из репертуара Любы Успенской. Он прямо искрился и пыжился от гордости, что стоит у истоков нового советского кинематографа".

После записи "Комы" Шестов еще не раз сотрудничал как с "Крематорием" ("Живые и мертвые", "Зомби"), так и с другими рок-группами: от "Тайм-аута" до "Шаха". Шестов был альтруистом и записывал "Крематорий" бесплатно. Ему очень нравилось, как продвигается работа. "В вас есть живая кровь", - говорил он музыкантам.

Фото: Олег

Беликов

"Мы были бесконечно благодарны Шестову, привившему нам азы культуры звука, которой мы совершенно не владели, - вспоминает Григорян. - Мы не знали, как должна звучать бас-гитара, которую втыкали до этого исключительно в усилитель "Родина". До "Комы" у нас на альбомах были только призраки аранжировок, поскольку все сессии представляли собой дикие попойки: "Глотнул - записал - упал. Проснулся - глотнул - записал". А здесь была четкая работа, во время которой мы многому научились".

"Кома" и "Маленькая Вера" увидели свет практически одновременно. На экранах тысяч кинотеатров всюду демонстрировалось ЭТО, а попавший в официальные хит-парады "Крематорий" стыдливо именовался как группа "Крем". Такие были противоречивые времена. Что же касается "Комы", то альбом занял одно из первых мест во всесоюзном конкурсе магнитоальбомов, проводимом журналом "Аврора", и это выглядело вполне объективно. Обвинения упрямых подпольщиков и старых волосатых фанов в резком опопсении смотрелись в тот момент архаичными и надуманными. Спорить было не о чем:

состоявшая из сплошных хитов "Кома" напоминала сборник из серии "The Best" и представляла "Крематорий" как вполне состоявшийся электрический проект. Альбом отличали оригинальный звук, несомненный драйв, "натуралистические" тексты (эдакие "байки из склепа"), тонкий, но не слишком, юмор. Беззлобная социальность "Мусорного ветра" уравнивалась бытовой сумасшедшинкой "Кондратия", веселая суета "Хит-парада" и "Хабибулина" органично контрастировала с таинственной печалью "Пира белых мумий". Этот круг можно замыкать бесконечно.

В итоге "Крематорию" удалось записать чуть ли не единственный в истории советской рок-музыки 80-х идеальный поп-альбом. Впоследствии эти композиции неоднократно переигрывались, но после "Комы" вы не вспомните ни одного реального хита "Крематория". ("Зомби", "Клубника со льдом" и "Мама, не пей, мама, это яд" - не в счет.) Однако мы должны сказать спасибо не всегда последовательному Григоряну, который, словно невзначай, сам не заметив как, вложил в сорок минут "Комы" всю свою жизнь в музыке - и прошлую, и будущую. Именно из таких эпизодов и состоит история рок-музыки.

НЕВИННЫЕ МЕМУАРЫ (часть II)

Глава I. «ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ»

В один из холодных январских вечеров 1991 года мы с приятелем сидели за бутылочкой коньячка, и разговор наш каким-то образом зашел о группе «Крематорий». Сколько сейчас ни силюсь – не могу вспомнить, почему я вдруг решил тогда позвонить Армену? Ведь мы не общались уже три года. Правда мы пару раз сталкивались в метро, да однажды на пьянке у нашего общего приятеля. Но это все были встречи из разряда: «Привет!» – «Как дела?» – «Пока!». Черт его знает, но я позвонил, и сразу попал на него. Мы поболтали о том о сем и договорились, что он перезвонит мне, и мы соберемся как-нибудь попить пивка...

Через пару недель мы встретились, причем Армен приехал не один, а с нашим общим приятелем Джоном Давыдовым, который, кстати, сыграл роль Платонова в знаменитом клипе «Мусорный ветер». Помните, именно у него в конце клипа вспыхивают руки. Джон был большим специалистом по поводу доставания (напомню: в 91-м году ничего похожего на нынешнее ларьковое изобилие не наблюдалось; у дверей немногих винных магазинов толпились огромные очереди, а вход внутрь контролировался милицией) и употребления всех видов алкогольной продукции. Пива не оказалось даже в магазине пивзавода на улице Льва Толстого, и нам пришлось переориентироваться на портвейн – в огромной очереди своим умением блеснул Джон. В общем, все сложилось как в старые добрые времена...

Не стану утомлять вас описанием всего происходившего, но вскоре вино кончилось, а в результате действия принесенной Джоном «ночной» водки все окончательно размякли и потеплели. Именно в этот момент моя жена и попросила нас с Арменом что-

нибудь спеть. Она понаслышке знала, что у нас идеально сочетаются голоса, и ей не терпелось убедиться воочию, точнее, «воушию». (Я уже писал в «Невинных мемуарах», что одним из козырей раннего «Крематория», явно не дотягивающего по инструментальному мастерству, являлось сочетание наших с Арменом голосов. Можно смело утверждать, что именно двухголосие двух лидеров было визитной карточкой «Крематория» на начальном этапе существования группы.) В наших руках появились гитары и ...почему-то начали мы с родной нам песни замечательной московской группы «Оловянные солдатики»:

*Мы летим домой,
Спит внизу земля.
А во тьме ночной
Ждет ли кто меня?
А когда вернусь -
Разольем вино,
И тяжелый груз
Упадет на дно...*

Можно сказать, что все начиналось с этой древней песенки во второй раз. Еще в до-крематорский период, где-то в 80-м году, мы с Арменом играли в группе «Атмосферное давление» и частенько исполняли на всевозможных студенческих вечерах и танцах именно эту песню «Оловянных солдатиков»...

Через неделю я позвонил Армену и сделал следующее предложение. Я хотел бы вернуться в «Крематорий», но, кроме этого пожелания, у меня имелось несколько конкретных проектов, которые я без «Крематория» осуществить не смогу, но и группа без меня реализует вряд ли. Григорян ответил, что должен все обдумать и посоветоваться с командой. Через несколько дней он перезвонил и, не упоминая о нашем последнем разговоре, предложил мне выступить на

квартирном концерте. Я согласился, и 17 февраля мы втроем (Армен, я и Мишка Россовский), как в старые добрые времена, лабали на флэте известного устроителя квартирных сейшенов Вовы Перцева. Гораздо позже, уже в 1998 году, Перцев рассказал мне, что буквально за пару дней до того концерта Григорян позвонил ему и по большому секрету сообщил о том, что в концерте примет участие Виктор Троегубов. Однако говорить об этом людям, которых Перцев зазывал на квартирник, Армен запретил: «Пусть это будет сюрпризом!»... Но больше всего мне понравилась реакция Россовского, который узнал о моем соучастии в мероприятии лишь в день концерта. Мишка вообще человек уравновешенный, даже чуть флегматичный, на тему моего появления он не распространялся, так что, при известной доле фантазии, можно было бы предположить, что вообще не было этого трехлетнего перерыва, – настолько все по-прежнему слушалось в крематорской акустике. По окончании квартирника, в тот момент, когда мы с хозяевами отмечали успешно прошедшее мероприятие, Армен предложил мне записать второй голос в одной из песен записывавшегося в тот момент альбома «Зомби», а также поучаствовать в презентации одноименного альбома, которая должна была состояться на концертах 22 и 23 февраля в ДК МЭИ. Планировалось, что вначале группа проиграет вещи из нового альбома, затем с поздравлениями выступят различные группы и отдельные исполнители, после чего в бой вступлю я. Спев пару песен (один под гитару), я останусь на сцене, и... вот тут-то вновь появится «Крематорий» и состоится совместное исполнение классических крематорских хитов, из которых, собственно, и состоит финал любого концерта группы. На предложение поучаствовать в концертах я согласился, а от исполнения подпевок на альбоме «Зомби» отказался – мы еще были достаточно

далеки, и подобное действие в той ситуации казалось мне преждевременным и даже лакейским.

...Несмотря на то, что все старые песни сидели в моей памяти очень прочно, исполнение их на том концерте представлялось мне делом непростым. Ведь в группе работала ритм-секция (да и гитарист), которых я никогда не слышал как музыкантов и не знал как людей. По большому счету, надо было бы репетнуть всем вместе, но по какой-то причине этого не получилось, и пришлось поступить довольно нагло – вылезать на сцену экспромтом. Надо сказать, я, вообще, сильно волновался. Новое поколение крематорской публики (читай тусовки) могло не помнить ни меня, ни моих песен с ранних альбомов. Но отступать было некуда, и после вступительных слов я запел «Посвящение бывшей подруге». Реакция публики превзошла все мои ожидания. Добрая половина зала начала подпевать, и все сразу встало на свои места. В результате концерт прошел очень здорово, что в какой-то мере решало вопрос моего присоединения к группе. Хотя на предварявшей презентацию пресс-конференции на вопрос: «Навсегда ли Троегубов вернулся в «Крематорий»?» и я, и Армен абсолютно чистосердечно ответили: «Жизнь покажет!».

Небольшим пикантным дополнением может стать следующая деталь: уже после моей окончательной адаптации в группе, выразившейся в установлении нормальных отношений со всеми ее участниками, крематорцы (не считая Армена) рассказывали, что о моем возвращении и появлении на сцене в ходе той презентации они узнали непосредственно перед началом концерта. Так что слова Григоряна о том, что ему нужно посоветоваться с группой, были всего лишь отсрочкой, взятой для принятия окончательного собственного решения. Похоже, уже за годы моего отсутствия Армен окончательно «свыкся» с ролью

хозяина «Крематория», и совещаться с кем-либо не собирался. К сожалению, тогда я об этом не знал и доверчиво пошел на возрождение нашего сотрудничества, тем самым нарушив бесспорную истину: в одну реку нельзя войти дважды...

Глава II. «КРЕМАТОРИЙ - 91»

Сразу после первого презентационного концерта «Зомби» (22 февраля 1991 г.) директор «Крематория» Ольга Жигарева сообщила мне, что вскоре состоится выступление в подмосковной Черноголовке. Сказано это было так, будто я являюсь постоянным участником группы, которого просто ставят в известность о будущей работе. Я предпочел не задавать лишних вопросов, тем более что данное развитие событий меня устраивало. А когда после второго концерта в ДК МЭИ (23 февраля) мне вручили гонорар за оба моих появления на сцене – тем самым был поставлена точка над «i», я снова был внутри «Крематория»...

Начались рутинные будни коллектива – долгие репетиции на базе группы в железнодорожном депо в районе Ленинградского рынка. Проблемы заключались не только и не столько в появлении нового участника в моем лице. Ситуация осложнялась тем, что презентационные концерты стали последними для гитариста Виктора Осипова (записавшего альбом «Зомби»). Еще на концертах в МЭИ я обратил внимание на то, что Виктор существует автономно от коллектива, причем это выражалось даже в таких мелочах, как перекуры или походы в буфет: Осипов проделывал это в одиночестве или в моей компании, в то время как все остальные как-то кучковались между собой. Оказалось, что уход Виктора уже был предрешен, причем желание расставания было обоюдным – и группа, и гитарист надоели друг другу. Этот факт казался печальным, «Зомби» как альбом мне нравился и, по-моему, музыкально был на голову выше других пластинок, выпущенных в мое отсутствие: «Комы» и «Клубники со льдом». (Пластинку «Живые и мертвые» я не

рассматриваю, так как ее по большому счету следует считать сборником, хотя часть старых крематорских хитов была переписана заново.) Но приходилось принимать сложившуюся действительность, тем более что у меня существовали и собственные музыкальные проблемы: нужно было учить неизвестные мне песни. Но работа спорилась, и это было видно невооруженным глазом. Приведу в качестве примера песню «Калигула», подпевки в которой Армен на альбоме наложил сам. Он спел нормально, и на пленке зафиксировался **хороший второй голос**, но стоило мне пропеть те же самые строчки, как вырисовался совершенно иной ракурс – песня усилилась равноправным вторым вокалом. Вообще, наши «двухголосые успехи» в тот момент начали склонять стиль группы в акустическую сторону, чему способствовало и отсутствие нормального электрического гитариста. 16 и 17 марта мы выступали с почти акустической программой (две акустические гитары + скрипка + бас + ударные) в полуподвальном помещении некоего Театра комедии у Курского вокзала. Набилось огромное количество народа, кто-то из фанов умудрился пролезть даже в вентиляционный люк, и концерт прошел на ура. Через неделю состоялся уже упоминавшийся концерт в Черноголовке, где мы выступали в том же составе. Спустя пару дней играли вместе с группой «Браво» в Дворце культуры Института международных отношений, причем «Браво» (с Сюткиным) выступали в первом отделении. Одновременно прошли несколько квартирников в малом составе (Армен + я + Мишка). Однако играть рок-музыку без гитариста просто невозможно, и вскоре встал вопрос о поиске подходящих кандидатов. Мои бывшие сотоварищи по группе «Дым» занимались каждый своим делом, и я предложил попробовать «дымовского» гитариста Андрея Мурашова. Армену не очень импонировали участники моего сольного проекта.

Во-первых, Армен при любом удобном (и неудобном) случае подчеркивал, что ему не нравится записанная группой «Дым» студийная пластинка «Для умного достаточно». Тем не менее, когда фирма «Мелодия» выпустила этот альбом, а произошло это по стечению обстоятельств именно в марте 1991 года, я на репетиции подарил пластинки всем участникам «Крематория», сказав Армену: «Тебе не нравится, значит не нужно?», на что он моментально отреагировал: «Нет уж, давай дари!». Во-вторых, он во всем пытался разглядеть некую изощренную интригу и в предложенной мной от чистого сердца кандидатуре видел моего будущего сторонника в спорах с ним (Григоряном). Но других гитаристов на горизонте не наблюдалось, и было решено попробовать поработать с Мурашовым, тем более что по странному стечению обстоятельств он получал высшее образование в МИИГА в одной группе с крематорским барабанщиком Андреем Сараевым.

Мурашов был загружен материалом для работы. На первом этапе ему предстояло ознакомиться и «снять» около двадцати песен для концертного исполнения. Во время нашего сотрудничества в «Дыме» Андрей так или иначе сталкивался с крематорским творчеством, но реакция его была однозначно негативной. Это легко объяснялось: все его до-«дымовские» музыкальные контакты происходили с профессионалами эстрадного жанра и представителями джазовой школы, где уровень инструментального мастерства (да и аранжировок) был довольно высок. Группа «Дым» в большинстве своем состояла из профессионалов, и лишь два участника – я и первый крематорский басист Пушкин – были «любителями». Кстати, именно Пушкин однажды очень метко охарактеризовал разницу между профессионалами и любителями: «Мы (любители) на подъеме настроения играем хорошо, в других случаях –

как получится или плохо; а у них (профи) всегда выходит хорошо». Конечно, все вышесказанное очень условно, и уж тем более профессионализм не зависит от количества дипломов. Но, я надеюсь, вы прочли между строк то, что я имел в виду. Итак, привыкшему к определенной исполнительской культуре Мурашову пришлось отрешиться от своих былых представлений. Хочешь большего – впрягайся сам! Надо отдать Андрею должное: без нытья и противодействия он начал скрупулезно влезать в каждую песню. Поначалу успехи не были особо заметны. Ну выучил аккорды, ну играет без ошибок – что здесь такого? Сам тоже не Джими Хендрикс! Однако постепенно Мурашов набрал обороты и вскоре созрел для концертов. 3 и 4 мая 1991 года в помещении института со страшной аббревиатурой МИИГАиК близ станции метро «Курская» он дебютировал в составе «Крематория». Правда, группа опять делала акцент на акустику, но подкрепленную не только ритм-секцией, но и жесткой гитарной подкладкой. Кстати, многие из присутствовавших на этих двух концертах отметили позитивную музыкальную роль нового сценического персонажа.

Впоследствии Григорян повсюду будет повторять странную фразу: «**Мы** открыли для музыки классного гитариста Андрея Мурашова!». Не совсем понятно, как совместить это с зафиксированным ранее не только на магнитной ленте, но и на диске фирмы «Мелодия» альбомом «Для умного достаточно» группы «Дым».

Глава III. ГОЛЛАНДСКИЕ ТЮЛЬПАНЫ - НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Немного отвлечемся от истории «Крематория», для того чтобы совершить недельный вояж в Европу, а точнее в Голландию. Дело в том, что еще во времена группы «Дым», а именно в 1990 году, я познакомился с музыкальным журналистом крупнейшей голландской ежедневной газеты «Хет Пароол» Симоном Ван Лейвеном. После крушения Берлинской стены и падения занавеса между Западом и Востоком в нашу страну устремились многочисленные неформалы: от миссионеров-сектантов до торговцев чем угодно и рокеров. С ними двигалась целая армия журналистов, которым были заказаны материалы по поводу той или иной стороны жизни неведомой России. Симон Ван Лейвен был довольно молодым человеком – около 25 лет. Когда-то он сам играл в панк-группе, но и на момент нашего знакомства имел достаточно радикальные взгляды. Так он был ярким противником американского капитализма, и реклама любого американского товара была для него сродни изощренному обману. Он говорил: «Я никогда не пойду в «МакДональдс», чтобы не обогащать своим долларом канадских капиталистов!». Кстати, в подобном неприятии западного уклада он явно не одинок. Очень многие молодые европейцы могли бы подписаться под словами Симона. Конечно, это чисто возрастное явление, лет через десять все они станут стандартными обывателями, для коих собственное благополучие превыше всего, и о своем юношеском вольнодумстве будут вспоминать с откровенным изумлением. Пожалуй, в подобной метаморфозе и заключен смысл нормального существования развитого общества... Так

вот, Симону все порядки России (тогда еще – СССР) казались неким раем, где он со своими легко конвертируемыми гульденами мог позволить себе роскошную жизнь, в то время как на родине жил отнюдь не вольготно. Увы, таков парадокс. В те времена некоторые иностранцы, влачившие в своей стране жалкое существование на небольшую ренту, переезжали в Россию, где отрывались по полной программе. Правда вскоре эта лафа закончилась, а к нынешнему моменту дороговизна нашей жизни не только «подтянулась» к среднеевропейской, но местами и вовсе обогнала Запад.

Уезжая, Симон оставил приглашение мне и журналисту Владимиру Елбаеву, с которым он непосредственно контактировал по работе. В апреле 1991 года я и Елбаев, преодолев долгие мытарства по оформлению документов, поездом выехали в Амстердам.

Первый раз выезжать в другую страну всегда волнительно. Хотя мелькающая за окнами вагона жизнь сменялась достаточно плавно – в Польше вокруг железнодорожных путей валялось столько же мусора, сколько и у наших дорог. Да и строения имели такие же блеклые, словно запылившиеся, цвета. Но чем дальше мы продвигались на запад, тем современнее становились здания и машины, наряднее люди, а с цветовой гаммой происходили и вовсе чудеса. Все казалось либо заново выкрашенным, либо только что досконально отмытым. И именно по нарастающей: Восточная Германия – чистенько, но бедновато; Западная Германия – красиво как в кино; а Голландия показалась еще совершенней и праздничней. Не стану утомлять вас стандартными путевыми заметками, остановлюсь лишь на двух моментах. Главное, за чем я ехал в Европу, – легко отгадает любой музыкант: мне нужна была новая электроакустическая гитара.

Послужившая на славу ленинградская двенадцатиструнка уже отчаянно фальшивила, и ее настройкой перед концертом или записью занималась вся группа. А новый приличный инструмент купить в те времена даже в Москве было непросто, да и цена была запредельной. Так что вояж мой преследовал вполне меркантильную цель. Всеми правдами и неправдами я насобирал и назанимал 1000 гульденов (приблизительно 650 долларов), которых, по моим подсчетам, должно было хватить.

Сколько музыкальных магазинов в различных районах Амстердама я тогда облазил, знает только Володя Елбаев, вынужденный повсюду шлаться со мной. Уже в первом мюзик-шопе я понял, что на нормальную гитару уйдет вся моя наличность, так что на всем остальном приходилось отчаянно экономить. У Володи, грезившего в тот момент небывалой для «совка» редкостью – компакт-диск-проигрывателем, такая покупка также досконально опустошала карман, так что по городу мы передвигались исключительно пешком, лишь в момент крайней усталости обращаясь в транспортных «зайцев». О такой роскоши, как кружка пива, мы могли, увы, только мечтать.

Думаю, многих могут удивить мои последние слова. Что за проблема в покупке кружки пива?.. Объясняется все крайне просто. Сегодняшние туристические поездки за рубеж – обыденность, доступная многим. Все уже информированы, ездили, отдыхали, знают цены. В 1991 году не существовало даже фирм, занимавшихся иностранным туризмом. Что касается кружки пива, то таковая в Амстердаме в те времена стоила ровно столько же, сколько ящик пива в Москве. Да и не было у нас свободных гульденов.

В нашем распоряжении было лишь шесть дней, раскачиваться было некогда, поэтому уже через три дня после приезда я остановил свой выбор на гитаре

фирмы «Yamaha». Елбаев приобрел желанный CD-плеер, так что наши музыкальные, а одновременно материальные задачи были выполнены. Но была еще одна важная причина поездки, совсем иного характера. Дело в том, что уже в течении года шли (правда крайне вяло) переговоры о выступлении группы «Дым» в паре амстердамских клубов. Правда, в те времена интерес к России и всему российскому во всем мире уже сходил на нет, но кое-какие шансы на поездку в Голландию были. Однако к апрелю 91-го группы «Дым» – по понятным читателю причинам – не существовало. И абсолютно естественно, что во время поездки я попытался перевести все стрелки на «Крематорий». Однако Симон, прослушав привезенные мной записи «Крематория», сказал: «Если мы повесим в Амстердаме афишу группы с именем «Крематорий», на этот концерт придут только оголтелые панки и металлисты. Когда они услышат скрипку и акустическую гитару, их реакция будет резко негативной. Они сочтут, что их попросту надули. Такое выступление мы организовывать не можем». Обидно, но спорить с ним было бесполезно. После прощального вечера, устроенного нам Симоном, мы отправились в обратный путь в Москву.

Глава IV. «ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ»

Для непосредственных участников событий воспоминания о них всегда означают очень многое, в то время как остальным (не присутствовавшим) эти рассказы обычно кажутся смертельной скукой. Я мог бы много чего вспомнить о майских концертах в ДК МЭЛЗ (Московского электролампового завода), отягощенных презентацией изданной «Крематорием» книги стихов душевнобольных и выставкой их картин. Можно было бы рассказать об отличном акустическом концерте на химфаке МГУ или о выступлении в клубе «Форпост», сбор от которого был перечислен в фонд Александра Чернецкого (Саша был болен болезнью Бехтерева, очень серьезным и быстро прогрессирующим заболеванием. Многие рок-музыканты чем могли помогали ему). Или вспомнить чумовые гастролы в Смоленске. Но предвидя чью-то (вышеупомянутую) скуку, перескочим сразу на проходивший во второй декаде июня «Соловецкий рок-форум».

В общем-то, за этим официозным названием скрывалась довольно симпатичная акция. Во времена, когда различные псевдоблаготворительные мероприятия придумываются их участниками, в основном, для собственной рекламы или поддержания пошатнувшейся популярности (а чаще – и того и другого), данное событие, не только три концерта, но и паломничество на Соловецкие острова, с передачей дарственных икон (от Б.Г.) и заработанных концертами средств Соловецкому монастырю, – явилось воистину нормальной человеческой благотворительностью.

Все это затеял Борис Гребенщиков, а организационно воплотил в жизнь архангельский абориген Николай Харитонов – редактор местной рок-

газеты «Кайф», давний почитатель отечественного рок-н-ролла вообще и «Аквариума» в частности, впервые пригласивший группу на Русский Север аж в 1978 году. (Впоследствии Н. Харитонов напишет книгу «Империя ДДТ».) В числе гостей Соловецкого рок-фестиваля числилась целая обойма питерцев: «Б.Г.-бэнд», пост-аквариумный «Трилистник» во главе с Дюшей Романовым и медитативное инструментальное трио «Сезон дождей». (Гитарист этой группы Алексей Зубарев вскоре после Соловецкого вояжа станет гитаристом «Б.Г.-бэнда», а впоследствии и «Аквариума».) От Украины присутствовала харьковская группа «Разные люди» во главе с Сашей Чернецким, а от Москвы имел место быть «Крематорий». Эта компания дополнялась тремя десятками журналистов и целой армией междугородних рок-н-рольных тусовщиков.

Вообще-то, к московским командам в тех краях относятся скептически, и есть отчего. Уж слишком велик попсово-коммерческий отряд всевозможных ВИА (не только по форме, но и по сути), расквартированных в столице. А если что посерьезней, так и не найдешь сразу. К тому же питерскими музыкантами этот регион разрабатывается уже давно, и вкус слушателю привит соответственный, а он московскому музону в каком-то смысле перпендикулярен. Так что даже объявление нашего выступления на первом концерте (в Северодвинске) содержало в себе легкий укоризненный укол: «... группа из Москвы...». Но первые такты музыки расставили все по местам. Публика сразу приняла предложенные «Крематорием» правила игры и ... Дальше, дабы не показаться нескромным, цитата из четвертого номера северодвинского «Кайфа»: **«...Никто из двух тысяч, оказавшихся в семисотместном зале, не упал в обморок и не заплакал. Но, когда отзвучало «...Дом вечного сна...»** (слова из песни

«Крематорий») - зал был ни жив ни мертв. Зал не помнил себя и ликовав беспредельно... «Крематорий» на соловецких концертах спас в глазах аборигенов Русского Севера давно пошатнувшееся имя первопрестольной. Крематорцы вернули Москве доброе имя, а въехавший зал, раскачиваясь, плыл, не желая остановок».

Эти концерты оказались очень интересными, я бы сказал – слишком интересными, даже чуть перегруженными. Открывались представления «Трилистником», и Дюша Романов (акустическая гитара, вокал) вместе с Михаилом «Фаном» Васильевым (бас-гитара), Петром Троценковым (ударные) и Сергеем Щураковым (аккордеон) сразу захватывали власть над залом (мне показалось – чуть больше над дамской его частью). Митьковско-экс-аквариумовский шашлык из нанизанных на стальной барабанный шампур очень добротных «почти-хитов², проложенных басовыми дольками и обильно сдобренный пикантно-гармоничным (в данном случае термин произошел от скрещивания гармонии и гармонии) соусом. Правда, публика чуть «переела». На пару бы кусочков поменьше, и кроме сытости остался бы и тонкий гастрономический вкус. После этого северо-двинскими рок-командами (в каждом концерте разными) публике была предоставлена возможность прочистить желудок.

«Крематорий» прошел – как красное игристое вино (см. выше), и после наметившегося опьянения пришла пора попеть. «Разные люди» со своим мелодизмом, усиленным многоголосыми получастушечными распевами (их очень легко сегодня представить, послушав «Чижа и компанию», – состав группы другой, а песни и автор – те же; только сейчас подпеть ему достойно у «...компании» не очень получается, а тогда поющие басист и гитарист делали это просто классно,

внося украинскую распевность) разбудили в душе каждого слушателя что-то очень родное, а появление на сцене в последних песнях Саши Чернецкого на костылях... Короче, слеза прошибала зачерствевшие совковые сердца.

«Сезон дождей», изначально требующий самого отточенного саунда, на этом «проблемном» аппарате прозвучал (во всех концертах) лучше всех. Многоминутные полумагнетические инструменталы воспринимались залом на одном дыхании. Это был чуть тревожный сон, навеянный праздником. А пробуждением стали хрустальные колокольчики, в роли которых выступила «Группа Б.Г.». Наверное, у каждого в зале нашлись свои ассоциации, но сейчас та музыка почему-то все время воскрешает во мне неясные воспоминания из забытого детства: я слушаю сказку, а перед глазами качается головка фарфорового болванчика.

Вроде и добавить нечего, лишь небольшой курьез. Предварительная информация о Соловецком рок-форуме дошла до нас искаженной, и мы поехали акустическим составом (без барабанщика и гитариста). Серега Третьяков (наш басист) был абсолютно свободен и решил прокатиться за компанию, и слава богу, что он захватил с собой бас-гитару. Так что выступали мы вчетвером: две акустики + скрипка + бас. А барабанов и электрогитары так не хватало! Ну да ладно. Остались в памяти и эти концерты, и плавание к Соловкам на военном ледоколе «Руслан» (экипаж оттягивался не меньше нашего!), и волшебная красота северной природы, и братство (пусть временное) групп-паломников. Не обошлось и без отвязных алкогольных приколов, которыми так богата гастрольная жизнь, особенно если она сопряжена с плаванием на военном корабле (из гирокомпаса которого выпили весь спирт). Одна история, произошедшая со мной и питерским рок-

журналистом Сашей Старцевым, пожалуй, заслуживает отдельного рассказа.

Неформальный досуг в дни северодвинского и архангельского концертов, а также восьмичасовое ночное плавание с употреблением горячительных напитков привели к тому, что на берег мы сходили усталыми и неопохмеленными. Но целительное воздействие этих мест началось с первых же шагов по соловецкой земле – головная боль и утомление отступили. Даже удалось сконцентрироваться для двухчасовой прогулки с экскурсоводом. Но после окончания экскурсии всем одновременно захотелось «продолжения банкета». Однако достать спиртное на Соловках оказалось почти невозможным делом. Если вы помните, то в 1991 году на всей территории нашей страны алкоголь продавался по талонам. А на Соловецких островах правила торговли были еще строже. Так как количество жителей там невелико, то в единственном магазине просто находились списки совершеннолетних жителей, каждый из которых имел возможность купить пол-литровую бутылку питьевого спирта ежемесячно. «Видит око, да зуб неймет» – именно эта пословица лучше всего отражает состояние, в котором мы находились в тот момент, беспомощно взирая на прилавок. «Вот если бы нам разрешили купить бутылочку», – прошептал мне на ухо Старцев. Решение пришло именно в этот момент, и я задал продавщице странный вопрос: «Извините, мы сегодня выступаем в монастыре. Как нам приобрести необходимую для настройки аппаратуры бутылку спирта?». Ничего не ответив, она подошла к висевшему на стене телефону, несколько раз крутанула диск и, выдержав паузу, что-то невнятно сказала в трубку. Пару минут спустя она уже объясняла нам, как пройти в контору местной администрации. За столом в нужной нам комнате сидел плешивый бородач с умными

глазами сельского интеллигента. Еще двое аборигенов, попроще лицом и одеждой, сидели на стульях у окна. Наш стук в дверь, видимо, прервал общение, и три пары глаз с любопытством уставились на нас с Сашей. В этот момент наша идея вдруг стала казаться идиотской авантюрой, но отступить было некуда, и я повторил формулировку, которая так магически подействовала на продавщицу. «Пишите заявление», – сказал бородач, протягивая лист бумаги и ручку. Ситуация становилась победной, и я моментально сочинил стебово-бюрократический документ следующего содержания:

Председателю РайПО

гр. Шахову М. М.

от группы «Крематорий»

ЗАЯВЛЕНИЕ

Просим отпустить две бутылки спирта для участников группы.

Подпись /В. Троегубов/

Ленинградец Старцев внес свою посильную лепту, приписав рядом с «Крематорием» имя несуществующего на тот момент времени «Аквариума». Бородач подмахнул нашу «телегу», и мы устремились к заветному прилавку. Правда перед этим мы отловили приехавшего со всей рок-тусовкой фотографа Вадика, и он сфотографировал исторический документ – мы предчувствовали, что ему суждено остаться в архиве местного сельпо. Так оно и произошло, и мы с Сашей, у которого заметно оттопыривался карман, направились к стоящему у пирса «Руслану». По дороге нам навстречу попались Дюша Романов и «старый рокер» Анатолий Гуницкий, прогуливающиеся с грустным видом ввиду сходного с нашим состояния здоровья. Старцев не преминул поделиться с ними оригинальным способом покупки спирта, и резко вдохновившаяся парочка рванула к сельсовету. Однако вскоре они появились на корабле несолоно хлебавши – два раза одна и та же

шутка не проходит даже на таком краю земли, как Соловецкие острова. А бутылка, добытая с такими ухищрениями, была распита московско-питерской компанией под нехитрую корабельную закуску на корме нашего судна. Сбоку поднимались прямо из воды стены и башни монастыря, а по всему остальному горизонту красовались бескрайние дали Белого моря, чья свежая волна мягко плескалась у борта...

Да, еще одна пикантная подробность: Б.Г. удалось стать крестным отцом девятнадцати паломников (всех желающих окреститься зазывал корабельный радиоузел). Я слабо разбираюсь в культово-обрядовых подробностях, но точно знаю, что какое-то время перед таинством новообращенные должны поститься и очищаться. Сомневаюсь, что хоть один из них сумел соблюсти это правило. Но в целом хепенинг удался, и отец Герман обратил неопохмеленных. Я тогда предлагал Армену продолжить стебовую линию и предложить паломникам (за символическую плату) зарезервировать места в колумбарии, но моя идея не нашла поддержки...

Из аэропорта в Архангельске все улетали почти одновременно. Харьковчане летели с нами в столицу, а питерцы, естественно, сразу в Ленинград. Было грустно расставаться. Совместное путешествие сблизило всех, а «аквариумовский» оператор Олег Гончаров, расхаживающий в подаренной нами крематорской майке, вообще как-то пошутил, что уходит в «Крематорий». Неврубившиеся журналисты сразу стали преследовать его с целью получения «жареной» информации...

Расставались с объятьями и поцелуями, с рукопожатиями и слезами на глазах. Даже когда питерцы прошли досмотр, мы продолжали диалог с аэропортовского балкончика, выходявшего на летное поле. Но вот они двинулись к аэроплану, и ... голос

диктора объявил: «Пассажиры рейса Архангельск – Москва приглашаются на посадку». Увы, все хорошее когда-нибудь кончается.

Глава V. «МНОГО ШУМА ПОЧТИ ИЗ НИЧЕГО»

В конце июня мы съездили на пару концертов в Луганскую (экс-Ворошиловградскую) область и, записав для «МузОбоза» аудио- и видеоряд «Маленькой девочки» (один из хитов «Крематория»), разъехались на летние каникулы. Так уж получилось, что планировавшиеся на июль поездки по разным причинам отменились, а август мы и так предполагали отдыхать друг от друга...

Отдых того года я собирался провести в почти растительном режиме. Тому была серьезная, но приятная причина: моя жена была беременна, и вскоре последнему бездетному крематорцу предстояло стать папой. Поэтому были приобретены билеты на туристический теплоход, который плыл из Москвы в Астрахань с заходом во все основные порты, где он стоял, пока пассажиры осматривали местные достопримечательности. Именно на корабле и застигло нас сообщение о приходе к власти ГКЧП. Надо сказать, что в то время когда теплоход находится в рейсе, телевизионные передачи одной единственной телепрограммы принимаются крайне неустойчиво, а в некоторых точках маршрута не принимаются вовсе. Поэтому вы легко представите, как пассажиры сбивались в кучу вокруг обладателей транзисторных приемников, чтобы хоть что-то услышать о происходящих событиях. Подобное существование в информационной невесомости долго продолжаться не могло, и, кое-как доплыв до Астрахани, мы вылетели в столицу.

Я появился в Москве 28 августа (Мишка Россковский на пару дней раньше) и сразу узнал от Армена, что его

приглашали выступать перед защитниками Белого дома, на что он согласился, несмотря на наше отсутствие. Однако, когда пришла пора концерта, гэкачепистов уже раздолбали в пух и прах, а исполнять куплеты перед победителями было уже так много охотников, что... Вообще, вся эта августовская история и тогда-то сильно смахивала на заурядный фарс (с отдельными драматическими страницами), а уж сегодня и вовсе непонятно, как ее назвать. Больше всего тогда удивила музыкальная пресса, пересмотревшая отношение к рок- и поп-музыкантам, в зависимости от их участия в «революционных концертах». Абсолютной вершины журналистского шабаша достиг Дмитрий Шавырин, который в нескольких публикациях «Звуковой дорожки» газеты «Московский комсомолец» писал о том, что отрекается от поп-музыкантов, не вышедших на баррикады. Однако квинтэссенцией этого опуса явился прогноз реанимации популярности Андрея Макаревича, в числе первых оказавшегося в гуще событий. Можно по-разному относиться к творчеству Макаревича, но корни любви к этому автору (и исполнителю) уже так глубоки, а круг его верных слушателей воспитан годами работы на сцене и многочисленными студийными записями. Так что «закапывать» его только для того, чтобы получить приоритет в откапывании!.. Последствием всего этого баррикадно-музыкального бума стало то, что бесчисленное множество исполнителей на каждом углу трубили о своей причастности к концертам у Белого дома. Не хочу никого обидеть, но позволю себе поделиться мыслями: одна хорошая песня может смыть с людских душ больше дерьма, чем сумма амбиций всех тусовщиков от музыки.

В результате еженедельник «Аргументы и факты», являвшийся на тот момент негласным глашатаем победившей демократии, был вынужден включиться в

околопарламентскую (почти филармоническую) музыкальную грызню и опубликовать список выступавших перед защитниками Белого дома с указанием даты и даже времени выступления. Вся эта возня была настолько отвратительна по своей сути (был на баррикадах – хороший музыкант, не был – плохой), что несколько раз в интервью на вопрос: «Где вы были 19 августа?» я в истинно крематорском духе отвечал: «Поддерживали ГКЧП!». Надеюсь, умный поймет, а дураку не растолкуешь никогда.

Кстати, еще один околополитический как бы анекдот (хотя то, что я расскажу сейчас, – чистая правда). После одного из концертов ноябрьского турне «Крематория» по Сибири (Омск – Красноярск – Новосибирск – Барнаул, некоторые пикантные эпизоды этих гастролей ждут вас в одной из следующих глав) в примерку пробился корреспондент некоего регионального демократического издания (sorry, название запомнил). Получив согласие на интервью, он мгновенно начал «пикировать» на нас с сугубо политическими вопросами, причем в довольно задиристом тоне. Все объяснилось на пятом или шестом вопросе: «А вы знаете, что в своем последнем интервью Жириновский назвал лучшей группой разваливающегося Союза «Крематорий»? Владимир Вольфович утверждает, что любит вас за злую честность, и, если бы нужно было написать новый гимн СССР, он бы поручил это сделать «Крематорию». Скажите, вы бы согласились?». На это мы ответили, что гимн писать не откажемся, а уж в нем каждый политический клоун получит по заслугам.

Да, еще об одной организационной перемене, произошедшей тем же летом в группе. Ольга Жигарева, являвшаяся в момент моего возвращения в «Крематорий» директором группы, несколько отдалилась от жизни команды. В этом не было чьих-

либо интриг, просто у Оли существовала основная работа (убей бог, не помню какая), и заниматься делами «Крематория» в полном объеме она больше не могла. Кстати, к этому времени она уже перестала ездить вместе с группой на гастроли, а именно в гастрольных поездках исполняется значительная часть обязанностей директора музыкального коллектива. Поэтому группа полюбовно рассталась с Олей (работавшей на этом посту около трех лет), договорившись о дальнейшем сотрудничестве по организации отдельных концертов и гастрольных выездов. Никаких сомнений по поводу новой кандидатуры на освободившуюся должность ни у кого не было – пост директора «Крематория» занял ваш покорный слуга. Мне и раньше приходилось участвовать в организации концертов и прочих мероприятий. Так что сомнений по поводу компетентности не было. Для «Крематория» подобное назначение было и подавно выгодным – в отличие от получавших проценты со всех заработанных группой денег директоров со стороны, я не получал ни копейки сверх своего гонорара рядового музыканта группы. Конечно, можно было выторговать какие-то деньги за выполнение директорских обязанностей, но в ситуации, когда все участники группы являлись не только друзьями, но и деловыми партнерами, тянуть одеяло на себя я считал просто невозможным.

Глава VI. «КИРОВ – ИРКУТСК – ТРАНЗИТ», ИЛИ «СИБИРСКАЯ ЗАТРАВКА»

В конце августа, и особенно в первой декаде сентября (91 года), безмерно накалились телефоны – многочисленные крематорские фаны пытались разузнать, когда состоятся концерты «Крематория» в Москве? Мы и сами хотели начать концертный сезон со столицы, но, несмотря на то, что весной концерты группы в ДК МЭЛЗ прошли очень успешно (и в финансовом отношении тоже) и уже существовала принципиальная договоренность о наших выступлениях в первой декаде сентября, дирекция ДК МЭЛЗ очередной раз подставила нас, и потому ... отвечать фанам было нечего. (Предыдущей подлянкой была реакция сотрудников ДК МЭЛЗ на майские концерты. На «Крематорий» списали находившиеся в безобразном состоянии и, естественно, попадавшие ряды партера.) Зато гастрольная жизнь была ключом:

20 и 21 сентября состоялись два концерта в Кирове. Прямо из Кирова вылетели в Сибирь, но нам не повезло. Наш авиарейс оказался транзитным, так что самолет совершил посадку на летном поле в Свердловске. Тот час, что был в нашем распоряжении, мы рассчитывали проболтаться в аэропорту, хотя у Сергея Третьякова (являвшегося аборигеном этих краев) тут же зароились порочные мысли. Но особого времени не было, и мы, сожалея об этом, вошли в здание аэропорта. Повсюду – в креслах, на полу, лестницах и подоконниках – вповалку лежало огромное количество спящих людей. Между собой мы заговорили о том, до какого скотского состояния надо дойти, чтобы вот так валяться на

грязном бетонном полу, и... судьба тут же подбросила нам сюрприз. Наш рейс по каким-то причинам начал откладываться: вначале объявили часовую задержку, потом прибавилось еще пара часов. В результате через двадцать часов мы органично вписались в ряды обессиленных ожиданием пассажиров и так же, как они, вповалку спали где попало, поднимаясь лишь для того, чтобы сожрать в буфете кусок очередной курицы или пару вареных яиц... Когда наш рейс все же был объявлен, мы в это просто не поверили. Именно тогда Григорян сказал, что «Крематорию» в Свердловске не везет. В чем-то он был прав, по крайней мере этому городу еще предстоит появиться в нашем повествовании.

В Иркутске нас встречал известный рок-н-рольный администратор Сергей Терпигорев (возил по сибирским маршрутам «Аквариум», «Алису» и других известных рокеров), и, когда он привез нас в гостиницу и достал кастрюлю с горячими домашними пельменями, мы поняли, в чем заключается счастье. Кстати, Терпигорев и его постоянный соратник по всем проектам Рюмкин (вслушайтесь, какие фамилии!) в каждый наш приезд развлекали нас какими-нибудь новыми шутками. В тот раз они придумали новую феню-считалку. Каждый раз, когда разговор заходил о каких-то серьезных вещах, Рюмкин (или Терпигорев) говорил следующее: «Сейчас мы едем на репетицию – это раз; во-вторых, Терпигорев (или Рюмкин) – пидарас; в-третьих, провалился в унитаз...». И дальше присказка могла продолжаться до бесконечности. В другой наш визит неразлучная парочка порадовала нас своей версией одного из хитов модного тогда эстрадного исполнителя Сергея Чумакова. Терпигорев и Рюмкин дуэтом начинали петь: «Не обижай, не обижай, жених, девчонку малолет – КУ!». На последнем слоге они выполняли действия, положенные к исполнению при произнесении данного

приветствия в фильме «Кин-дза-дза!»: одновременно приседали и, хлопнув ладонями по щекам, разводили руки в стороны. Подобных «реприз» в их арсенале было довольно много, так что общаться с ними, а также совместно употреблять алкоголь было весело. Те не менее, недолгий сибирский вояж быстро закончился:

24 сентября – 2 концерта в Иркутске,

25 сентября – концерт в Ангарске,

27 сентября – концерт в Братске.

Глава VII. «В БОРЬБЕ ОБРЕТЕШЬ ТЫ ПРИЗВАНИЕ СВОЕ...»

Вы, наверно, обратили внимание, что крематорские концерты первой половины 91-го можно поделить на две неравные половины. Абсолютное большинство – за выступлениями с акустическим уклоном, когда две акустические гитары и скрипка усиливаются ритм-секцией (бас + ударные). Иногда (и это происходило нечасто) группа выходила на сцену в компании с лидер-гитаристом (Осипов или сменивший его Мурашов). Появление электрической гитары придавало звучанию группы мощь, а гитарные соло разбавляли вынужденные (в случае акустики) скрипичные запилы. Беда была в том, что с гитаристами «Крематорию» всегда не везло – их уровня просто «не хватало» для полноценных концертов и студийных записей. На мой взгляд, единственное исключение составляет лишь альбом «Зомби», где Виктор Осипов потрудился на славу. Подобная невезуха с гитаристами настраивала на грустный лад, и порой казалось уместным раз и навсегда отказаться от мощного звука и сделать упор на традиционно сильное акустическое направление группы. Напомню лишь часть крематорских акустических хитов: «Мусорный ветер» и «Сексуальная кошка», «Стремный корабль» и «Подруга», «Маленькая девочка» и «Винные мемуары».

Армена электрическая неполноценность группы не могла не беспокоить, и в новом гитаристе Андрее Мурашове он тогда не чувствовал стопроцентной необходимости. Надо учесть, что кое-кто из рок-корифеев, в частности Гребенщиков, в то время направили свои усилия в акустическое русло, да и западное увлечение unplugged'ами достигло апогея.

Однажды, а произошло это на стихийной пьянке в квартире торговца крематорской продукцией Вовы Корнеева, проживавшего в одном подъезде с Григоряном, Армен завел разговор о дальнейших перспективах группы. Собрались все «акционеры» группы: Армен, я, Мишка Россовский, Сараич, Серега Третьяков. Кроме музыкантов присутствовали хозяин флэта и, по-моему, звукооператор группы Серега Овсянников. Когда выпили пару рюмок, Армен изложил свое мнение по поводу того, что Мурашов как гитарист не подходит «Крематорию». Не буду анализировать прозвучавшую мотивировку – каждый имеет право на собственное мнение. Обычно с Арменом никто не спорил. В «Крематории» образца 1991 года демократии не существовало, и описываемый случай явился единственным исключением. Волю командира не обсуждали – ее просто выполняли, и все. Но на этот раз его предложение было ошибочным, и это понимали практически все. Да, пока Мурашов еще не стопроцентно сросся с группой, но ведь ничто не происходит мгновенно. Зато он уже показал себя хорошим музыкантом и добросовестным исполнителем – надо дать ему «адаптироваться» в новых для него специфических условиях пост-андеграундной рок-группы. Я начал объяснять это, и к моей радости меня горячо поддержал Мишка Россовский, а за ним и все остальные. Армен какое-то время поспорил с нами, а затем все же согласился, что можно продлить испытательный срок для гитариста...

...Чуть придя в себя после аэрофлотовских перелетов с суточными зависаниями в транзитных аэропортах, группа отправилась в «супертурне» по Брянской области. Фирма, устраивавшая эту серию концертов, с самого начала нарушила условия сотрудничества. На словах они были мастера, а когда пришла пора выплатить минимальную предоплату,

гарантировавшую группу от недобросовестности партнера, мы слышали какие-то невнятные объяснения и обещания. Особенно трудной данная ситуация оказалась для меня. С одной стороны, как директор группы я видел, что финансовый риск гастролей из-за наличия подобного партнера крайне высок. С другой стороны, 91-ый год был настолько небогатым на концертную работу, что вытягивать семейный бюджет каждому из музыкантов было очень сложно. Я сам был одним из этих музыкантов и (как участник группы) считал, что мы не вправе отказываться от любой музыкальной работы. В противном случае впору было наниматься разгружать вагоны. На одной из репетиций группы я сообщил всем о тупиковой ситуации и сказал, что решение о данной поездке мы должны принять коллегиально... Даже на перроне вокзала были сомнения в целесообразности выезда. Но «трус не играет в хоккей», а про рок-н-ролл я и не говорю – мы сделали шаг и... вошли в тамбур вагона. Нашим слепым поводырем на все время поездки стал бездарный (а главное абсолютно безмозглый) псевдоадминистратор Сергей Бережной. Уже после многочисленных проколов (и приколов) в процессе поездки он получил от Армена меткое прозвище «Крысоид».

Пожалуй, нет на Брянщине дыры, в которой мы не побывали. Залы на 400 – 600 мест, «аппарат» без мониторов и инструментальных комбиков, обшарпанные гостиницы без воды «с удобствами в коридоре», неотапливаемые гримерки, полное отсутствие рекламы, да еще и радиация в придачу – в общем, полный комплект всевозможных сюрпризов. Тем, кто думает, что гастрольная жизнь – сплошное удовольствие, состоящее из шампанского – в «люкс» и «кадиллака» – к подъезду, придется отказаться от укоренившегося стереотипа.

Конечно, можно было на все это плюнуть и смотаться в Москву в теплые квартиры, но что-то заставляло нас продолжать эту проигрышную по деньгам и выматывающую здоровье серию концертов. Хотя, вру, своя польза в этих выступлениях была. Гастроли по Брянщине в 91-м году стали для «Крематория» тем, чем для Beatles (за сравнение сразу извинюсь) когда-то стал Гамбург. Все трудности только сплотили команду и дали некое новое сознание, которое трудно синтезировать, выступая только в комфортных условиях или на стадионах...

Достопримечательным и полезным стало выступление на известной всей стране зоне особого режима в городке Стародуб. (Именно оттуда в 90 году был совершен знаменитый побег сразу девяти заключенных, прокопавших туннель на волю из промышленной зоны, куда в дневное время их отводили на работы. Даже телепрограммы новостей сообщили об этом побеге.) Шестеро в черном – на сцене и шесть сотен в черных робах – в зале. Особый режим означает, что каждый из заключенных сидит либо за убийство, либо за изнасилование, а минимальный здесь срок – десять лет. Так что странное чувство создавалось, когда эти люди подходили после концерта с теплыми словами и просили поставить автограф на единственных имеющихся у них бумажках – фотографиях жен и детей. Единственным, о чем наши «зонные» зрители сильно сожалели, так это об отсутствии Ольги Жигаревой, числившейся на конверте крематорского диска в качестве продюсера. Там другое отношение к самому понятию «женщина»... На прощанье мы чифирнули с зонными музыкантами (есть и такие) в камерке, где они репетируют, и, кстати, заметили наклеенную на стену фотографию «Крематория» из журнала «Смена». На этом можно было бы и закончить тюремную историю, но по

прошествии двух лет она получила абсолютно неожиданное продолжение. После одной из репетиций участники группы решили что-то отметить, соорудили на репетиционной базе импровизированный стол и хорошо «посидели». Разъезжались уже в ночи, еле успев до закрытия войти в метро, и от своего метро до дома каждый добирался как мог. Наш гитарист Андрей Мурашов жил тогда на улице Генерала Рычагова, что расположена за кинотеатром «Байкал», и от ближайшей станции «Войковская» идти ему было не так уж мало. И вот где-то в районе Коптевского рынка (уже пахло чем-то нехорошим) из тьмы ему навстречу появились несколько плечистых фигур. «Закурить не найдется?» – хрипло прозвучал хрестоматийный вопрос. Андрей как человек некурящий ответил отрицательно. «А сотню на вино не добавишь?» – настойчиво попросил тот же голос. Пришлось достать портмоне, которое тут же перекочевало к незнакомцам. Все бы это ничего: денег было не много, но они отобрали и кофр с дорогим иностранным инструментом (Fender Stratocaster). Никаких аргументов против крепких спортивных незнакомцев в наличии не имелось, и Андрей со слезами на глазах (и с болью в душе) уже прощался с частью себя, как вдруг... «А ты, случаем, не бывал пару лет назад в Брянской области?» – пытливо спросил уже другой голос. Дальнейшие события разворачивались, как в сценарии кинофильма, и я сразу перейду сразу к финалу: один из повстречавшихся Мурашову персонажей отбывал заключение в той самой зоне. Андрею вернули не только гитару, но и кошелек (сотню на вино все же взяли), к тому же проводили до дома. Вот такое непрогнозируемое окончание оказалось у этой истории...

Еще одним интересным для нас открытием «Брянской гастрولي» стало общение с не ведомыми нам доселе крематорскими фанами из среды сельской

молодежи. Мы не могли понять, откуда появились в этой глуши наши пластинки, которые они приносили на концерты и которые не так просто было тогда найти на музыкальных прилавках даже в крупных городах. А ведь эти люди живут в так называемых «поселках городского типа», где по изрытой ухабами главной улице степенно вышагивают непуганые радиоактивные курицы. Вслушайтесь в географические названия, и комментарии отпадут за ненадобностью:

14 октября – г. Добруж (1 концерт),

15 октября – г. Новозыбков (1 концерт),

16 октября – г. Сураж (2 концерта),

18 октября – г. Клинцы (1 концерт),

20 октября – г. Стародуб (концерт на зоне, вечером – в городе),

21,22 октября – г. Брянск (2 концерта).

После такой поездки сам черт не страшен, и мы, передохнув денек в Москве, 25 октября уже выступали в Харькове. Этот концерт устраивали ребята, опыт которых в организации гастролей был близок к нулю. Именно поэтому они не стали рисковать, и зарядили лишь один концерт в зале на полторы тысячи мест. Нас выезд на одно выступление тоже устраивал – так надоели банкеты с местной рок-общественностью, что крайне манила перспектива: приехать в Харьков утром, отыграть концерт и сразу отправиться на вокзал, чтобы немедленно отъехать домой...

На вокзале нас встретили приятные интеллигентные ребята – Андрей и, по-моему, Володя. По предварительной договоренности, гостиницу не заказывали, поэтому нас повезли на квартиру к Владимиру, где мы должны были привести себя в порядок и тусоваться до саунд-чека. Было около девяти утра, когда большой автобус ЛИАЗ привез нас к пятиэтажке в одном из окраинных районов города. Первое, что мы увидели, войдя в квартиру, – накрытый

всевозможными малороссийскими блюдами огромный стол, занявший целую комнату. Отказаться от этого гостеприимного изобилия было невозможно, и, наскоро умывшись, мы уселись за стол. Моментально появилось пиво, и вскоре единственной занудной проблемой остался лишь вечерний концерт. Такова судьба – любой отдых приятнее самой лучшей работы. Сразу скажу, что вскоре появились и более крепкие напитки. Не выпить их при наличии подобных закусок было бы ошибкой, и мы пригубили. Правда, соблюдали меру. Все-таки концерт – дело ответственное.

Так наедаться перед выступлением, конечно, нельзя. На сцене хорошо чувствовать себя подтянутым и напряженным, а не разомлевшим и умиротворенным. Тем не менее, концерт прошел на пятерку с плюсом. Тот факт, что группа выступит в городе единожды, породил дикий ажиотаж. В просторный зал с полутора тысячами сидений набилось более трех тысяч зрителей, которые аплодировали, орали, подпевали и зажигали огонь в медленных песнях. Харьков, куда группа попала впервые, сразу полюбил «Крематорий». Надо ли говорить, что в результате такого приема публики и такого стола «Крематорий» полюбил Харьков...

...15 ноября – выступление на фестивале «Рок-осень» в Риге. 1991 год уже довольно сильно разобщил латышей и русскоязычных аборигенов. Мероприятие было лишено официальной поддержки и минимальной помпы, и концерты проходили в небольшом зальчике мест на 400, правда расположенном в самом центре города. Гонорар «Крематория» за это мероприятие был, по существу условным, но, похоже, мы были единственными получившими хоть что-то. Но мы ехали в Ригу не за деньгами. Уже было ясно, что вскоре пути России и Латвии окончательно разойдутся, и хотелось просто с кайфом пошляться по городу, становившемуся

иностранным. Я взял с собой жену, Григорян поехал с girlfriend'ом Дашкой (будущая вторая жена), Россовский прихватил свою коллегу по работе Иру (впоследствии она родит ему мальчика, и их семья эмигрирует в Израиль).

23 и 24 ноября – наконец-то случились долгожданные концерты в Москве. «Горбушка» (ДК им. Горбунова) каждый день набивалась до отказа. Концерты совпали с днем рождения Армена (24 ноября) и потому носили несколько импровизационный характер. Кстати, именно на этих выступлениях мы впервые исполнили песню Майка Науменко «Дрянь». Внимательный читатель помнит, что в первой части этих мемуаров данная песня уже упоминалась, так что ее выбор отнюдь не случаен. Впоследствии «Дрянь» войдет в сборник крематорских хитов «Двойной альбом», а тремя годами позже – в 1996 – модернизированная версия этой песни «Зоопарк» появится в качестве бонус-трека на моем втором сольном альбоме «Мастер снов». Сразу подчеркну, что именно последний вариант является тем, за который лично мне перед покойным Майком не стыдно. Поверьте, это не набор стандартных слов и уж точно не заигрывание с публикой. Просто Майк являлся одной из крупнейших фигур отечественной рок-музыки – пожалуй, лучшим текстовиком в рок-н-ролле, и именно его тексты, во многом, определили высокий уровень требований к тексту в российском роке... В 91-м его «Дрянь» стала песней, неизменно присутствующей в крематорских концертах, – единственной песней «автора со стороны»...

26 и 27 ноября прошли 2 концерта в Казани, заделанные администратором «Б.Г.-бэнда» Алексеем Кайбияйненом, являющимся уроженцем этого города. В Казань приезжал и оператор «Б.Г.-бэнда» Олег Гончаров, который очень помог нашему штатному

звукорежиссеру Сергею Овсянникову. Кстати, в Казани с нами тоже случилась забавная история. Когда на второй день нашего пребывания в городе мы спустились в гостиничный ресторан, официант, а вслед за ним и метрдотель грубо отшили нас, заявив, что в ресторане перерыв и кормить нас вообще нечем. С похмелья для спора не было сил, и мы «несолоно хлебавши» отправились было в соседнее кафе, как уже на самом выходе нас догнал бойкий хлопец в клетчатой кепке, спросивший, правда ли, что мы из «Крематория»? Еще свежи были в памяти истории с многочисленными казанскими группировками, к тому же в руках он крутил пистолетный патрон, так что как-то сразу стало чуть-чуть не по себе. Однако, выяснилось, что Костя (так звали нашего нового знакомого) стал невольным свидетелем того, как нас выпроводили из ресторана, и теперь просил вернуться, обещая быстрое обслуживание. Уже очень хотелось что-нибудь съесть, мы согласились – и через три минуты поглощали холодные закуски, наблюдая, как не приветливого метрдотеля трясут за шиворот. Конечно, после этого мы не могли не пригласить Костю и его друзей на концерт. Вечером спецназ (вооруженный не только дубинками, но и автоматами, – дань местной специфике), охранявший концерт, смотрел на этих наших гостей, как волкодавы на волков. Сразу после выступления мы должны были без заезда в гостиницу ехать на вокзал, но поезда задерживались аж на шесть часов (как сообщил Кайбияйнен), потом еще на три, и мы провели угарную ночь, полную впечатлений от новых для себя собеседников и суперчумового коньяка какой-то немыслимой выдержки (этого волшебного напитка наши новые знакомые лишили некую китайскую делегацию).

Глава VIII. «ШАБАШ В ОЛИМПИЙСКОМ»

В последних числах ноября в Москве на арене спорткомплекса «Олимпийский» состоялись концерты, приуроченные к годовщине существования телекомпании «Вид», и в них приняли участие наиболее популярные поп- и рок-исполнители (конечно, не без исключения). Нам позвонили из «МузОбоза», с которым «Крематорий» в то время связывали дружественные отношения, и попросили поучаствовать в этой акции. Группа всегда предпочитала не связываться со всевозможными мега-тусовками и фестивалями (тусовки с большим количеством участников всегда насыщены огромным количеством накладок, что не дает нормально отстроить звук), проходящими в «залах», подобных «Олимпийскому». В принципе СК «Олимпийский» представляет из себя огромный бетонный сарай, предназначенный для чего угодно (спортивных соревнований, выставок, конкурсов красоты и т.п.), только не для концертов, он просто не проходит по своим акустическим особенностям. Но для главенствующих в совковом шоу-бизнесе принципов срывания максимальной кассы и произведения наибольшего шума в прессе, на радио и ТВ этот зал – ну самое центровое место. Отказывать было неудобно, мы плюнули, и согласились.

Если мне не изменяет память, рок-группы были поделены на два концерта (у поп-звезд было шесть или более выступлений). В первом принимали участие «Машина времени», «Браво», «Моральный кодекс» и еще пара коллективов, не помню кто именно. Я приношу извинения тем, кого не упомянул, но, в двух словах, это был парад уже встроенных в шоу-бизнес коллективов.

Второй концерт, проходивший 29 ноября, напротив, включал группы, пробившиеся в верхние эшелоны отечественного рока подобно росткам сквозь асфальт, и до того дня оппозиционные традиционным структурам шоу-бизнеса. Рок-эрудит может возразить мне и утверждать, что «Машина времени» и «Браво» также пробивали себе дорогу с большим трудом, вопреки официозной культуре. Это действительно так, но, достигнув определенной точки в своем развитии, эти команды сами стали частью официальной филармонической системы. То же касается и телевидения, где они стали завсегдатаями мафиозных программ... Итак, 29 ноября «Олимпийский» был в распоряжение «Алисы», «Бригады С», «Крематория», «Чайфа» и «Агаты Кристи». Наверно, не к чему пересказывать тот концерт, да и запомнилась, в основном, не музыка – ее при этой акустике слушать трудно. Почему-то в памяти – дико неудобная сцена, безмерно растянутая по фронту, но очень узкая в глубину, да абсолютная тупость ментов, устроивших чуть ли не шесть кордонов от гримерки до сцены. Но милицейский беспредел придал столь необходимую динамику традиционному «ценителю милицейского произвола» Косте Кинчеву, открывавшему концерт. Как только зазвучали первые звуки, «армия» «Алисы» хлынула к сцене, приспособленной для телесъемки, но не для рок-концерта. Охрана начала отгонять фанов дубинками, а Костя прямо в микрофон начал выплескивать на милицию свои эмоции: «Козлы! Прекратите бить их, им же больно!». Концерт был прерван, и возобновился лишь минут через сорок, когда страсти поулеглись. Окончательно отбомбилась «Алиса» очень удачно, под непрерывный аккомпанемент ревущего от восторга зала. Публика, разогретая таким началом, очень тепло встречала все выступавшие команды, особенным шквалом

аплодисментов удостоив вышеупомянутую «Алису» и... пардон, «Крематорий».

...1 декабря в рамках той же «ВИДовской» акции (и там же) проходил еще один рок-концерт, все средства от которого шли на анти-СПИДовский счет. Этот концерт снимался телевидением, и в тот же день был показан по первой программе телевидения, а отдельные его фрагменты еще долго мелькали в различных музыкальных программах, так что я ограничусь отдельными деталями. На этот раз выступали (в порядке перечисления) «Машина времени», «Бригада С», «Чайф», «Агата Кристи», «Крематорий», «Моральный кодекс». «Алиса» отказалась выступить ввиду отсутствия 24-канальника для записи звуковой фонограммы, и концерт – по сравнению с тем, о котором говорилось ранее, – казался тихим и мирным. Единственной группой, сумевшей завести зал на все свое выступление, а не только на пару раскрученных номеров, стал (без ложной скромности) «Крематорий», и это хорошо видно на сохранившейся видеозаписи. У Армена где-то в середине выступления лопнула третья струна, и на последней песне – «Мусорный ветер», на сей раз посвященный безвременно унесенному СПИДом Фредди Меркури, – он снял гитару и пел в новой для себя сценической интерпретации, что было воспринято публикой как запланированная мизансцена. Из-за зажженных во всем зале огней все это напоминало бескрайний космос и представляло действительно внушительное зрелище. В целом, несмотря на очевидную для нас нелепость таких мероприятий в подобных залах, со стороны все это СМОТРЕЛОСЬ...

Кстати, «Крематорий» попал в одну примерную с «Моральным кодексом», в то время абсолютно неизвестным коллективом, этакой «темной лошадкой», присутствие которой в данной компании вызывало

недоумение (мягко говоря), тем более что все остальные участники концерта своим долгим и нелегким «боевым путем» заслужили право на подобные выступления. Итак, пока мы потягивали жиденькое пивцо, принесенное фанами из ближайшего «гадюшника», кодексы позировали перед профессиональными видеокамерами. Все объяснилось, когда появился человек, стоящий за ними. Как уже многие догадались, это был Юрий Айзеншпис, до этого продюсировавший «Кино» и «Технологию»... Правда, со сцены «Моральный кодекс» вернулся в более мрачном настроении. Видимо, это побудило Армена подарить кодексовскому солисту пластинку «Зомби» с надписью: «Привет с того света!». Однако достаточно концертных подробностей, ведь ВИДовский юбилей не ограничивался лишь выступлениями для публики. Наиболее наблюдательные зрители, присутствовавшие на дневном и вечернем концертах 1 декабря (последний день всей серии концертов), могли заметить слева от сцены столы, выстроенные гигантской буквой «П». Именно за этими столами и началось в 23:00 обмывание первой годовщины «ВИДа». Гостей было около двух тысяч (очень приблизительно), и их спектр был достаточно широк: телевизионщики, участники концертов, артисты театра и кино, а также профессиональные тусовщики всех мастей и сословий. Была установлена меньшая, но гораздо более уютная сцена, с которой звучали мелодии всех стилей и направлений, юмор, пародии и прочее. А за столами!.. Для декабря 91-го – с его карточками на основные продукты, с не отоваренными за многие месяцы талонами на спиртные напитки – это было просто круто. Холодные закуски и салаты, заливные мясо и рыба, языки и колбасы, жаркое и многое другое, всего не упомнишь! Алкогольный выбор был скромнее: коньяк, водка и «Салют». Зато этого было много. Народ

отрывался так, будто это была последняя возможность выпить и закусить. Все соответствовало русской поговорке: «на халяву уксус сладкий!». Пожалуй, столь массовых вакханалий я не припомню и в брежневские времена. Но вскоре частота тостов и поздравлений, произносимых со сцены, сыграли свою роль, и гости стали разъезжаться. Многих увозили в бессознательном состоянии. Как донесла разведка, даже женский туалет заблевали по щиколотку, – сочувствую уборщицам спорткомплекса. Я далек от того, чтобы кого-либо осуждать, хотя бы потому, что сам был пьян, – ведь знакомых там встретилось множество. Хочу лишь констатировать: **чем труднее живется, тем безогляднее в нашей стране гуляют!** Но, главное, всем было весело, а значит и финальная точка, коей являлся банкет, удалась на славу – как и концерты!.. И еще одна сюрреалистическая деталь. Наутро я тщетно пытался понять – сном или фрагментом вчерашнего праздника является назойливое воспоминание: я в компании с известным артистом и ведущим одной модной тогда музыкальной телепрограммы курю «травку» на улице у входа в СКК «Олимпийский»...

Глава IX. «ПОКОРЕНИЕ» СИБИРИ

Несмотря на то, что концертный декабрь начался на пафосной сцене многотысячного «Олимпийского», среднестатистический концертный зал нашей страны представляет собой нечто совсем иное. В подобном зале, мест на восемьсот-девятьсот, одном из центровых в городе Липецке, «Крематорий» дал два концерта 6 и 7 декабря. После этого мы всего на один день заскочили домой в Москву и тут же вылетели продолжать прерванное в конце сентября завоевание Сибири. В Омске нас уже ожидали Терпигорев и Рюмкин с новыми шутками и запасом водки местного розлива. В эту поездку Сергей (Терпигорев) взял свою собаку, молодого бультерьера странного бело-черного окраса. Тогда эта порода еще не так была распространена на территории нашей родины, а уж тем более в Сибири, так что частенько аборигены принимали ее за поросенка. Вот такой веселой компанией, с «поросенком» на поводке, мы появились в гостинице, а затем и на концертной площадке. Поверьте, администрация каждого из этих учреждений не обрадовалась появлению «поросенко-собаки»...

Отыграв в Омске (10 и 11 декабря), мы погрузились в поезд, где произошел ночной ужин с большим количеством водки, и переехали в Красноярск. Вообще, планирование концертного тура на несколько городов в нашей стране, с ее хроническими транспортными «сюрпризами», представляет собой непростую задачу. Поэтому для страховки наши сибирские администраторы заложили в расписание день отдыха в Красноярске. Мы прибыли в город утром 12-го декабря, а первый концерт должен был состояться лишь следующим вечером. Встречавший нас представитель

местного рок-клуба долго извинялся: цивилизная гостиница «Красноярск» была заказана лишь со следующего дня, поэтому одну ночь придется переночевать в гостинице молодежного центра (или что-то типа того). Мы так устали после бессонной ночи, что такие мелочи абсолютно не напрягали. Тем более что снаружи наша однодневная обитель представляла из себя два довольно современных многоэтажных корпуса, соединенных двухэтажным административно-развлекательным строением.

Покидав в номера вещи и наскоро умывшись, мы спустились в то ли буфет, то ли столовую, чтобы что-нибудь съесть. Каково же было наше удивление, когда, кроме стандартного набора первых и вторых блюд неожиданно наступившего обеденного часа, мы увидели широчайший ассортимент алкогольных напитков – бутылками и в розлив. Состояние усталой опустошенности властно требовало выпить каплю чего-нибудь, плотно поесть и хотя бы на пару часов завалиться спать. Что мы с Арменом и сделали – нас поселили в одном двухместном номере. Остальные, по моему, остались колобродить в таком гостеприимном буфете. Перед уходом мы даже предупредили Серегу Третьякова, – основного нестабильного элемента, – чтобы он не очень расхотелся...

Вообще, когда группа выезжала на гастроли, я как директор объявлял наши условия по размещению в гостинице следующим образом: одноместный «люкс» (для Григоряна) и три двухместных для остальных. Остальные – это я, скрипач Михаил Россовский, гитарист Андрей Мурашов, барабанщик Андрей Сараев, басист Серега Третьяков и звукорежиссер Сергей «Овес» Овсянников: аккурат шесть человек. Когда с нами стал ездить продавец крематорской продукции Вова Корнеев, я переместился в одноместный номер. Но уже к концу 91-го моя директорская «крутизна»

достигла определенного уровня и стала требовать размещения в «люксе» – не из-за возросших амбиций, а по причине соблюдения неких формальных правил. Началось общение со всевозможными деятелями, а согласитесь, что к тебе и твоему коллективу не будут относиться серьезно, если ты станешь принимать людей в простеньком номере с двумя кроватями и телевизором. К тому же я не получал ни копейки сверх обычной музыкантской «доли», так что мой «люкс» как оплата директорских функций все равно был для «Крематория» максимально выгодным вариантом...

...Вечером мы съездили на какую-то тусовку местного рок-клуба, где и познакомились с его предводительницей, она была глубоко беременна, что вызвало у меня прилив нежности – где-то в далекой московской квартире меня ждала жена, которая уже через месяц должна была родить ребенка... Вернувшись в гостиницу, мы провели вечер довольно спокойно. В следующие дни должны были состояться два концерта, а потом в нашем маршруте значились еще два города, так что стоило поберечь силы. Однако посреди ночи прибежал встревоженный Овсянников и сообщил, что Третьяков куда-то пропал. Здесь, пожалуй, стоит напомнить, что, хлебнув алкоголя, Серега уже не мог остановиться. У него включалась некая система поиска, которая просто тянула его в сторону приключений. Зачастую с непредсказуемым окончанием, как это когда-то произошло в истории с дамой, напоившей его клофелином. В подобном состоянии он вышел поздним вечером из номера, и до сих пор о нем не было ни слуху ни духу. Как только мы осознали ситуацию, сразу подняли на ноги Терпигорева. Тот прекрасно знал Серегины особенности, так как, приезжая в столицу, постоянно останавливался у последнего, и объяснять ему, в какую историю может влипнуть наш безголовый собрат, не требовалось. К всеобщему облегчению, после

нескольких часов напряженных поисков Терпигорев появился с блудным сыном. Тут же и выяснилась последовательность событий.

...Курсируя в гостиничном коридоре, Серега увидел некую девушку, целеустремленно двигавшуюся в некоем направлении. Пристать к ней с дурацкой фразой типа: «Вы не хотите посидеть в хорошей компании?» (или другой подобной банальностью) было делом мгновения. То ли девица легко пошла на контакт и пригласила его в свою тусовку, то ли, наоборот, пыталась отшить Третьякова – неважно. Определенно другое. В итоге их разговора он оказался в номере, где несколько стриженных персонажей играли в карты. Сереге налили (он, конечно, не отказался) и предложили «перекинуться в картишки». Он согласился, и проиграл в первой же партии... Тогда в группе ходила присказка: «один раз – не пидарас!». Группа, конечно, не имела никакого «голубого» крена, просто подобная поговорка симпатична как колоритная часть «великого и могучего». Но одно дело говорить любые фразы в своем кругу и совсем другое – употреблять их в присутствии посторонних. Представьте себе, как эту фразу поймут люди с уголовным прошлым (тем более настоящим), ведь в этой среде гомосексуализм – не развлечение, а сексуальная альтернатива... Так и произошло. «Хлопцы» вначале искренне изумились, а потом (когда смогли перестать смеяться) сказали что-то типа: «Надо же, сам пришел!». Говоря языком героев криминальных романов, я в тот момент «не дал бы за серегину жопу и пяти копеек». Тем не менее, отделался он довольно легко – с него сняли золотую цепочку с крестом, а уже после этого Терпигореву удалось извлечь его из столь «гостеприимной» компании...

Утром нас передислоцировали в центровой отель «Красноярск». В момент когда в фойе «Красноярска» мы ожидали ключей от своих номеров, Армен, обычно

крайне снисходительный к третьяковскому пьянству (обычно напоминать Кацу о его поведении приходилось мне как «облеченному элементом» административной ответственности), отвел героя прошедшей ночи в сторонку и минут десять что-то строго выговаривал ему. Собственно, примерный текст внушения ни для кого не являлся секретом: позволяя себе подобные выкрутасы, Сергей подводил всю группу... После разговора Григорян вернулся красный от возмущения.

– Этот болван собирается мстить!

– Как?!

– Он хочет купить пистолет и перестрелять всех своих обидчиков.

Зная странный моральный кодекс Сереги, можно было поверить, что у него хватит ума на подобный поступок. Отговаривать его от чего-либо было делом безнадежным. Вечерний концерт «Крематорий» рисковал провести без бас-гитариста. Ситуация выходила из-под контроля, и, похоже, сюрпризы еще не кончились. После того как мы получили ключи от номеров и разбрелись по ним, я направился к Армену. На его этаже мне встретился неприятный персонаж, который (увидев мои длинные волосы) пытался узнать, в каком номере поселили басиста Сергея...

До вечернего концерта Третьякова удалось локализовать – вначале в номере, потом в гримерке. Но предчувствие неприятной развязки не покидало всех, и мне пришлось обратиться к местным устроителям концертов. Те пообещали помощь, и после окончания концерта подвели меня к стройному молодому парню, предварив знакомство сообщением о том, что Андрей – сочувствующий рокерам представитель местного криминального мира.

Внешне наш новый знакомый выглядел не очень уж мощно. Его короткая стрижка не казалась вызывающей, золотые «цепки» и «гайки» отсутствовали, и

причастность к клану очень условно можно было предположить лишь по кожаной куртке – но ведь подобный прикид носят не только бандиты. Правда его рейтинг в наших глазах круто подскочил после прибытия (по звонку) человека с большой спортивной сумкой, скрывавшей в своих недрах автоматическое оружие. Подобная поддержка, в совокупности с традиционной послеконцертной дозой (водки), всех расслабила и успокоила. В отель группа и сопровождающие прибыли около одиннадцати по местному времени. Андрей сразу отправился к Армену, а «пулеметчик» к Третьякову и Овсянникову. (Говорят, он сразу расчехлил свою бандуру и до объявления отбоя был готов к действию.) Я зашел в свой номер, чтобы положить гитару и сумку с вещами, после чего направился в номер к Армену. Лифт не появлялся, и я решил преодолеть пару этажей пешком. И надо же – мне навстречу шел все тот же неприятный тип с очередным вопросом по поводу местонахождения Третьякова. Меня так достало его панибратское обращение, что я промычал что-то нечленораздельное и быстрым шагом устремился к находившемуся на расстоянии пятидесяти шагов номеру Григоряна. Андрей выслушал мое сообщение и вышел. Вернувшись через двадцать минут, он рассказал, что уголовная компания, чуть было не «приголубившая» Серегу, приехала выкупать с красноярской зоны кого-то из своих. Им было заявлено, что их «миссия» имеет шансы лишь в случае, если они оставят «Крематорий» в покое. Андрей также попросил вернуть цепочку с крестом, и получил заверения, что это состоится на следующий день. Мол, с собой ее нет. Думаю, бессмысленно сообщать, что этому обещанию не суждено было сбыться. Золотые цепочка и крест сгнули как плата за несусветную глупость...

В этот вечер наш традиционный вечерний банкет впервые за долгое время разделился на два: в номере Армена кроме хозяина присутствовали Андрей, я и представитель местной армянской диаспоры (sorry, имени не помню), притащивший две бутылки классного карабахского коньяка и судочки с национальными разносолами. Остальная тусовка (с «пулеметчиком») окопалась в третьяковском номере...

Когда наутро мы захотели выпить по кружечке пива в местном баре, Андрей, проводивший нас до самого входа, сказал: «К сожалению, я вам компанию не составляю. Если меня здесь увидят, то просто неправильно поймут!». Что ж, в каждой деятельности есть своя специфика. Недаром старик Чуковский (а, может, это был Михалков?) в свое время сказал: «Все профессии важны, все профессии нужны...».

Слава богу, в двух оставшихся городах сибирского тура, Новосибирске (16 и 17 декабря) и Барнауле (20 и 21), ничего экстраординарного не происходило. Лишь накопившаяся после более десяти дней разъездов и пьянок усталость давала себя знать. На настройку звука последнего барнаульского концерта мы выползали на сцену, как зомби. (Кстати, тогдашняя наша концертная программа открывалась именно песней «Зомби» с одноименного альбома.) Итак, мы вяло что-то играли, а Овес отстраивал звук аппарата. Зал был пуст, – публику запустят лишь после настройки, – лишь несколько местных рокеров да несколько девчушек сидят в первых рядах. На их лицах непонимание: как стоящие на сцене «трупы» (мы) собираются играть и петь?.. Наконец, саунд-чек закончен, и мы уползаем в гримерку. Открывают входные двери, и зал мгновенно заполняется. Через какое-то время свет гаснет, вызывая оживление зрителей. В полной темноте на сцену пробирается Андрюха Мурашов и начинает играть вступление «Зомби». К восьмому такту Россовский,

Третьяков и Сараич уже находятся на своих местах. В девятом такте они грянули рифф в полный голос. Напряжение нарастает. В этот момент за кулисами мы с Арменом переглядываемся и выскакиваем на сцену. Фаны зашумели, их наиболее боеспособная часть уже сгрудилась у сцены. Ужасно трудно. Пьянки последних дней делают свое дело: в руках и ногах нет упругости, все действия происходят скорее рефлекторно чем осознанно. Но ритмика песни и энергия окружающей массы людей начинает свое воздействие. Казалось, только что механизм готов был рассыпаться, и вдруг неожиданная подпитка сделала его совершенным. Усталости как не бывало, мы работаем по-настоящему, и даже слабенький «барнаульский» аппарат не может не выдать наш общий бешеный драйв. В глазах тех, кто сидел на настройке, читается восхищение – они стали свидетелями магического превращения...

Глава X. СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

Последний концерт сибирского тура прошел «на ура». На следующий день мы вылетели в столицу. Декабрьский маршрут был пройден. В уходящем 91-м году оставались 53 концерта в залах и 5 квартирников... Прошлого всегда больше, чем настоящего. Это грустно и справедливо. А за удачу каждому когда-нибудь придется заплатить...

31 декабря, в праздничный день, когда думается только о приятных хлопотах новогодней ночи, у Армена умерла мать, спокойная и мудрая женщина Аида Григорян. К сожалению, рак пока непобедим, и мучительная химиотерапия давала лишь иллюзорные временные улучшения. Несмотря на траурную предопределенность, любая смерть – неожиданность. Для участников группы происшедшее стало громом среди ясного неба – Армен ни разу не говорил о том, насколько далеко зашла болезнь...

...Жизнь никогда не стоит на месте, и в этой истине есть что-то очень циничное, хотя, с другой стороны, именно вечная победа настоящего над прошлым дает человеческому роду шансы на выживание. Тринадцатого января 1992 года, в праздник Старого Нового года, у меня родилась дочь Василиса. Роды я принимал сам, и проходили они в ванной нашей вполне обычной московской квартиры. Наверно, стоит сказать несколько слов о причинах столь безрассудного (по мнению родных и друзей) поступка... Я никогда не являлся фанатом здорового образа жизни, и на моем жизненном пути невооруженным глазом можно разглядеть массу вредных привычек. Примерно с пятнадцати лет (после окончания восьмого класса общеобразовательной школы) я перестал заниматься

всем, чем-либо похожим на спорт и минимально заботился о собственном организме. Первые единичные алкогольные опыты стали системой после поступления в институт. Веселая студенческая жизнь, а точнее совместные пропуски всевозможных лекций и семинаров, предрасполагала к употреблению алкоголя, и все наши коллективные мероприятия сопровождалось выпивкой, будь то пиво или что-либо покрепче. Позже, когда рок-музыка стала вначале увлечением, а позже и профессией, сама нескладная жизнь участника рок-группы предрасполагала к систематическому потреблению всевозможного бухла. Правда, положенные по имиджу наркотики в нашей компании не прижились, и, несколько раз поэкспериментировав с их наиболее безобидными разновидностями, мы прекратили их употребление. Как видите, меня почти невозможно связать с апологетами домашних родов и прочих подобных чудес. Однако именно к подобному нетрадиционному рождению моей дочери подтолкнула официальная отечественная медицина...

Где-то на четвертом или пятом месяце беременности моя жена Лена сдавала в женской консультации очередные анализы. После получения их результатов ее участковый гинеколог забил в набат: нужно срочно ложиться в больницу – в противном случае он сулил неприятности. Будущей маме было уже тридцать шесть лет, что при чудовищном уровне совковой (здесь уместен именно этот термин) медицины легкого протекания беременности и родов не обещало. Я пытался уговорить Лену следовать рекомендованному врачом пути, но она встала против – как панфиловцы перед немецкими танками. С другой стороны, укладываться в стационар, где единственным методом лечения является обкалывание роженицы антибиотиками, чреватыми тяжелыми последствиями для будущего ребенка, не хотелось. В этот

ответственный момент жена вспомнила о существовании некоего клуба «Здоровая семья», предлагавшего нетрадиционные – не медикаментозные – методы. После проведения рекомендованного инструктором клуба курса фруктовой диеты анализы нормализовались, что врач считал невозможным. Согласитесь, ситуация сама показывала – кому (врачам или неформалам) верить. В итоге жена полностью уверовала в предлагаемые клубом пути и стала ходить на специальные занятия. Иногда приходилось посещать эти еженедельные сходки и мне (от чего я, правда, под всеми предложениями старался увильнуть), и многое из услышанного там однозначно воспринималось разумным и правильным. Постепенно мы пришли к пониманию целесообразности рождения ребенка в домашних условиях, и, надо признаться, все прошло отлично.

Уже через несколько дней после родов к нам заехал наш приятель Алексей Нешин, давно профессионально занимающийся фотографией. Он и сделал самые первые снимки маленькой девочки Василисы, а через несколько дней перезвонил по телефону и сообщил нам, что в разделе светской хроники журнала «Огонек» вскоре появится статья о наших домашних родах с фотографией новорожденной. Финалом этой истории стал мартовский (№ 10 за 1992 г.) «Огонек» со статьей «Дети «Крематория».

Глава XI. ПЕРВЫЙ КЛОЧОК БУДУЩЕГО ОБЛАКА

Январь и большую часть февраля мы провели в Москве. Главной причиной этого, конечно же, явилась смерть матери Армена, но и без того чувствовалась необходимость каникул. У каждого из участников группы просто набралась куча обычных семейных дел. Да и накопившаяся усталость от непрерывных гастролей начинала сказываться на концертной программе, так что стихийный перерыв оказался очень кстати. К тому же необходимо было подумать о свежем материале. Проблемы с комплектацией группы – я имею в виду сомнения Армена по поводу гитариста – разрешились. То, что участники группы высказали три месяца назад в противовес мнению лидера, подтвердилось практикой. Теперь, когда коллектив музыкально и духовно сплотился, пришла пора порадовать поклонников новым диском. Конечно, до выхода этого альбома в свет было еще очень-очень далеко – пока речь шла лишь о начале работы над новым материалом.

В один прекрасный (а может, наоборот, обычный) день Григорян принес и раздал всем кассеты со своими новыми сочинениями. Это была обычная домашняя запись на бытовом магнитофоне, где под собственный аккомпанемент на гитаре он пропел 10 – 15 пока еще никому не известных песен. Было видно, что внутренне Армен созрел для новой работы, и этому творческому выплеску предшествовали многие обстоятельства...

Где-то через неделю я «выдал» всем аналогичные кассеты, где было записано три или четыре моих опуса. Я не думал, что все они войдут в следующий альбом, но предполагал, что после коллективной репетиционной

обработки пара из них вполне выдержит конкуренцию с песнями Армена. Мне не хотелось бы, чтобы после этих слов кто-то подумал, будто моей задачей было соперничество с Григоряном. Ничуть, да и конкурировать с ним – мне не с руки. Армен – продуктивный автор, ему ничего не стоит «выдавать на гора» столько материала, сколько необходимо. Я, наоборот, пишу песни довольно редко – лишь когда чувствую такую потребность...

А надо вам сказать, что слушать «сырые» заготовки будущих песен – дело неблагодарное. Они еще не только не имеют ярких индивидуальных черт (будь то запоминающиеся гитарные риффы или выверенные сольные партии), но еще не оформились ритмически: каждую из них пока еще можно «развернуть» абсолютно разным образом. Говорю я это к тому, что на этом этапе большинство вещей воспринимаются довольно бесцветно и не вызывают особого желания работать с ними. Как бы то ни было, мы нашли место для репетиций, – наша предыдущая база в железнодорожном депо к тому времени уже накрылась медным тазом, – и теперь таковым на краткое время стал закуток в Центральном Доме культуры медработников на улице Герцена. Тамошний радист Виталий жил где-то на Речном вокзале, и был вычислен кем-то из наших знакомых, кажется Вовой Корнеевым. После того как в его кабинетике Андрей Сараев устанавливал ударную установку, мы чудом втискивались в оставшиеся полости, и репетиция начиналась. Все это было дико неудобно, но других вариантов тогда не было. Все помещения в столице, включая много лет пустовавшие подвалы и чердаки, в условиях новых товарно-денежных отношений представляли интерес для многочисленных коммерческих предприятий и фирм. Группе, даже такой известной, аренда помещения была явно не по карману.

Но трудности трудностями, главное – будущий альбом сдвинулся с мертвой точки. Забегая вперед, сообщу, что этот материал будет реализован в студии лишь через два года, в январе – марте 1994 года. Эта работа получит название «Танго на облаке».

Глава XII. РАЗМЫШЛЕНИЕ О «КРЕМАТОРИИ 91 - 94»

Пришла пора отвлечься от хронологической последовательности деяний группы и поразмышлять о «Крематории» образца 1991 - 93 годов, то есть о составе: Григорян (вокал, акустическая гитара) - Троегубов (вокал, акустическая гитара) - Мурашов (лидер-гитара) - Россовский (скрипка) -Третьяков (бас-гитара) - Сараев (ударные). (Последовательность фамилий взята из наиболее известной студийной работы этого периода - «Двойного альбома».)

Я уже говорил о том, что на этапе перехода из квартир на сцену, от акустики - к электрическому звуку «Крематорий» заложил одну плохую традицию: довольно низкое качество исполнения. Конечно, это произошло не случайно. В те годы мы ценили скорее уровень мышления, чем уровень исполнения. У нас не было репетиционной базы, где мы могли бы оттачивать свое мастерство на звуке, как это делали музыканты, скажем, «Арии». Да и не все наши западные музыкальные кумиры утруждали себя отработкой техники. Скажем, тех же «Роллингов» британская музыкальная критика просто распинала за знание «всего трех аккордов», а они и в ус не дули, преспокойно выпуская альбом за альбомом. Поверьте, я не оправдываюсь, а пытаюсь понять причину и признаю, что лажали мы достаточно заметно. Сочиняя красивые и мелодичные песни, мы часто портили их собственным неуклюжим исполнением и «недоруленными» аранжировками. Тем не менее, публика нас всегда любила - ведь большинство слушателей не замечает мелких недочетов, слышных уху профессионала. Естественно, что эрудированного в музыкальном

отношении, «слышащего» потребителя – а тем более коллег по музыкальному цеху – мы тем самым отталкивали. Постепенно такая традиция крепла. Я не хочу сказать ничего плохого о людях, игравших в составе группы в 1987 – 91 годах, но музыкантами – по духу и качеству исполнения – из них были единицы. После моего возвращения (не правда ли, скромно!), а особенно после того как я притащил в группу своего гитариста Андрея Мурашова, сложился состав, способный преодолеть порочную тенденцию и сделать шаг на следующую ступень.

Ритм-секция в лице Сараева и Третьякова не хватала звезд с небес, но могла работать ровно и стабильно – а это уже немало! Вообще, Андрей Сараев в плане музыкального самосовершенствования, по-моему, занимал в группе первое место. У него практически не проскакивало технического брака на концертах, и весь арсенал его приемов был отработан до автоматизма. К тому же он отслушивал новую музыку во всех жанрах, стараясь быть в курсе современного уровня не только игры на ударных, но и звучания группы в целом.

Мишка Россровский всегда обладал отличной музыкальной фантазией и своеобразной техникой, но при отсутствии нормального гитариста игра его становилась излишне назойливой – приходилось всовывать скрипичные «соляки» не только в нужные места, но и во все прочие пустоты. С появлением второго солирующего инструмента – мурашовской гитары – Мишка и Андрей смогли не только подружиться, но и найти очень точный баланс своих инструментов. Кроме того, их увлекли гитарно-скрипичные двухголосия, и на этом пути они достигли серьезных высот. Кстати, те, кто слышал мой первый сольный альбом «Для умного достаточно» (1989), знают, что именно там Андрей Мурашов научился такому четкому взаимодействию со скрипкой. Но вернемся в

«Крематорий», а точнее к дуэту его солистов. Песня «Твари», в которой они применили свои находки в этой области, просто заблистала новыми гранями. В сравнении с концертной версией 1992 года студийный вариант этой песни с альбома «Зомби» (1991) откровенно слабее. А ведь обычно студийный вариант всегда бывает более изощренным из-за технических возможностей многоканальной записи. И это не единственный пример... Но у Мурашова были еще два очень полезных для группы качества. Во-первых, он никогда не увлекался сольной игрой, предпочитая выполнять большой объем внешне незаметной «черновой» работы, дающей общему звучанию группы глубину и мощь. А во-вторых, Мурашов – отличный аранжировщик. «Крематорию» всегда не хватало подобного умельца, и, пожалуй, аранжированным до прихода Мурашова можно считать лишь альбом «Зомби», где роль координатора на приличном уровне выполнил гитарист Виктор Осипов...

В первой части этой книги я уже размышлял об идеальном сочетании наших с Арменом голосов. Добавлю лишь, что мой более высокий голос хорошо дополнял тембр Григоряна не только в двухголосии. Часто мы пели первый куплет в унисон, и лишь потом я переходил на второй голос, равноправный с основным. Да-да, именно равноправный, потому что лишь в этом случае ловился кайф сочетания голосов. Как только один из голосов начинал выходить из баланса на первый план, получался стандартный вариант: главный голос + второй голос. Волшебство кончалось. В это непросто поверить, но тем, кто побывал на крематорских концертах в 1991 – 93 годах, объяснять ничего не нужно. Они слышали это собственными ушами. Что касается студийных записей, на мой взгляд, ни одна из них не смогла зафиксировать нужного сочетания. Ближе всего мы подошли к нужному

сочетанию на «Двойном альбоме», а точнее – лишь в семи его песнях (из 24-х!): «Сексуальная кошка», «Таня», «Посвящение бывшей подруге», блюз «Наше время», «Гончие псы», «Клаустрофобия» и «Америка». Может быть, это вообще невозможно, но скорее всего – нам просто не везло со звукооператорами. Да и Армен всегда давил на режиссеров, чтобы они выдвинули его голос на первый план. Мудро ли выпячивать себя, теряя в общем результате? Но хватит о грустном. Главное, что выступления того периода и наличие понимающего штатного крематорского оператора в лице Сереги Овсянникова давали возможность хотя бы на концертах добиваться нужного вокального коктейля. А на создаваемом ребятами мощном и слаженном музыкальном фоне двухголосие обретало новое качество. Публика (вопреки сложившемуся мнению) – не дура, и ее реакция на наши выступления показывала верность скрупулезного подхода к концертному саунду. Да и мнения знакомых музыкантов, не ожидавших такого концертного качества от «Крематория», становились все более лестными. Не знаю, как остальным ребятам, а мне неоднократно говорили лестные для группы комплименты. Сотрудничавшая с группой Маргарита Пушкина, раньше приходившая на концерты «Крематория» «по неписаной обязанности», как-то призналась, что нас «стало интересно слушать на концерте». Так что, мнение, будто бы три года (1991 – 93) для группы были непродуктивными, так как она записала лишь альбом старых песен, в корне неверно. За эти годы группа достигла гораздо большего: она стала классной концертной командой. К тому же не надо забывать, что материал альбома «Танго на облаке», записанного в 1994 году, был досконально отработан за все тот же период времени, некоторые песни даже звучали в концертах.

Глава XIII. ХАРЬКОВ

Во второй декаде февраля «Крематорий» снова отправился в путь. Дома – лучше, но деньги из небольших музыкантских гонораров быстро подходят к концу, и это обстоятельство частенько не дает отклонять гастрольные предложения. Тем более что предстоял выезд в так полюбившийся нам радушный Харьков. Концерты устраивали те же хлопцы, что и в прошлый раз, правда на сей раз они чувствовали себя гораздо увереннее, а потому заказали нам цивильную гостиницу в центре города. Мои директорские идеи тоже не оскудевали. В этот раз я попросил организовать качественное трехразовое домашнее (!!!) питание. Это не являлось каким-то звездным капризом, а простым для обеих сторон удобством. Музыканты обычно перебиваются сухомяткой или ресторанным питанием, а последнее (несмотря на некоторый пафос) не всегда вкусно и полезно, зато всегда накладно. К тому же в то время существовали трудности с обменом русского рубля на местную валюту, и от этих мытарств мы таким образом избавлялись. В итоге был заказан еще один резервный номер, где устроители поставили столы и трижды в день нас кормили горячей домашней едой, включая первое блюдо. Хлебосольные устроители выставляли на стол и алкоголь (пиво и вино), но его количество я попросил ограничить...

Харьковские концерты прошли отлично, их организация была неплохо продумана. Некоторые проколы все же существовали – аппарат был чуть слабоват для огромного зала с беспредельной (!) сценой и высоченными потолками. Но по сравнению с обычным количеством накладок эта воспринималась как отдельная морщинка на тщательно заправленной

кровати. На первый концерт пришли наши друзья по соловецкой поездке из группы «Разные люди». После окончания концерта мы отпраздновали нашу встречу: начали в примерке, а потом переместились в тот самый резервный номер-столовую. Народу набилось довольно много, но запасы провизии и недорогих местных вин вселяли оптимизм. Где-то через час после начала наших посиделок отличился Андрюха Мурашов. Он сидел с абсолютно осмысленным лицом и, в паре с Мишкой Россовским, налегал на «херес». В какой-то момент он встал и тут же рухнул, перевернув стол. Данное событие было воспринято с юмором, и Андрея отнесли отдыхать в его номер. Мишка, постоянно шутивший по поводу и без повода, констатировал, что конкретно «херес» Андрюхе, видимо, противопоказан. Кстати, Россовский и Мурашов в то время сильно сблизились. На гастролях они постоянно жили в одном номере, а в Москве Мишель, вообще, перетащил Андрея к себе на работу. Да-да, эти двое умудрялись еще и работать, причем, в отличие от постоянного для рокеров трудоустройства дворниками или сторожами, ребята являлись крутыми компьютерщиками, что и давало им возможность раскатывать по гастролям: обязанности по работе они умудрялись исполнять во время пребывания дома... Итак, Андрюха отправился на боковую слишком рано, а веселье продолжало разгораться. Появилась гитара, и Чиж (а он – точно фанат такого времяпровождения) одновременно заменил радио, телевизор и дискотеку. По прошествии нескольких часов все крематорцы расползлись по номерам, а гости все продолжали банкет. Я, под влиянием директорской ответственности за все происходящее, продержался довольно долго, но всем резервам приходит конец, и я тоже отправился спать. Утром я открыл глаза (и уши) и услышал далекие звуки гитары и голоса. Обалдеть, у

них хватило терпения высиживать всю ночь! А может быть, это уже была галлюцинация?..

Домой крематорцы возвращались усталыми, но довольными. Свой первый шумный успех в малороссийском городе Харькове мы закрепили двумя мощными концертами 18 и 19 февраля. Все сравнения неуместны, но, по словам устроителей, на проходивших до этого концертах «Машины времени» ажиотажа было меньше.

Глава XIV. КАК ПОВСТРЕЧАТЬ ТАМБОВСКОГО ВОЛКА ?

Уже через два дня мы выехали на гастроли в Нижний Новгород (бывший г. Горький). Нам очень не повезло. В вагон, в котором мы ехали, не было света и тепла. Согласитесь, для морозного февраля это не самый юмористический сюрприз. Но мы люди тертые, всякое видывали. Напялив на себя все, что было из теплых вещей, мы выпили согревающего, и утром зачоченевшие, но не павшие духом, вышли на перрон в Нижнем. Там нас встречал уже упоминавшийся директор «Б.Г.-бэнд» Алексей Кайбияйнен, организовавший эти концерты. Леша – ушлый парень, и две черные «Волги» немедленно доставили нас в симпатичную и очень тихую гостиницу. Было раннее утро, около восьми часов. Все наши отправились спать, а мне пришлось садиться с Алексеем и двумя местными организаторами концертов за дегустацию коньяка.

Незадолго до того в Нижнем Новгороде выступал Гребенщиков, и Алексей договорился по поводу выступлений «Крематория». Вообще, ехать по проторенному пути всегда проще. Все вопросы решены, остается только выступать. Мы играли два концерта – 23 и 24 февраля. Оба они прошли в пафосном филармоническом зале, расположенном в нижегородском Кремле. Нижегородская филармония сделала исключение лишь для Гребенщикова и «Крематория». Чтобы не подрывать оказанное доверие, мы сделали акцент на акустическую часть программы, что именно в этом девятисотместном зале, рассчитанном на исполнение классической музыки, было единственно верным решением. В результате все: и публика, и организаторы, и группа остались довольны...

7 и 8 марта «Крематорий» выступал в Тамбове. Опять сольные концерты, опять тысячный зал, опять слабенькая провинциальная аппаратура. Пожалуй, Тамбов отличался от других российских городов еще большей разрухой и отсутствием каких-либо перестроечных перемен. Конечно, судить об этом, попадая в город лишь на несколько дней, к тому же в качестве гастролера, очень сложно. Но есть некие необъяснимые показатели, эдакие лакмусовые бумажки, ориентируясь по которым можно с большой долей точности вынести подобное мнение. Мне показалось, что даже дни женского праздника не отдалили тяжелых проблем тамбовчан. Поэтому совершенно не хотелось задавать им праздных вопросов по поводу этимологии понятия «тамбовский волк».

Кстати, именно Международный день 8 марта стал основной темой интервью местной журналистки. Внимание любой периферийной прессы к заезжим гастролерам традиционно, но в подходе тамбовского работника пера и диктофона сквозила столь несокрушимая основательность и серьезность, что нельзя было не разразиться каким-либо розыгрышем. В честь проходившего праздника я прочел ей целую лекцию (и это была стопроцентная импровизация) про «теорию сперматозоида». Девушка была сокрушена фундаментальностью измышлений и приняла все за чистую монету. Спустя некоторое время ко мне попала газета, где приводились цитаты из моего рассказа...

Кстати, я очень хорошо запомнил одно существенное (для меня) событие, произошедшее в гостиничном номере в Тамбове. Когда удовлетворенная количеством собранного материала (только литературного свойства) журналистка ушла, мы с Григоряном остались наедине. Вся банда куда-то рассосалась, видимо все отмокали в номерах, готовясь к

вечернему выступлению. Мы начали вслух размышлять о ближайших перспективах группы. Зашла речь и о студийных планах, и тут Армен сразил меня странным заявлением. По его мнению, мои новые песни не вплетались в концепцию следующего альбома «Крематория», а потому он советовал мне издавать собственные песни на моих новых сольниках. Называя вещи своими именами, он как бы сообщал мне, что больше моих песен на альбомах группы не будет. Причем говорилось это по отношению к материалу любого качества, какой бы я ни предложил. Все его слова о том, что я, как и он, являюсь идеологом группы, которые он сказал мне в феврале 1991 года в момент моего возвращения в «Крематорий», оказались просто словами. Времена, в которые мы не зарабатывали за свои записи ни гроша, остались в прошлом. Армен Григорян как основной автор группы начал получать все возрастающие гонорары, и это становилось для него во главу угла. Делиться с кем бы то ни было он не собирался. Его старый приятель Виктор Троегубов, единственный, кто в начале 80-х разделил с ним все трудности начального этапа и боевого пути, включая финансовые затраты на запись двух первых альбомов, в его понимании становился конкурентом. На наиболее успешном когда-то альбоме «Крематорий II» наше авторство делилось ровно пополам. Сейчас, когда речь шла о совсем других соотношениях (одна-две моих песни на альбом), Армена не устраивал и подобный расклад.

Не могу и не хочу объяснять вам, каково было мне услышать все это. Но и тогда «Крематорий» был слишком большой частью моей жизни, а потому я не смог в тот момент сделать единственно правильный шаг и покинуть группу. Я решил более плотно заняться директорством, сделав это основным направлением своей деятельности. Мой старый соратник вытеснил

меня из творчества – я решил заняться бизнесом. Правда сольный альбом я все равно хотел выпустить. Ведь как пел Александр Розенбаум: «Стихи стучатся в мир доверчиво и властно...». Я был обязан записать уже сочиненные песни. Но Армен и здесь подставил мне ножку, заявив, что я не могу приглашать на свои сольники музыкантов «Крематория». Я тут же спросил у него, а как же быть с Андреем Мурашовым, который раньше работал со мной в группе «Дым» и был приведен в «Крематорий» мной? По мнению Григоряна, Андрей в данный момент ничем не отличался от других участников группы, иначе говоря – он против его сотрудничества в моих проектах.

Все это было просто дико. Все нормальные музыканты всегда вольны работать с кем угодно над чем угодно. Можно долго перечислять проекты, в которых используются различные комбинации одних и тех же инструменталистов. Басист «Крематория» Сергей Третьяков, впоследствии узнавший от меня о подобных ограничениях, возведенных Григоряном, изрек несомненную истину: «Почему **он** будет решать, где и **с кем мне** работать?».

Не хочу, чтобы вы подумали, что этой книгой я свожу какие-то счета с «Крематорием» или лично с господином Григоряном. Это не так. Я твердо знаю, что в моем настоящем и будущем «Крематория» нет и никогда уже не будет. Но то, что осталось в прошлом, – часть моей жизни, а потому мне небезразлично. Мне просто хочется рассказать обо всех событиях скрупулезно и точно, в полном соответствии с тем, как они происходили на самом деле. Кроме такого желания, существует еще одна важная причина. Совсем недавно, а именно в мае – октябре 1997 года, уже была предпринята попытка написания книги о группе «Крематорий» некой смелой девушкой Ладой Шатун. То, что вышло из-под ее пера и базой для чего являлись (в

основном) интервью и мысли Григоряна, назвать книгой не повернулся язык даже у самого Армена. Я очень рад, что у него хватило вкуса и ума запретить опубликование данной псевдолитературы. Тем не менее, боязнь того, что где-то может «просочиться» подобный недостоверный опус, заставила меня обратиться к событиям давно минувших дней, с помощью многих действующих лиц восстановить события и пересказать их вам. В довершение всего вышесказанного обещаю «говорить правду, правду и только правду»!

Глава XV. АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «КРЕМАТОРИЙ»

Еще в январе-феврале мне позвонил наш старый приятель заведующий радиоцехом Театра им. Маяковского Игорь Меркулов. Когда-то именно он в обстановке строжайшей секретности записал два первых альбома «Крематория»: «Винные мемуары» (1983) и «Крематорий II» (1984). На сей раз он звонил, чтобы предупредить о скором звонке одного своего знакомого, имеющего какие-то предложения к группе «Крематорий». Я не называю имени этого человека по нескольким причинам. Во-первых, я не знаю (и мне негде это узнать) – хотел бы он сегодня подобной рекламы; во-вторых, его роль в результате оказалась не так уж велика; а посему в моем повествовании я обозначу его просто N.

Итак, мы с Арменом встретились с N и услышали его предложение об учреждении акционерного общества закрытого типа (АОЗТ) «Крематорий», целью деятельности которого будет монополизация выпуска продукции с маркой «Крематорий», а также пластинки группы. Не буду долго утомлять вас описанием пертурбаций вокруг рождения подобной конторы, лишь подытожу: 12 марта 1992 года официально зарегистрированному АОЗТ «Крематорий» были присвоены государственные коды, после чего фирма начала свою деятельность. Генеральным директором единогласно был избран ваш покорный слуга Виктор Троегубов. Надо сказать, что группа не принадлежала к каким бы то ни было концертным организациям старого или нового типа, а потому организация гастрольных поездок постоянно наталкивалась на трудности: когда подписывались договоры с устроителями концертов на

местах, так не хватало штампа официальной организации. После учреждения АОЗТ «Крематорий» этот вопрос был снят, мы получили официальную печать, которая своим видом веселила всех, кто ее видел. Ведь выглядела она следующим образом:

ПЕЧАТЬ АОЗТ «КРЕМАТОРИЙ»

Кроме печати, мы получили корреспондентский счет в акционерном коммерческом банке «Кредит-Москва», чековая книжка которого по должности находилась у меня. Но, помимо приобретений, мы получили и обязательства – поверьте на слово бывшему директору. Это и сдача ежеквартальных финансовых отчетов в налоговую инспекцию, причем этот отчет надо было не только составить, но и завизировать в многочисленных учреждениях: пенсионном фонде, фонде труда и зарплаты и т.д. и т.п.

Глава XVI. ПОКОРЕНИЕ ЦЕЛИНЫ

27, 28 и 29 марта «Крематорий» концертировал в Саратове. Как говорит нерушимая истина: «все познается в сравнении», и это действительно так. Саратов после Тамбова выглядел просто европейским городом, а местная пешеходная улица (аналог Арбата) легко затыкает за пояс даже своего московского собрата. Здесь и люди кажутся более цивилизованными, может быть до сих пор имеет значение дореволюционный статус Саратова как столицы поволжской купеческой России. Вначале выступления планировались в местном оперном театре, который в новых экономических условиях пытался таким образом зарабатывать деньги. Но в последний момент кто-то из руководства театра сказал решающую фразу: «Может ли оперный театр позволить себе выживать с помощью «Крематория»?». Отчасти этот вопрос правомерен, но хочу вспомнить концерты в нижегородском Кремле или Соловецком монастыре. В каждом из этих святых мест группа не совершила ничего кощунственного, а смогла найти со зрителями язык общения, достойный древних стен. Итак, местный организатор сбился с ног в поисках зала на замену. И он нашел точку, где раньше никогда не звучала не только рок-музыка, но и какая-либо другая. Этот инкрустированный ценными породами дерева зал с мягкими креслами раньше служил лишь для заседаний местных партийных функционеров, а эти ребята иногда (в чем-то) умели быть стильными. Конечно, у руководства подобной «точки» тоже были сомнения по поводу уместности в этих стенах рок-группы с подобным названием. Но здравый смысл победил, что еще раз доказало более высокий уровень пост-

партийного руководства, чем руководства оперного театра. И, скажу честно, хозяева зала не были разочарованы. Билеты на все три концерта были распроданы заранее, выступления прошли с огромным подъемом, а финансовые результаты – чего не может не подчеркнуть директор группы – были блестящими. Перед третьим концертом седовласый директор зала даже вручил нам награды. Видимо, когда-то у партийцев остались лишние медали «За освоение целины», и они торжественно наградили нас «за освоение целины их концертного зала». Каждой медали сопутствовало наградное удостоверение, в которое были внесены подходящие случаю теплые слова и пожелания. Совместная удовлетворенность артистов и руководства чуть было не потерпела крах: в коридоре директор наткнулся на занимающихся любовью прямо на какой-то парте местную прелестницу и одного из музыкантов группы – как говорят в таких случаях, не будем показывать пальцем (на конкретного человека). Хотя, если рассуждать философски, еще неизвестно – что могло твориться в подобных тихих закуточках во времена застоя. Наши комсомольские и партийные работники тоже были живыми людьми, и не всегда отказывали себе в маленьких радостях.

Глава XVII. ИЗ «ПОЧТИ ЕВРОПЫ» В СЕВЕРНУЮ ПРОРУБЬ

Репетиции «Крематория» в Доме медработников на улице Герцена продолжались. Прекратилась лишь работа над моими опусами, так как после разговора с Арменом в тамбовской гостинице такая деятельность стала бесполезной. Не помню точно, какой предлог я нашел для ребят, но, положив руку на сердце, никто из них этим не интересовался. Разве что Серега Третьяков по наивности что-то спросил раз-другой. Было обидно, но мне кажется, что жизненные перипетии стоит воспринимать философски. А потому я погрузился в административно-директорскую деятельность – благо существование фирмы «Крематорий» отнимало предостаточно времени и сил...

4 и 5 апреля мы выступали в Риге. Вообще, все поездки «Крематория» в Латвию нужно отнести к разряду некоммерческих. Концерты обычно проходили в небольших залах на 400 – 500 мест, что вызвано полным отсутствием интереса к русскоязычной рок-музыке у латышей. Единственными потребителями этого жанра в Прибалтике являются русскоязычные аборигены. Поэтому тамошние рок-концерты напоминали миниатюрные слепки с обычных выступлений в России. Этаким микроажиотаж вокруг небольших концертиков. Естественно, что мы ездили в Ригу просто прошвырнуться в другой – еще не европейский, но потихоньку приближающийся к тому – мирок. И в памяти остались, в основном, не концерты, а прогулки по старому городу да пикантные пивные погребки. Если не ошибаюсь, один из них назывался «Под дубом».

11 и 12 апреля «Крематорий» гастролировал в Архангельске и Северодвинске. Эти концерты как бы

вытекали из прошлогоднего Соловецкого рок-форума (Северодвинск-Архангельск-Соловки). Устраивал гастроли все тот же Коля Харитонов. (К уже сказанному о нем ранее добавлю, что в июне 1998 года фирма «Мороз Publishing» в союзе с издательством «ВАГРИУС» издала его книгу «Империя ДДТ», где можно прочесть массу интересного о судьбе группы «ДДТ» и ее лидера Юрия Шевчука.) Это была интересная поездка – у нас было гораздо больше времени посмотреть город и пообщаться с его обитателями. А они хорошо подготовились к встрече группы. Когда «Крематорий» выбрался на железнодорожный перрон, где-то вдалеке, у самого вокзала, грянул похоронный марш. Вначале мы подумали, что на том же поезде был привезен чей-то прах и это – его торжественная встреча. И лишь несколько мгновений спустя я с изумлением сказал остальным: «Да это же нас так встречают!». И оказался прав. Пройдя несколько десятков метров в сторону вокзала, мы увидели торжественную процессию. Военный духовой оркестр горестно выдувал гениальное творение Шопена, а по бокам стояли две шеренги пионеров в красных галстуках, размахивающих флажками. Когда мы приблизились, откуда ни возьмись появились девицы с хлебом-солью. В общем, Харитонов расстарался на славу. Нас посадили в две черные «волги» и прокатили по городу, с заездом на берег Белого моря, где, несмотря на второй месяц весны, вдоль берега еще лежали мощные льды.

В ту поездку нас свозили в одно интересное место (точного названия не помню), что многими почитается как святое. Здесь еще издавна селились отшельники, трудами и житием своим снискавшие себе славу по всей Руси. Тут находятся чудодейственные ключи, откуда паломники и туристы с удовольствием пьют чистую и вкусную воду. Нас водили и к строящейся часовне, и мы даже взбирались к самой ее верхотуре по строительным

лесам – оттуда открывался удивительный вид. Бесконечный лес, в безбрежности которого скрывалась какая-то неведомая мощь и сила... После этого мы попарились в русской бане, стоящей прямо в лесу, это сооружение – необходимое место отдыха строителей-реставраторов часовни и других находящихся поблизости деревянных построек. Выбегая из бани, мы по снегу пробегали метров двадцать до ручья и плюхались в прорубь. Парившийся с нами местный фотограф Вадик как-то успел схватить камеру и запечатлеть прямо в проруби Григоряна, меня, Третьякова и нашего местного приятеля, у которого мы в предыдущий вечер были в гостях. (Он работал врачом травматологического отделения местной клинической больницы, а причину, по которой я заостряю на этом ваше внимание, вы поймете в одной из следующих глав.) Через некоторое время этот снимок появился на первой странице местной рок-н-рольной газеты «Кайф». С оказией нам в Москву переслали несколько экземпляров, и мы могли демонстрировать себя в проруби. Правда никто почему-то не верил тому, что это – мы. Моя мать, например, сочла, что это монтаж. Еще один хлопец, который увидел у меня газетный номер, сказал:

– Да это и не Армен вовсе. Что это у него так лицо перекошило?

– Я посмотрел бы, как тебя в проруби перекошило!..

Продолжалась и дружба с военными моряками, начавшаяся еще во время плавания к Соловецким островам на военном ледоколе «Руслан». Старпом «Руслана» приходил на наш концерт, а после окончания мы душевно пообщались. Кроме того, в эту поездку нас водили на осмотр атомной подводной лодки «Золотая рыбка», чей рекорд скороходности не побит до сих пор. К сожалению, сейчас она уже стоит на приколе, хотя небольшая команда продолжает обслуживать ее

реактор. Вообще, весь Северодвинск похож на эту спящую подлодку. Когда-то город был построен как место дислокации Северного флота и военных судостроительных предприятий. Все жители работали в оборонной промышленности и в городской сфере обслуживания. С приходом перестройки, когда стране стало не по средствам содержать дееспособную армию, а уж тем более строить новые субмарины, здесь все погрузилось в тягостную спячку. Нет работы, нет зарплаты – как во всей стране, только острее из-за отсутствия другой промышленности или иных видов деятельности.

Каждый гастролер выбирает для себя одну из двух форм поведения в поездках. Можно (первый вариант) отгородиться от окружающего незнакомого мира стенами гостиницы и концертного зала, стараясь соприкоснуться с местной спецификой по минимуму. Можно (второй вариант) на каждом новом месте общаться с людьми, стараясь хотя бы понять их. В Северодвинске для нас первого варианта быть просто не могло, и за это я благодарен именно Коле Харитонову.

Тем не менее, и Русский Север остался «за кормой». 16 апреля мы втроем с Арменом и Мишкой играли акустический концерт в дискотечном помещении общежития физтеха в Долгопрудном. Сразу скажу, что в этом зальчике, куда при максимальной набивке влезало около 200 человек, в 1992 году прошло три выступления акустического «Крематория». По записям первых двух концертов в 1992 году фирма «АПЕКС» издала альбом «Unplugged». В готовящемся в настоящее время на фирме «MOROZ Records» полном собрании сочинений «Крематория» с этим альбомом произойдут существенные перемены. По переданным мной фирме «MOROZ Records» оригиналам подготовлена

максимальная подборка – на двойной компакт-диск войдут все песни, сыгранные на трех этих концертах.

Глава XVIII. ВИНО ВМЕСТО ВОЙНЫ

Еще в середине марта со мной связался житель Молдавии Игорь Дынго. Он рассказал о планах по проведению в начале мая в Кишиневе международного фестиваля со странным названием «Rock Independent». Это было время, когда ощутившая собственную независимость Молдова пыталась подчинить самопровозглашенную Приднестровскую республику, имевшую собственные планы на будущее. Возглавляемая генералом Лебедем Четырнадцатая армия быстро вправила мозги новоявленным воякам, и с этого момента военный конфликт принял характер затянувшегося противостояния с постоянными артиллерийскими дуэлями через разделяющую стороны реку Днестр. Сообщения о подобных перестрелках регулярно мелькали в программах новостей. В страну, находившуюся в подобной ситуации, нас звали на фестиваль, с тем чтобы «Крематорий» представлял Россию. Планировалось участие групп из Германии, постсоветских прибалтийских республик, Украины, Румынии. Все это должно было проистекать на местном рок-н-рольном фоне, который мы абсолютно не знали. К моему удивлению, этот уровень оказался достойным – но об этом чуть позже... Особо обольщаться рангом кишиневского фестиваля не приходилось, но я всегда считал установление новых контактов важной предпосылкой для будущих гастрольных поездок. Как показало время, этот посыл был верным, и «Крематорий» в лице Кишинева получил заказчика будущих гастролей. Но и в эту поездку нам «светил» сольный концерт в закрытом зале. Сами же фестивальные выступления, которых было несколько,

должны были проходить на открытой площадке, которая вмещала всех желающих.

Когда велись предварительные переговоры и перспектива будущей поездки казалась еще очень абстрактной, никаких противоречий не существовало. Но когда были куплены билеты, Армен вяло предложил не ездить в места, где стреляют. Тем более что планируемый коммерческий итог блестящим назвать было невозможно: мы должны были получить гонорар лишь за один сольный концерт. За фестиваль устроители заплатить просто не могли. Усилия по организации нашей поездки к тому моменту уже отняли у меня столько сил, что я как мог стал убеждать его в целесообразности участия в фестивале, и в конце концов мне это удалось. Немаловажную роль сыграло то, что за несколько дней до нашего выезда враждующие стороны заключили перемирие.

Итак, вперед! Новые места и встречи ожидали нас. Мы выезжали двумя партиями. Первую четверку составили: я, Мишка Россовский, Серега Овсянников и наш приятель Сергей Корнеев, при возможности снимавший на видео выступления группы. На следующий день должны были отправляться в путь остальные: Григорян, Андрей Мурашев, Серега Третьяков, Андрей Сараев и продавец «крематорской» продукции Вова Корнеев, брат вышеупомянутого Сергея. Двух-этапный выезд был вызван лишь личным желанием каждого. Ехавшие первыми хотели увидеть начало фестиваля и лишний день попить настоящего винца в Молдавии. Вторая партия не горела желанием слушать и смотреть выступления других групп, а провести свой досуг с тем же успехом могла и в родном городе.

Когда группа куда-то едет поездом, скрасить дорогу помогает дружеское застолье. Когда это происходит постоянно, от этого начинаешь уставать. В итоге

каждый коллектив делится на выпивающих постоянно и пытающихся это делать, по возможности, реже. Может быть, именно этот факт сыграл свою роль, но первая четверка отъезжающих принадлежала как раз ко второй категории. Однако, когда мы сели в нашем уютном купе, выяснилось, что каждый прихватил с собой не только обычную в поезде провизию, но и по бутылке хорошей водки. Так что мы очень мило общались, и время путешествия по России пролетело незаметно. Когда наутро мы проснулись, за окнами уже убегала назад Украина. На остановках задышавшиеся от самостийной украинской экономики хохлушки торговали пирожками и картошкой, пивом и воблой – все, что здесь предлагали на продажу, было крайне аппетитным и очень недорогим. В общем, к моменту нашего прибытия на железнодорожный вокзал молдавской столицы мы уже чувствовали себя прекрасно. А когда встречающие выхватили из наших рук чемоданы и отвели нас в автобус, где немедленно угостили местным красным вином, отличное настроение просто влилось в наши жилы. А вокруг светило теплое, почти летнее солнце, и воздух был напоен цветущей силой южной весны. После еще не проснувшейся окончательно московской природы этот плавный переезд в следующее время года стал настоящим волшебным превращением. Мы бросили в гостинице верхнюю одежду и вещи, а сами устремились наружу. По пятам за нами следовал приставленный к нам сопровождающий. Устроители фестиваля хорошо знали, кто будет лучшим гидом для русских рок-н-рольщиков. Наш провожатый прекрасно знал все винные точки, и пешая прогулка по Кишиневу великолепно дополнялась дегустацией молодых местных вин. Повеселила агитационная машина местной еврейской общины, которая кругами ездила по крошечному центру города и орала в «матюгальник»: «Дорогие евреи, хабаб

Любавич поздравляет вас с праздником весенней торы!».

Ближе к вечеру нас отвезли на первый концерт фестиваля, и мы послушали несколько групп. Всех я не упомяну, на меня произвела впечатление кишиневская группа «Модест», хотя назвать уместным выступление живого коллектива с drum-компьютером трудно. Кроме них запомнились «Чад» и немцы – обычный студенческий коллектив, чистенько игравший среднестатистический утяжеленный рок-н-ролл. Кстати, при посещении я пообщался с журналисткой «Вечернего Кишинева» и от нее узнал более точное название фестиваля: «Рок против войны в Молдове». А вечером в гостиничном номере из многочисленных канистр водопадом низвергался поток чудесных вин.

На следующий день прибыла вторая партия крематорцев, и вечером, после заводного молдавского «Куйбула» и гуцульских панков – «Минула Юнь», наша группа закрывала фестиваль. Из тактических соображений мы играли не более сорока минут – ведь на следующий день нам нужно было собрать сольник. В апогее нашего фестивального выступления я, в соответствии с лейтмотивом фестиваля, заявил в микрофон: «Глупо воевать на той земле, в которой произрастает даже воткнутая палка! Дело молдаван – не воевать, а заниматься изготовлением вина!». Вечером даже такие «водочники», как Третьяков и Григорян, нахваливали местное красное вино...

Назавтра состоялся концерт «Крематория». Правда, формально он перестал быть сольным – местные организаторы упросили нас дать поиграть немцам. Но после их тридцатиминутного выступления мы «отбомбили» полноценный полуторачасовой концерт. Немцам так понравилось взаимное концертное взаимодействие, что они наперебой начали выдвигать смелые прогнозы по выступлениям в Германии. Обсуждение подобной

перспективы, с одновременным употреблением все тех же напитков, происходило прямо в фойе концертного зала.

Если б вы знали, сколько подобных прожектов пришлось мне как директору группы выслушать в период с 1991 по 1994 год. И еще одна интересная деталь. Через несколько дней после нашего возвращения в Москву перемирие между Молдовой и Приднестровьем было разорвано, и вновь начались артиллерийские перестрелки. Как видим, рок-фестивали «роли не влияют»!

Глава XIX. ПЕРВЫЙ ПОДХОД К «ДВОЙНОМУ АЛЬБОМУ»

Не знаю точно, происходит ли это в других рок-группах, но в «Крематории» время от времени всплывали всяческие – не знаю, как их назвать, – скажу: предложения со стороны. Дело в том, что выпущенный в мое отсутствие (1988 – 1990) альбом «Клубника со льдом» записывал Николай Николаевич Шестов – звукорежиссер киностудии им. Горького. Я не очень подробно осведомлен об этой работе, да здесь и не требуются подробности былого, так как речь пойдет совсем о другом.

Так вот. Николай Николаевич позвонил и сообщил следующее. Некие его знакомые готовы вложиться в какой-нибудь музыкальный проект, причем это никакое не спонсорство, а чистой воды попытка заработать деньги. Вскоре состоялась очная встреча с этими... Видимо, сам выбор музыкальной направленности бизнес-предложения принадлежал Михаилу Адамову – бывшему консерватору по классу фортепиано, ныне пытавшемуся «вливать» свои творческие способности в любую доходную деятельность. Второго, более крупного, персонажа – непрозрачно ощущалось, что именно он является держателем капитала – звали Измаил Островский. Правда в нашей истории фигурировать будет, в основном, вышеупомянутый Адамов.

Итак, со стороны представителей капитала прозвучало предложение следующего содержания. Они могут финансировать запись альбома группы «Крематорий», а также самостоятельное – от государственных структур – издание мощного тиража пластинок. Но ни на какой коммерческий риск они не

пойдут, а потому речь об альбоме новых песен даже не стоит – предлагается запись и издание крематорских суперхитов.

Напомню, что незадолго до этого на «Мелодии» уже выходила сборная пластинка «Живые и мертвые», и с этой точки зрения, выпуск нового продукта подобного рода являлся просто нелепостью. С другой стороны, в тот трудный для рок-музыки год иных предложений в наш адрес не звучало, так что отказываться от руки дающего было глупо. К тому же «мелодийная» пластинка почти ничего не принесла ни группе, ни автору песен, а новый вариант представлялся коммерческим. Опять же, в случае финансового успеха сборника, бизнесмены обещали «подписаться» и на новый альбом. Мы с Арменом пару дней поразмышляли и решили не отклонять проект, а выжать из него все возможные плюсы. А положительные стороны лежали на поверхности: во-первых, мы решили сделать сборник хитов глобальным, то есть записать двойной альбом (из двух виниловых дисков); во-вторых, оформить его на высочайшем уровне и ввести логотип группы и т.д. В-третьих, – и это было самым главным, – в следующем 1993 году группе «Крематорий» должно было исполниться 10 лет, что делало подобный проект не только уместным, но и своевременным. А существование акционерного общества «Крематорий» давало нам возможность заключать официальные договора, что делало нашу сторону более защищенной юридически. А значит учреждение фирмы было воистину мудрым шагом...

Глава XX. МОСКВА – ПЕТЕРБУРГ.

Тем временем концертная жизнь не угасала. 8 и 9 мая мы выступили в Рязани. День Победы наложил на эти гастроли налет забытых праздников, а рязанское телевидение затащило нас на прямой эфир, где мы даже исполнили живьем несколько песен. Вслед за Рязанью началась мощная серия концертов в первопрестольной. Мы уже почти полгода не радовали столичную публику сольными концертами, и пора было отдать своеобразный «концертный долг» нашим землякам.

13 мая прошел концерт в Москве, в концертном зале Олимпийской деревни. Эта точка в то время могла расплачиваться лишь безналичным расчетом, то есть переводя деньги на счет в банке. Существование подобного счета у нашей фирмы делало такой концерт возможным. Кстати, с того самого раза у нас установились замечательные отношения с администрацией концертного зала, и мы еще неоднократно там выступали. Правда, поначалу дирекция очень боялась, что от наших фанов могут пострадать «цивильные» мягкие кресла. И действительно, во время выступления был момент, когда зрители начали жечь спички и вставать ногами на сиденья. Но мы со сцены старались – не впрямую, конечно – гасить чреватый разрушениями пыл. В результате издержки оказались минимальными, а прибыль зала, по признанию директора, – рекордной, даже при высокой цене билета. Администрация, всячески осторожничавшая до концерта, сокрушалась по поводу проведения всего одного выступления.

15 мая я, Армен и Мишка сыграли акустический концерт во Всесоюзном государственном институте

кинематографии (ВГИК). Это было мероприятие по какому-то (мною забытому) поводу, и, кроме нас, в нем принимал участие акустический состав «ДДТ». Небольшая эстрада стояла в фойе институтского здания на улице Сергея Эйзенштейна, а студенческая публика сидела на полу и толкалась во всех проходах. Юрий Шевчук к тому моменту, видимо, уже ощущал себя матерым человечком – в отличие от других звезд рок-н-ролла, поздоровался он лишь с Григоряном. «Генерал» поприветствовал «генерала», не заметив остальных. В этих словах нет никакой обиды, это всего лишь наблюдение. Вообще, самым демократичным и естественным за все годы моей деятельности в рок-н-ролле мне показался Виктор Цой. Уже на первом совместном выступлении он без тени ложного пафоса подошел к собратьям по рок-андеграунду, и мы нормально пообщались...

17 и 18 мая «Крематорий» выступал в ДК Текстильного института. Об этих двух концертах я почему-то абсолютно ничего не помню, а потому следую далее.

22 мая – акустический концерт в уже упоминавшемся общежитии физтеха в Долгопрудном. Второй раз выступать в одном и том же месте всегда проще – знаешь публику, ее вкусы и реакцию. Может быть, именно это определило теплую атмосферу, сейшен удался, хотя народу организаторы набили с плотностью, большей чем в банке с килькой. Напомню, что записи трех концертов 1992 года на этой точке (16 апреля, 22 мая и 5 ноября) станут в будущем исходным материалом для альбома «Unplugged».

На следующий день (23 мая) группа в расширенном составе, но без Андрея Мурашова отыграла в Доме студента на проспекте Вернадского.

26 мая «Крематорий» погрузился на поезд и выехал в Питер. Некая организация задумала устроить в редко

использовавшемся рок-группами пафосном концертном зале «Октябрьский» два необычных мероприятия, выступить в которых должны были группа Алексея Романова (в ее состав входил еще один бывший участник «Воскресения» Андрей Сапунов), питерский «Пикник» и «Крематорий». Мы должны были завершать выступления, а потому организаторы уделяли нам особое внимание. Это нашло свое выражение и в гонораре группы. Все шло как по маслу: первый концерт прошел при полном зале, публика отлично встречала всех участников – правда от Романова и его товарищей ждали музыки в стиле любимого всеми «Воскресения», а те выдали абсолютно «перпендикулярные» опусы (в дальнейшем вошедшие в альбом «Семь вещей»). Тем не менее, ничто не предвещало каких-либо трудностей, и вечером после концерта в гостиницу «Октябрьская» стекались наши друзья. Были «Джордж» (Анатолий Гуницкий), Олежка Гончаров, Алик Сакмаров и еще много-много народу – сразу извиняюсь перед всеми, кого забыл. Если не ошибаюсь, параллельные застолья шли сразу в двух или трех номерах, и нам с Григоряном приходилось выступать новоявленными Фигаро – быть и здесь и там. Гуницкому тогда даже удалось взять у нас какое-то «интервью» о связи рок-музыки с алкоголем и наркотиками. Конечно, называть дружеское застолье казенным словом «интервью» не поворачивается язык. Да и к чему ему тогда был нужен разговор на эту тему, я не знаю. Помню лишь, что в какой-то момент мы подключили к нашей беседе «воскресенца» Алексея Романова, упросив его присоединиться к нам. Совместное употребление русской водки как бы иллюстрировало заданную Гуницким тему, придавая мыслям большую глубину и многомерность... К счастью, все окончилось весьма добропорядочно, и в ночи все расползлись по номерам.

На следующее утро начались сюрпризы: администрация зала разыскивала организаторов концертов, а те будто канули в омут. Общение с директоршей КЗ «Октябрьский» показало явную несостоятельность фирмы-устроителя. В результате второй концерт, планировавшийся на 29 мая, был отменен. Толпа огорченных фанов проводила нас до гостиницы – из-за близкого соседства мы отправились пешком. Хорошо еще, что билеты на обратную дорогу были у нас на руках. Что касается денег за первый концерт... – увы, «тяжела и неказиста жизнь российского артиста»! Так в мае 92-го мы прокатились попить пивка в Петербург.

Глава XXI. ПОСЛЕ «САДИЗМА»

После приезда из Питера у нас образовалась более чем двухнедельная пауза в концертах. Точно уж не помню, чем именно она была вызвана, но лично мне это обстоятельство пришлось очень кстати – я сумел отвезти жену с грудным ребенком в Псковскую область. У родителей жены был куплен дом в деревне, где они, по возможности, проводили все лето. Местечко это – медвежий угол на озерах, откуда берет свое начало река Великая. Отдаленность от цивилизации дает массу преимуществ, среди которых основным является экологическая чистота этого края. Конечно, в противовес этому существуют и отрицательные стороны местного быта, и основным недостатком, конечно, является повальное пьянство аборигенов. Ну да ладно, тоже нашелся ревнитель морали!

В общем, я обернулся за несколько дней: по дню – туда и обратно, ну и пару деньков – там, вдали от вездесущего телефона и пружинистого ритма городской жизни... Сразу по возвращении нужно было утрясать накопившиеся проблемы, связанные с двумя следующими концертами в Москве. Первый должен был состояться в кинотеатре «Ладога», вблизи станции метро «Медведково». Дело в том, что на базе этого зала был организован один из распространенных тогда так называемых «творческих центров». Странное его название «Ормо» образовалось от инициалов создателя и руководителя – Михаила Оразова. Пожалуй, стоит сказать пару слов об этом человеке, тем более что ему суждено неоднократно становиться персонажем нашего дальнейшего повествования. Итак, выпускник режиссерского факультета Щукинского училища, отработавший несколько сезонов в Московском театре

оперетты, открыл творческий центр и стал заниматься организацией гастролей артистов всех жанров: от известных певцов оперетты – типа Герарда Васильева – до юмористов вроде Яна Арлазорова. Опробовав свои силы на провинциальных площадках, Оразов стал устраивать концерты и в столице. Через какое-то время Михаил увлекся рок-музыкой, снял фильм про металлическую группу «Черный обелиск», после чего организация им рок-концертов стала для него абсолютно естественным делом. Весной 1992 года он провел в «Ладого» ряд аншлаговых концертов металлических групп. Скажу честно, что в 1992 году, когда, с одной стороны, на рок-концерты уже перестала ходить публика, а, с другой стороны, администрация любого зала тряслась за целостность своего имущества (читай: кресел в зрительном зале), устройство выступлений таких экстремальных групп было довольно смелым шагом. Раскуроченный фанами зал спокойно мог потянуть за собой штрафные санкции, способные похоронить небольшое предприятие... В какой-то момент Михаил Оразов позвонил мне и предложил «Крематорию» также выступить в кинотеатре «Ладога». Такой концерт состоялся 16 июня, и прошел так же успешно, как и предыдущие мероприятия фирмы «Ормо». Оразов сработал во всех отношениях грамотно, так что даже явная неприиспособленность кинозала к музыкальным концертам не помешала ни зрителям, ни музыкантам. После концерта мы расстались с Михаилом с чувством взаимной симпатии.

В довершение рассказа о концертах в «Ладого» не могу не рассказать о печальной причине, положившей конец проведению концертов в этом зале.

30 июня в «Ладого» должен был состояться концерт группы «Коррозия металла». Изготовление афиши группа взяла на себя, и вскоре администрация увидела

отпечатанные экземпляры, на которых красовалась надпись:

«САДИЗМ - ТУР»

«Ночной дебош в «Ладоге».

Времени на изготовление новых афиш уже не оставалось, и вскоре весь микрорайон украсился подобными произведениями плакатного искусства. Местная милиция вызвала Орозова и директора кинотеатра, которые слезно умолили власти разрешить проведение мероприятия. Концерт прошел при огромном стечении публики, а в финале взбудораженная толпа вылилась на улицу, где разбила камнями три троллейбуса. Все это Орозову удалось замять, и еще через два дня в «Ладоге» прошел десятичасовой панк-фестиваль, в котором среди прочих приняли участие московское «Чудо-юдо» и питерские «Автоматические удовлетворители». Кстати, несколько «удовлетворителей», несмотря на то, что для них была заказана гостиница, попросили у Орозова разрешения провести ночь в его кабинете – дескать, рано утром они прямиком поедут на вокзал. Михаил, привыкший доверять людям, дал свое согласие и тем самым совершил распространенную ошибку. Когда он утром приехал в свой кабинет, его ждала целая батарея всевозможных бутылок и полный разгром кабинета. Кроме того, гости умыкнули телефонный аппарат – видимо, произошел натуральный обмен одного на «бухло». Но это еще были цветочки.

Через несколько дней после проведения этих двух концертов в зале начал ощущаться некий не самый приятный «аромат», который с течением времени лишь крепчал. По случайному совпадению, в расположенном на первом этаже ресторане в те же дни травили крыс, а потому запах списали на разборку с грызунами. И лишь позже, когда по запаху смогла прийти к его источнику не только поисковая собака, но и обычный работник

кинотеатра, в бетонной яме двухметровой глубины за экраном был обнаружен обнаженный труп юноши. Судебно-медицинская экспертиза определила, что покойный скончался от перелома позвоночника. Следовательно, на основании свидетельских показаний, смоделировал следующую картину несчастного случая.

Во время одного из вышеупомянутых концертов небольшая группа зрителей просочилась за экран кинотеатра и по составляющим его крепление металлическим лесам поднялась к потолку кинотеатра. Оттуда они и наблюдали концерт, там же и выпивали напитки различной степени крепости. В какой-то момент, когда сейшен достиг своей кульминационной части, они разделись и голыми начали танцевать на площадке у верхнего края экрана. Видимо, именно в этот момент покойный и упал вниз, причем попал аккурат в узенькую и глубокую щель в бетонном полу. Сотоварищи в полутьме не заметили его исчезновения, а если и был шум падения или последующие крики бедного юноши, то в дикой громкости рок-концерта никто ничего не услышал. Вот такой невеселый финал имела эта история. Вряд ли нужно объяснять, почему в кинотеатре «Ладога» после этого не состоялось ни одного концерта.

Глава XXII. ПУШКИНА В ОБЛАКАХ С «КРЕМАТОРИЕМ».

18 июня состоялся второй концерт в концертном зале в Олимпийской деревне. Отчасти его проведение было предreshено феноменальным аншлагом на концерте, проходившем здесь месяц назад (13 мая). Но была и другая причина. На этом выступлении группа презентовала свое новое творение в книжном формате. Своими силами и на собственные деньги был отпечатан небольшой тираж брошюры «Крематорий-25», этакий сборник текстов 25 песен-хитов, наиболее часто исполняющихся на крематорских концертах и, соответственно, пользующихся наибольшей любовью поклонников. Все песни сопровождалось буквенным обозначением аккордов аккомпанемента, так что каждый желающий мог разучить эти шлягеры и исполнять их сам. Книжонка была оформлена иллюстрациями, соответствующими настроению и содержанию песен группы. Может быть, от них слегка пахло самодеятельностью, но сделаны они были с большой любовью. Авторство рисунков и обложки принадлежало Тамаре Пушкиной, старшей сестре известной рок-поэтессы Маргариты Пушкиной. Конечно, и сама Рита принимала в творческой части производства книги огромное участие. Но я хочу повернуть время вспять, чтобы рассказать предысторию столь нетрадиционной книжно-литературной деятельности «Крематория».

Может быть, вы еще помните, что мое первое появление в составе «Крематория» на сцене произошло в ДК МЭИ на презентации альбома «Живые и мертвые». Но это мероприятие также презентовало и книгу психоделической поэзии Маргариты Пушкиной «Заживо

погребенная в роке». Удивительно, но факт: автор текстов таких «монстров» отечественного рока, как «Високосное лето» и «Автограф» (и еще многих известных исполнителей), по-настоящему грамотно и профессионально работающий поэт, Маргарита Пушкина лишь в 1991 году удостоилась первой небольшой книжки стихов. Что-то не так в этом мире!

Вторым продуктом «Индепендент Пресс» (на этот раз: «Крематорий» + Пушкина) стал сборник стихов и воспоминаний душевнобольных – «Люси в облаках с бриллиантами». **Основное содержание обрамлялось Увертюрой и Кодой Маргариты Пушкиной о приключениях «Крематория» в пятом измерении в компании с душкой-Люсиль. Люси каталась на экологически чистом велосипеде, за группой следили два архангела – Майк и Гэб (то бишь Михаил и Гавриил). В основной части – лились а-ля блоковские стихи загадочной Григории (местами пошаливала рифма); неизвестный тоскующий автор утверждал, что он – «кот», и просил: «попробуй, приласкай меня»; индивидум Игорь Мартыненко слушал «неторопливую речь света»; а господин Мастерских утверждал с полным знанием дела: «гады размножились быстро не зря. С Божией помощью будет резня!». Он же предлагал весьма изящные версии переводов Верлена, Шарля Кро и Жерара де Норваля (а может, это были импровизации на тему?). Вкупе с обложкой, выполненной Тамарой Пушкиной, сборник производит впечатление маленького, но уверенного дурдома для своих. (Выделенный текст принадлежит перу Маргариты Пушкиной. Это фрагмент ее материала для неизданной книги о группе «Крематорий».)**

Третий опыт «Крем-Индепендент-Пресс» и реализовался в сборник крематорских хитов

«Крематорий-25». Кроме 22 текстов Григоряна и 3 песен Троегубова ($22+3=25$), книга уже традиционно включила Увертюру и Коду в исполнении Маргариты Пушкиной. Именно эту книжку мы и представили публике на концерте в Олимпийской деревне. Опять был битком набит зал, снова публика бушевала во время динамичных композиций и зажигала огоньки в медленных печальных песнях типа «Мусорного ветра».

Глава XXIII. «КВАРТИРНИК» В «ИНТУРИСТЕ»

22 июня мы поездом выехали в Тольятти. В этот город «Крематорий» ехал впервые, но я уже бывал там на гастролях. Дело в том, что в 1988 – 90 годах я активно катался по стране в программе «Кино-рок-шоу». Двухчасовое представление состояло из показа нескольких короткометражных фильмов о рок-музыке, соединенных в общее целое рассказом ведущего – Сергея Гурьева. Единственной живой музыкой в программе был мой выход с гитарой, когда около тридцати минут я пел свои песни и рассказывал о временах квартирных сейшенов. Именно в составе «Кино-рок-шоу» я побывал в декабре 88-го в Тольятти с тремя выступлениями.

Тольятти имеет довольно странную планировку. Центр города с площадью, на которой располагаются концертный зал, интуристовская гостиница и какие-то учреждения, находится на отшибе от основных жилых районов. А, может быть, это вовсе и не центр города? Как бы то ни было, нас поселили в той самой интуристовской гостинице.

Концерты «Крематория» в Тольятти устраивались по хозрасчетной схеме. Местный организатор сам снимал зал, оплачивал все затраты, продавал билеты и так далее. Но, несмотря на то, что на выступлениях зал был почти заполнен, общий коммерческий итог оказался скромнее ожидаемого. В результате каждый из музыкантов должен был привезти домой сумму в два раза меньше обычной. Такая перспектива, конечно, не радовала. После второго концерта мы возвращались в гостиницу не одни. С нами приехали организатор концертов Саша Зиновьев (если не ошибаюсь – из

театральной братии) с женой и ее подружкой, кроме того были еще какие-то «девчонки». У входа в гостиницу царило необычайное оживление – тусовалась целая ватага нарядных молодых людей. Они громко разговаривали и смеялись, выпивали и безобидно задирали проходящих. Нас они попросили поделиться девушками. Все это больше напоминало игру, и мы как-то отшучивались. Вдруг один из них предложил нашим дамам выпить шампанского. Те, продолжая шутливую пикировку, сказали, что без нас (крематорцев) пить вино не будут. В результате уже через десять минут вся компания сидела на газончике в аллее напротив отеля и пила шампанское из ящика, выставленного новыми знакомыми. В процессе выяснилось, что нарядные хлопчики имели какое-то отношение к околоавтомобильной мафии (в Тольятти, как известно, находится крупнейший в нашей стране Волжский автомобильный завод – ВАЗ, производящий легковые автомобили марки «Жигули»), и один из их командиров в тот день праздновал день рождения. Кстати, «стукнуло» ему не так уж много: по-моему, чуть ли не 25 лет.

Вот так сидели мы на травке перед гостиницей, запивая шампанским неторопливую беседу. В какой-то момент один из наших собеседников спросил у меня, имеем ли мы отношение к группе «Крематорий». Когда я ответил утвердительно, он предложил организовать небольшое импровизированное выступление для гостей именинника и назвал сумму гонорара, сравнимую со стоимостью концерта в зале. Пополнить бюджет группы за счет подобного выступления было соблазнительно, но я знал, что Григорян является категорическим противником подобных мероприятий. Поэтому я ответил на предложение следующим образом: «В номере таком-то сейчас находится наш руководитель. Если вы сможете его уговорить, я организую все остальное!».

Я не знаю всех деталей разговора Армена с посланцем автомобильной мафии, но уже через полчаса мы готовились к выступлению. Друзья именинника договорились с кафе, расположенным на первом этаже гостиницы, – оно было закрыто, – и вскоре мы настраивали инструменты на маленькой эстраде. Мы решили играть акустический концерт, но Андрюха Сараев, преисполненный солидарности, заявил, что будет участвовать в мероприятии тоже. Он притащил рабочий барабан на стойке и приготовился играть щеточками, чтобы не заглушать наши неподключенные гитары. Гости дня рождения уже расселись за столы и начали потихоньку выпивать.

Уже через пару песен мы поняли, что играть в кафе только опусы «Крематория» очень трудно. Правда сама публика начала понемногу выручать нас. К нам подошел человек, который попросил сыграть любую песню «Воскресения» и положил в хрустальную вазу, стоявшую на ближнем к нам столе, тысячную купюру. Для информации скажу, что в 1992 году на одну тысячу рублей можно было жить месяц. Исполнить для заказавшего песню «Воскресения» не составляло для меня никакого труда, ведь на наших пьянках мы иногда пели почти весь «воскресенский» репертуар. Сбоку Григорян шепнул мне на ухо: «Давай! Спой что-нибудь», и я затянул: «Забывшую песню несет ветерок...». Когда я закончил, все тот же эрудированный бандюган сунул в вазу еще две тысячи и заказал две любые песни «Аквариума». Абсурд, но все происходившее в тот вечер можно считать кошмаром, в котором рок-композиции чудовищно переплелись с кабацкой системой заказа песен. Постепенно в вазе набралась целая гора денег. Пережить все это в тот момент можно было, лишь вливая в себя после каждой песни бокал шампанского, – почему-то в тот вечер фигурировал лишь этот напиток. Вскоре от такого количества шипучки законы тяготения

стали действовать на меня с двойной силой. Последнее, что мне запомнилось: я сижу за столом с каким-то человеком средних лет, мы постоянно выпиваем, а он доказывает мне, что здесь он – самый крутой. «Смотри! Они сделают все что я скажу», – говорит он, плюет на пол, а потом приказывает кому-то из своего окружения вытереть плевки рукой. В этот миг я словно провалился в пустоту...

Когда утром я очнулся, лежа одетым на кровати в нашем с Арменом номере, я первым делом хватился – где гитара? Слава богу, она оказалась на месте. А вот вазу с деньгами, как мне потом рассказали, кто-то все же свистнул. Придя в себя, мы все вместе решили, что больше в подобных шабашах участвовать не будем. Что касается виновника той пьянки, то – по случайно поступившей через год информации – до следующего дня рожденья он не дожил. Не так-то просто зарабатывать деньги в криминальной области!

Глава XXIV. ТУЛЬСКИЕ СТРАДАНИЯ ПО ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ

Я уже говорил вам, что Михаилу Оразову еще не раз суждено будет фигурировать в нашем повествовании. Так оно и есть, в июне он появился с предложением поездки с двумя концертами в Тулу. С местной филармонией он уже работал, в связи с гастрольями других исполнителей, а на сей раз уже переговорил по поводу «Крематория».

29 и 30 июня группа уже выступала в Туле. Зал был небольшой, около 600 – 700 мест. Заполнен он был до предела, а на второй концерт зрителей набилось просто немыслимое количество. Дело в том, что второй концерт оплачивала какая-то местная организация (названия не помню), проводившая некий местный юбилей, а, как говорит русская поговорка: «на халяву уксус – сладкий!».

В Туле нас поселили в так называемую ведомственную гостиницу, которая на самом деле представляла собой обычный многоэтажный дом, где проживали специалисты, командированные на различные местные предприятия. На группу и сопровождающих – Оразов поехал с нами – выделили две пустых трехкомнатных квартиры, и это было даже в кайф: никаких тебе дежурных по этажу и прочих гостиничных начальников. Вечером после первого выступления мы накрыли стол, нарезали закуску и откупорили бутылочку хорошей русской водки. Хотя – соврал! В те времена отечественную водку мы почти не пили – уж слишком много подделок продавалось с настоящими этикетками. А потому пить приходилось водку «Распутин», хотя, с точки зрения дня сегодняшнего, даже думаю я об этом названии с

содроганием. Ведь никакого отношения к хорошей русской водке этот прилично приготовленный немецкий спирт не имел. Ну да ладно, выпивали мы понемножку в своей тесной компании, – благо Третьяков не сумел заманить никакой местной шмары, – как вдруг Мишка Россовский и сказал впервые о том, что подал документы на отъезд в Израиль.

Надо вам сказать, ситуация тогда у него сложилась крайне сложная. В давние времена, когда Россовский приехал в Москву из далекой Винницы и поступил на экономический факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии (ТСХА), жил он, как полагается, в общежитии. Через какое-то время женился на москвичке Ире, после чего стал проживать на ее жилплощади. Долгое время они обитали в однокомнатной квартире на улице Дыбенко в районе все того же Речного вокзала. По-моему, там же родилась их дочь. К конкретному 1992 году, вследствие ряда обменов (по-видимому с доплатой) они жили уже в трехкомнатной квартире где-то в Медведково. Взаимопонимание и любовь между Мишей и Ирой к тому времени сошли на нет, каждый из них уже имел «друга». Мишку новая любовь поймала прямо на рабочем месте, а искусительницей стала его коллега, с все тем же именем Ира. Она была жительницей дальнего Подмосковья, и в Москве снимала комнату, где жить им вместе возможности не было. В тот момент наша страна стала ареной постоянных потрясений. Вспомните, тогда никто не мог чувствовать себя стабильно, даже люди, зарабатывавшие крупные деньги, просто проедали их. Такова жизнь. Как гласит присказка, «жизнь играет человеком, а человек играет на трубе». Миша Россовский играл на скрипке и одновременно был высококвалифицированным компьютерщиком. Можно сказать, что тогда он имел наибольший суммарный заработок из участников

группы. В любой стране мира со своими способностями он имел бы большую зарплату и высокий уровень жизни. Родная страна не могла ему дать средств даже на то, чтобы снимать жилье и материально обеспечивать семью. Его попытки поговорить с женой по поводу размена их трехкомнатной квартиры ни к чему не приводили – она просто заявила, что «не хочет разменивать, и все». Я не в чем не виню эту женщину. Единственное, что мне хотелось бы, – если когда-нибудь эти строки попадутся ей на глаза, – пусть задаст себе несколько вопросов. С этим человеком она прожила больше десяти лет, и он все эти годы зарабатывал больше нее. Зная Мишу, я уверен, что его родители материально помогали молодой семье. Что делало возможным их переезды на увеличивавшуюся жилплощадь. Наконец, он был отцом ее дочери. Неужели он не заслужил и не заработал за все это время хотя бы комнату в коммунальной квартире? Ведь при его столь микроскопическом аппетите ей с дочерью оставалась двухкомнатная квартира... Отстаивая свои интересы, она сделала его обычным бомжем, не имеющим жилья. Когда я пытался объяснить ему, что у него есть права, что для решения столь сложного вопроса, в конце концов, есть суд, он сказал, что по такому пути никогда не пойдет.

Я уважаю честность и порядочность этого человека! Мне было так жаль потерять его, что я предлагал ему предпринимать все возможное и биться до конца. Но он уже смирился с отъездом. Переезд на землю обетованную снимал все его жилищные проблемы, к тому же он понимал, что там сможет обеспечить своему будущему ребенку нормальную жизнь. Его новая жена уже была беременна, так что у него хватало своих забот...

Мы сидели за столом в тульской гостинице, слушали Мишкины речи и наперебой доказывали ему, что отъезд

в данной ситуации не является выходом. Почему-то очень хотелось заплакать, и даже водка абсолютно не цепляла...

После возвращения из Тулы мы втроем – Мишка, Армен и я – отыграли акустический концерт в подмосковном Троицке. В этом небольшом городке есть современный клуб с маленьким залом мест на 300. Играть здесь полноценный концерт нерентабельно из-за дорогостоящей доставки звукового оборудования, а для акустики достаточно местной аппаратуры. Устраивал это мероприятие Сергей Смирнов – человек, пытавшийся подвизаться на рок-н-рольной ниве в качестве эдакого «парня с головой», но без определенных занятий. Ему был интересен сам жанр отечественной рок-музыки, и он пытался выступать попеременно то директором групп второго эшелона («Адо» и прочие), то администратором каких-то рок-клубов. В общем, дергался в сопредельных рок-музыке областях как мог.

Примерно в то же время мы еще раз выступили в акустическом варианте в некоем «интерклубе» в Лефортово, после чего участники группы разъехались в отпуска.

Глава XXV. ОТВЯЗЫ НА ПОДСТУПАХ К «ДВОЙНОМУ АЛЬБОМУ»

Отпуск группы не означал, что деятельность замирала полностью. Армен продолжал производить песенный материал, я продолжал вести деятельность по организации концертов и гастролей. Иногда мы вдвоем ездили на встречи с разными людьми и говорили о сотрудничестве в различных областях. Нет смысла перечислять все подобные мероприятия, да и не вспомню я всех. Стоит упомянуть лишь встречу с руководителем некой фирмы, пообещавшим нам коммерческую поддержку при проведении в следующем, 1993, году десятилетия группы. Конечно, такое обещание окрыляло – у Армена существовала красивая идея о проведении юбилея как бесплатного концерта для всех желающих на открытой площадке. Но до его проведения оставался еще целый год, а за год в те времена вылетали в трубу крупные фирмы и казавшиеся незыблемыми монолитами коммерческие банки...

В середине августа группа выехала на мощный рок-фестиваль в город Павлодар. Это мероприятие проходило на открытом стадионе в течение нескольких уик-эндов (пятница – воскресенье) августа. В первой связке доминировала группа «ДДТ», чьи сольники стали единственным исключением – остальные команды выступали по две-три в одном концерте. На долю «Крематория» выпали два выступления 15 и 16 августа, в те же дни выступали «Наутилус», «Алиса», «Бригада С», «Чайф», «Телевизор» и «Бахыт-компот». Наверно, были и другие участники, но всех я уже не вспомню.

Вообще, события подобного рода обычно имеют массу противоречивых черт. Так, не совсем понятно, что

за добрый дядя финансировал все это безобразие. Дело в том, что зрителей было не так уж много – лишь отдельные концерты проходили с 70-процентным заполнением. В затраты можно списать проезд в далекий Казахстан огромного количества участников и когорты журналистов, а также их проживание в гостинице и питание. Тем не менее, все участники получили приличные гонорары, а уж «оторвались» по полной программе. Может быть, все объясняется отмывкой криминальных денег – об этом уверенно поговаривали в кулуарах. Конечно, доподлинно мне это не известно, да и стоит ли сейчас вспоминать о подобных нюансах. Рок-музыканты крайне редко задумываются о финансовой стороне дела. Как и всем остальным людям, им радостно, когда в кармане шуршат купюры: ведь это случается не так уж часто. А если в придачу к этому присутствует теплая компания друзей или – на худой конец – единомышленников, то почему бы не «оторваться» по полной программе? Если обычные гастроли рок-группы отличаются неумеренным потреблением алкоголя, то на рок-фестивалях бьются любые рекорды в данной области! И Павлодарский рок-фестиваль не стал исключением. Гостиница, в которой проживали группы-участники, сотрясалась от дружеских застолий. Гарик Сукачев праздновал какой-то юбилей, и за банкетным столом собрался весь цвет отечественного рока. Но и в номерах шли почти круглосуточные посиделки. Музыканты делились новостями, пели песни, пили «все, что горит» и трахали «все, что шевелится». Я помню общение с «чайфами» – Владимиром Шахриным и Бегуновым и их директором Димой Гройсманом. В другой раз нечто с пением и танцами происходило в номере «бахыт-компотовцев». Кстати, в тот момент в составе «Бахыт-компота» играли сразу два бывших крематорца периода 1988 – 90 годов: саксофонист Александр Куницын и гитарист Дмитрий

Куликов... Но самым пикантным воспоминанием павлодарского рок-фестиваля я считаю следующую картинку, запечатлевшуюся в мозгу.

Ночь. Что-то около трех или четырех часов. «Крематорий» почти в полном составе пытается добраться до своих номеров. Ноги уже не слушаются, поэтому мы друг за другом ползем в нужную сторону по гостиничной стене. В какой-то момент нам навстречу показалась группа «Наутилус» в сходном состоянии – к счастью, они пользовались противоположной стеной. В месте встречи попытались друг друга поприветствовать. Ничего не получилось – с губ срывалось лишь бессмысленное мычание...

По возвращении из Павлодара мы засели за подготовку к записи, и постепенно очертания будущего двойного альбома крематорских хитов становились все более отчетливыми. В принципе, все песни были отточены на концертах, но мы все равно подробно прошли по ним. Большое значение сыграл следующий факт: при введении в состав Андрея Мурашова многие песни получили более филигранные и продуманные аранжировки, так что зафиксировать эти модернизированные версии было весьма своевременно. Планировалось, что студийная работа начнется уже осенью, а точнее в октябре. Мы уже съездили на киностудию имени Горького (где альбом должен был записываться) и обговорили с заведующим тон-студией Николаем Николаевичем Шестовым все подробности будущей записи. Кстати, небольшой нюанс для тех, кто впоследствии критиковал качество записи: мы не имели возможности выбирать студию и звукорежиссера. К сожалению, тон-студия киностудии им. Горького оказалась далеко не лучшим местом для записи рок-музыки...

2 и 3 октября мы опять выступали в Питере. На этот раз залы были меньше «Октябрьского», однако они

были заполнены до отказа. Организаторы выступали в содружестве с одним из отцов-основателей «Аквариума» Анатолием «Джорджем» Гуницким. Он самолично вел концерты и постоянно общался с нами. Кроме того, весь Питер был обклеен афишами, где сообщалось, что одновременно с концертами «Крематория» состоится премьера пьесы А. Гуницкого (названия не помню) для трех персонажей, в которой «роль А. Григоряна исполняет Армен Григорян, роль В. Троегубова – Виктор Троегубов, роль А. Гуницкого – Анатолий Гуницкий». Оказалось, что взятое у нас Джорджем в прошлый приезд интервью об алкоголе и иных творческих стимуляторах (я уже рассказывал, что действие происходило в номере гостиницы «Октябрьская» при участии Алексей Романова из «Воскресения») воплотилось в жанре столь любимого Гуницким хепенинга. Чуть ли не на вокзале он выдал мне и Армену странички текста, который нам предстояло театрализованно исполнить. Правда, на первом концерте нам удалось от этого отмазаться, оправдавшись предконцертной суетой. Но вечером 2 октября мы с Арменом съездили в гости к известному «рок-дилетанту» Александру Николаевичу Житинскому, хорошо посидели, после этого выпивали в гостинице с Джорджем – в общем, следующий день встретили в расслабленном состоянии, так что на втором концерте Гуницкий раскрутил нас на шоу. Правда, мы воспользовались присутствием в зале питерских рокеров Алика Сакмарова и Олега Гаркуши, вытащили их на сцену, и спонтанное действие прошло с их участием. Кстати, без водки и здесь не обошлось. Разглагольствуя о роли алкоголя в творчестве рок-музыкантов, вся компания распила бутылку оной жидкости из пластиковых стаканчиков прямо на сцене. Сразу после концерта мы уезжали из Петербурга, что в

какой-то мере спасало нас от неограниченного гостеприимства наших питерских друзей и фанатов.

Вообще, рок-н-рольное братство (а точнее – встречи с коллегами-соратниками) не способствует умеренному потреблению спиртных напитков. А потому следующие за Санкт-Петербургом гастроли в Липецк (10,11 октября) в этом плане можно считать практически безалкогольными...

Глава XXVI. О ВРЕДЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ВЪЕЗДА В ГОРОД

Я уже говорил о нашем добром сотрудничестве с Михаилом Оразовым – и на московском концерте в «Ладогe», и во время поездки в Тулу. На этот раз он объявился с предложением гастролей в Мурманск. Правда, меня несколько удивило, что «заказывала музыку» организация, не собиравшаяся устраивать концерт в зале: мы должны были трижды выступить в одном и том же клубе! Но я уже давно зарекся анализировать «странности» каждого нашего партнера по концертной деятельности, а потому решил не вдаваться в подробности. Гонорар за выступления соответствовал нашему тарифу, и выдрючиваться в данной ситуации было бы «моветоном».

Из моего предыдущего повествования вы уже знаете, что обычно мы выезжаем на гастроли по стандартному сценарию. Встречаемся где-то в метро, дожидаемся полного сбора всех участников коллектива, а затемдвигаемся в направлении поезда или иного транспортного средства. Изначально выпивать хотят не все, но наличие сугубо мужского коллектива в корне душит все элементы борьбы с собственными пороками, и уже по дороге к поезду начинается покупка алкоголя, в 99,99% – конкретно водки.

В авиаполетах все обстоит почти аналогичным образом, однако наличие впитанной с социалистической юности возможности не войти в самолет «будучи в нетрезвом виде» (тогда Аэрофлот усиленно боролся с пьянством) все же как-то дисциплинирует. Поэтому крематорцы старались как-то соответствовать своему

авиационному образованию (напомню, мы с Арменом окончили Московский авиационный институт, Сараев и Мурашов являлись выпускниками Московского института инженеров гражданской авиации). Четверо из шестерых – довольно много для уважения летающих железяк (я имею в виду самолеты).

Но в тот раз (видимо, что-то неправильное витало в воздухе) все обстоятельства способствовали порочному времяпровождению. А потому в Мурманск мы прибыли в «сильно раскрепощенном состоянии». Конкретно это означает: прерывистые воспоминания, бессвязные разговоры, выпадение отдельных персонажей из числа общающихся и – как следствие – жестокое утреннее похмелье...

Итак, из «фирменного» микроавтобуса, доставившего нас к центральной гостинице «Мурманск», мы выползали с песнями и плясками. Программа неформального общения во время перелета была столь же насыщенной, как и путь от аэродрома, а потому мы быстренько разбрелись по номерам и вскоре спали «без задних ног».

Утром я проснулся (скорее очнулся) с гадким вкусом во рту. Подниматься, а тем более что-то делать, не хотелось. Но походная труба (естественно, воображаемая) неутомимо трубила подъем, и я решил начать день с самого главного: на всякий случай провести свою гитару. О ужас! Ее нигде не было. Я судорожно начал обыскивать свой трехкомнатный номер, но результат был все столь же плачевным. Через десять минут я уже взбудоражил Оразова и остальных крематорцев, требуя от них малейших подробностей нашего ночного прибытия в гостиницу. Оставалась надежда на то, что кто-то из ребят мог захватить мой инструмент в свой номер, либо – это тоже давало шанс – гитара могла остаться в фойе гостиницы, где мы должны были заполнять анкеты постояльцев.

Увы, почти никто ничего не помнил, точнее всем казалось, что гитара – вроде бы – была. Мне уже стал представляться самый худший вариант, и моему отчаянию не было предела. Специально предпринятая когда-то поездка за инструментом в далекую Голландию закончилась банальным алкогольным финалом. Как вдруг – о счастье! – Мишка Оразов, участвовавший в перетряхивании моего номера, закрыл дверь в спальню, и открылась абсолютно незаметная до этого ниша. В ней мирно чернел чехол моей родной «Ямахи».

Объяснение было крайне простым. Вчера я заметил эту нишу и в полубессознательном состоянии бережно поместил в нее гитару. И, конечно, моментально забыл об этом, когда завалился спать. Так собственная глупость обернулась полуторачасовой нервотрепкой...

На самом деле, вчера перегрузились все. Григорян, который всегда достаточно ревниво относился к всевозможным интервью, радио- и телеэфирам, нашел предлог не ехать на мурманское радио и отправил туда меня и Оразова. Пока мы в течение часа изо всех сил рекламировали наши концерты и отвечали на вопросы радиослушателей, остальная компания оттягивалась в гостинице, одновременно слушая нас по радиоприемнику. Вообще, мурманская поездка была организована неплохо. О рекламной поддержке стоит сказать отдельно. На центральной площади города красовалось электронное табло (там же находилась наша гостиница), на котором время от времени высвечивалась информация о концертах «Крематория». Что и говорить, это было приятно.

Мурманские концерты прошли нормально, хотя контингент посетителей клуба оказался весьма специфическим. Да и как могло быть иначе, если концерт начинался около полуночи. Ведь пришедшие зрители автоматически становились пленниками

дорогого заведения до утра. Честно скажу, мне трудно представить типичного крематорского слушателя в качестве посетителя подобного клуба. Но, как бы то ни было, Оразов успешно провел очередное мероприятие «Крематория». А группа уже 19 октября была в Москве. Через неделю должна была начаться работа над будущим альбомом крематорских суперхитов.

Глава XXVII. РЕАЛИЗМ В СТУДИИ ИМ. ГОРЬКОГО

При записи музыкальных произведений в студии инструменталисты обычно работают в следующей последовательности:

- 1) ударные;
- 2) бас-гитара;
- 3) всевозможные ритм-гитары и клавишные;
- 4) солирующие инструменты;
- 5) основной вокал и вторые голоса.

Мы не изобретали велосипеда: запись начал наш барабанщик Андрей Сараев. В большом зале при тон-студии киностудии им. Горького он целый день выставлял барабаны и дотошно отстраивал звук, а со следующего дня начал методично, одну за другой, записывать песни. Я уже говорил, что Андрей постоянно интересуется новинками современного саунда и старается расширять свой технический арсенал. Кроме того, у него ровный и покладистый характер – поэтому никаких претензий к нему ни у кого не возникало – ни по профессиональным вопросам, ни в области человеческих отношений. За несколько смен (единица студийного времени, обычно – 8 часов) он оперативно закончил свою работу. Вообще, барабанщику можно позавидовать в том смысле, что он раньше других членов группы освобождается от записи. После этого ему остается лишь волноваться и давать советы.

Вторым вступил в битву «Сергей Анатолич Третьяков – бас» (так гордо он называет себя сам). Перед этим мы с ним привезли на моем стареньком «жигуленке» басовую колонку, взятую на неделю у бывшего крематорского саксофониста Сашки Куницына.

Третьяков «отбомбился» достаточно быстро. Правда до этого он «запорол» один день записи, как всегда что-то перепутав. Но, в принципе, басовые партии отрабатываются досконально заранее, никакая импровизация в студии недопустима, так что исполнить их чисто (без ошибок) – дело техники басиста.

С гитарой, а точнее с гитарами, все обстоит иначе. В группах без клавишных им отводится большая роль в аккомпанементе, кроме того гитара часто солирует. Поэтому от квалификации гитариста и его умения работать в студии – когда можно записать сразу несколько дорожек – зависит многое, если не сказать ВСЕ. Андрей Мурашов обладает именно необходимым для студийной работы мышлением. В таких случаях результаты работы сильно поднимают настроение всех участников процесса. Никогда не забуду первый мой с Мурашовым альбом «Для Умного Достаточно». Почти все песни с него мы до этого играли на живых концертах, и его игра меня вполне устраивала. Но на запись он явился с какими-то здоровенными листами, где была досконально расписана вся его партитура по отдельным каналам. Когда я спросил у него, сколько же дорожек ему понадобится для гитары, он огорошил меня заявлением, что в некоторых песнях таковых ему будет необходимо восемь. Я просто не мог себе представить, что же возможно зафиксировать на стольких трэках. Но, как только он начал их прописывать, будущая картинка прояснилась. Я сидел и старался не засмеяться от радости. Такой выверенный и совершенный вид приобретали композиции альбома.

Похоже, на этот раз нечто подобное происходило с Арменом. Он пытался не подавать вида, но все его эмоции легко читались на его лице...

Запись всегда занимает много времени, и совмещать ее с гастролями непросто. С другой стороны, во время записи тоже нужно на что-то существовать.

Мы решили подойти к этому вопросу по-новому. В столице сосредоточено огромное количество всевозможных учебных заведений: техникумов, институтов и академий, чьи студенты являются основными потребителями отечественной рок-музыки, в частности «Крематория». Я подгадал, чтобы все наши возможности в этой области сконцентрировались именно на сроки записи. Таким образом, у нас сложился московский мини-тур.

30 октября мы играли в МАрхИ (архитектурный институт). Местные организаторы переусердствовали с количеством билетов, в результате чего полетели стекла на входе. Мне пришлось долго и нудно общаться с каким-то местным должностным лицом, выпячивать грудь и надувать щеки, давая запоздалые обещания.

5 ноября выступили в уже ставшем родным физтехе в Долгопрудном.

11 ноября играли в некоем институте связи, расположенном где-то на северной окраине Москвы.

14 ноября на один концерт выехали в подмосковное Иваново, где местная аппаратура позволила нам лишь акустическое выступление.

Точно не помню, когда Армен заболел, может быть это случилось еще до вышеперечисленных концертов, хотя ручаться за это не стану. Высокая температура помешала ему присутствовать в студии, и где-то около недели вместо него методично контролировал работу в студии я. Вы можете спросить: неужели во время записи на студии присутствует не вся группа? Отвечаю: не вся. Большое количество народа (и мнений) чаще мешает. У каждого свое мнение, порой таковые весьма специфичны. Серегу Третьякова, попытавшегося влезть в процесс со своим специфическим видением музыки и вскоре всех доставшего, просто «отправили» из студии.

Первая серьезная проблема возникла, когда к записи приступил Мишка (наш скрипач). Россровский уже

не раз работал в студии, и опыта ему не занимать. К тому же он обладал очень приличной техникой, но это все поймут лишь годом позже...

Мишка начал с «Сексуальной кошки». В этой песне самый что ни на есть минимальный состав: акустическая гитара + скрипка + 2 голоса. Нет ритм-секции (ударные + барабаны), нет никаких наложений, все предельно приближено к концертному варианту. С трудом Россовский записал свою дорожку. Мне показалось, что он психологически не готов к записи. Концертная игра несколько расхолаживает музыканта, так как небольшие погрешности исполнения сглаживаются акустикой зала и аппаратурными неувязками. Если одна и та же программа исполняется долго (именно так это и было в нашем случае), в какой-то момент наступает психологическая усталость от данных песен, что тоже не способствует повышению исполнительского уровня. В студии, напротив, мельчайшие погрешности становятся видными под микроскопом. Можно сказать, что студийная работа каждый раз «проверяет» профессиональный уровень исполнителя. Я помню, как во время своей самой первой записи в январе 1984 года из-за волнения 12 дублей подряд не мог спеть собственную песню, просто постоянно забывал слова. И это притом, что больше никогда в жизни (и до, и после) я не перепутал в той же песне ни одной буквы.

Увы, Мишка не смог себя правильно настроить. Вместо того чтобы воспринять ситуацию спокойно и тем самым войти в нужный ритм, он начал внутренне комплексовать, нервничать и... как следствие – еще больше ошибаться. Одну песню бросили и начали писать следующую. Что-то не получилось и здесь – перескочили дальше. Подобная чехарда ни к чему хорошему привести не могла, все больше загоняя Россовского в угол. Наверное, в тот момент правильнее

было бы успокоить Мишку, просто подбодрить его. Или, в крайнем случае, просто закончить запись в этот момент и начать ее назавтра со свежими силами. Вместо этого Армен начал предлагать Россовскому предельно упрощать скрипичные партии. Не получается обычная партия – играй простейшую замену!

Мне и тогда казалось, что это – не метод для сложившейся ситуации, а сейчас та история совершенно очевидна... Но тогда я не догадался вклиниться между Арменом и Мишкой. Я просто не мог предположить, что ситуация может перерасти в неуправляемую.

Некоторое время Мишка молча терпел выхолащивание собственных скрипичных партий, и с горем пополам были записаны «Последний шанс» и «Харе Рама» (а также вышеупомянутая «Сексуальная кошка»). В аппаратной зазвучали фразы, выражающие сомнение по поводу того, сможет ли Россовский исполнить нужные партии. В результате обстановка внутренне накалилась, внешне оставаясь почти нормальной. В какой-то момент, когда после прослушивания только что записанного куска Григорян попросил Россовского еще более минимизировать свою партию, Мишка оттолкнул стоявший на стойке микрофон, уложил скрипку в кофр, оделся и молча, ни с кем не простившись, ушел один в холодную ноябрьскую ночь. Уже в тот момент, когда он начал одеваться, все впали в некое оцепенение. Мурашов попытался что-то выдать из себя, но тут же осекся. Молчание длилось до тех пор, пока в дальнем коридоре не замолкли отголоски мишкиных шагов. В этот момент Армена прорвало: «Жид чертов! Всем решил насрать...». Не хочу вспоминать всю эту речь, думаю, краткий отрывок вполне передает ее смысл. Я понимаю, что в наибольшем напряжении запись держала именно Армена, и он сорвался просто от этого напряжения. Но

ведь это не оправдывает грубости. Я не хочу никому быть судьей, надеюсь, что хотя бы с сегодняшней дистанции Григоряну стыдно за то свое поведение. Самого верного своего сторонника, в течение девяти непростых лет считавшего Армена всегда правым, Григорян просто облил словесными помоями. Этот факт вряд ли стоит комментировать.

...Если отрешиться от эмоционального восприятия, итог того дня был следующим: в самой середине записи группа лишилась музыканта, на котором лежала половина музыкальной «отделки» крематорских композиций. Правда, поздним вечером того же дня Григорян позвонил мне и стал настаивать, чтобы я уговорил Мишку закончить запись. У меня было паршивое настроение, и я высказал Армену свое отношение и к его поведению в студии, и к прозвучавшим текстам. В ответ он начал нести какую-то чепуху по поводу того, что Мишка завел подружку и скоро бросит жену. Это окончательно доконало меня, и я сказал Григоряну, что уж это – точно не его дело!..

Положив трубку, я понимал, что Мишку не заменит никто. Даже наличие в пределах досягаемости скрипача группы «Дым» Вадима Саралидзе, имевшего консерваторское образование и хорошо знавшего репертуар «Крематория», могло решить проблему лишь отчасти. Ведь именно в мишкиной скрипке жила душа группы – поверьте, я говорю это не для красного словца.

Я позвонил Россовскому и попытался убедить его, что эта запись нужна не только Григоряну, обидевшему его, но и всем остальным крематорцам. Тщетные попытки. Его позиция была твердой и обдуманной. Долгие девять лет он слепо верил Армену во всем, считая вставших на путь конфронтации с Григоряном неправыми. Теперь, оказавшись в положении изгоя, он познал горькую истину и прозрел...

Так когда-то познал ее я (когда впервые покинул «Крематорий»), так позже «прозревали» Дима Бродкин, Серега Пушкин, Олег Лагутин, может быть, Куликов с Куницыным, наверное – Виктор Осипов.

«Крематорий» уже не был тем кругом друзей и единомышленников, каким он являлся поначалу. Теперь все были полностью зависимы от лидера, а правильнее сказать – хозяина группы. Все работали на него, а он считал такое положение дел абсолютно естественным. Остальные крематорцы понимали (да и сейчас знают это), что каждый из них находится в группе лишь до тех пор, пока поддерживает Григоряна и не нарушает его имущественных интересов. Любое вольнодумство – или хотя бы собственное мнение – не приветствуется. Кроме того, все музыканты «монополизированы», и им запрещается параллельная работа в других музыкальных коллективах. За свое место в «известной» группе «Крематорий» каждый должен платить утраченной свободой и «молчанием в тряпочку».

Не знаю, может быть, в других командах положение еще хуже? Надеюсь, что это не так.

Участвовать в дальнейшей записи альбома Мишка отказался наотрез. В результате он исполнил лишь 3 песни («Сексуальная кошка», «Последний шанс» и «Hare Rama»), а остальные были сыграны срочно призванным Саралидзе. Я мог горько усмехнуться: в абсолютном большинстве песен альбома суперхитов «Крематория» сольные партии исполняли гитарист группы «Дым» Андрей Мурашов и скрипач того же «Дыма» Вадим Саралидзе. Правда, на красивой фотографии «Крематория», помещенной на развороте «Двойного альбома», Саралидзе нет, и свое законное место занимает Мишка Россовский. Но номера сыгранных Вадимом одиннадцати песен скрупулезно указаны на вкладке к альбому.

Глава XXVIII. ВОРОНЕЖ 1987 - 1993

18 и 19 ноября мы опять концертировали в Харькове. Мишка Россовский согласился отработать с «Крематорием» уже заряженные концерты, хотя в отношении записи его позиция оставалась прежней. Да и не поднимался больше вопрос о записи. Григорян, успокоенный тем, что Саралидзе согласился участвовать в записи, не дергался. Он уже не рассчитывал на Россовского – все равно тот вскоре должен был уехать из страны. Раньше или позже встанет вопрос о новом скрипаче... и его нужно будет решать. Почему бы не сделать это сразу?..

Так и сохранялась эта двойственная ситуация: на концерты мы ездили с Мишкой, а в студии его функцию выполнял Вадим Саралидзе. Кстати, как я и предполагал, консерваторское образование не смогло заменить изначального крематорского импульса, которым обладал Россовский. Вадим скрупулезно выполнял все то, что от него требовалось, и я думаю, что лучший скрипач мира не сделал бы большего. Но Мишка был одним из создателей крематорского музыкального языка, и только он один знал на сто процентов, где и что нужно было играть. Даже Григорян после записи скрипичных партий был вынужден признать, что Мишка незаменим.

21 и 22 ноября «Крематорий» выступал в Воронеже. К этому городу у меня всегда было особое отношение, ведь именно сюда группа впервые выехала на тогда еще нелегальные гастроли в далеком 1987 году.

В тот раз, в 1987, мы наслаждались первым выходом на новый – междугородний – уровень. Нас не волновали деньги, и я хорошо помню, что наш друг и – по совместительству – директор Дима Бродкин

договорился следующим образом: «Крематорий» должен хорошо оттянуться в течение двух дней, в этом случае гонорар не потребуются. Во время проводов на вокзале в Москве два наших приятеля (Кряб и Аблаев) после прощальных возлияний не удержались и поехали с нами, скрываясь от проводницы на багажной полке. В Воронеже нас ждал теплый прием и накрытый стол. Выступали мы в удаленном от центра города клубе, а все мероприятие торжественно называлось «рок-фестивалем». На второй концерт приехала милиция, собиравшаяся прикрыть мероприятие. Когда милицейские машины остановились, из них вышла целая команда, во главе которой шла женщина-милиционер в майорской форме. Я в тот момент пребывал в крайне раскрепощенном состоянии и сказал что-то типа: «Какая красивая женщина! Давайте сфотографируемся на память». Смешно, но эта глупая фраза спасла воронежский рок-фестиваль. Майорша поняла, что рокеры – не идеологические диверсанты, а нормальные ребята, не дураки выпить и с вполне нормальными инстинктами. Меня с ней сфотографировал какой-то местный фотоумелец, после чего она дала команду, и милиция колонной отбыла к месту своей обычной дислокации. Эх, если бы эти строки прочел тот воронежский фотограф, что тогда снял нас, и прислал мне то историческое фото на адрес редакции!..

На том фестивале было еще много веселого, и у меня долго валялась пленка с записью того нашего выступления. В паузах между песнями мы говорили много разного. Так Армен настоятельно просил каких-то людей в зале выключить скорее всего несуществующий генератор...

В 1993 году все было иначе. Никакой конспирации, весь город увешан нашими афишами. Оба концерта

аншлаговые, публика ловит каждое слово, каждую музыкальную интонацию. Ужасно приятно.

После концерта нас пригласила в гости дальняя родственница Третьякова (а может, Серега как всегда насочинял). Мы сидели в уютной квартире, пили редкий для тех времен коньяк, ели что-то очень вкусное домашнего приготовления и кайфовали по полной программе. Мне кажется, в тот вечер мы все как один были влюблены и в этот дом, и в его симпатичную хозяйку. Только не подумайте, пожалуйста, ничего плохого. Хозяин сидел тут же, так что наша «страсть» так и осталась в платонической области.

Вечером мы пешком возвращались в гостиницу в прекрасном настроении, и казалось, что на свете не существует никаких проблем...

29 ноября состоялись два акустических концерта в Калуге...

4 декабря играли в подмосковном Троицке (опять акустику). Я уже говорил, что концерты в Троицке устраивал Сергей Смирнов. Он очень обязательный и неглупый парень, но в тот раз отнесся к организации выступления чересчур спокойно. Возникли мелкие проблемы, после чего мне по долгу службы пришлось отчитать его. С директором «Крематория» он не спорил. Не будет спорить и при дальнейших контактах, коих будет немало. Свой злопамятный характер он покажет уже после моего ухода из «Крематория», когда, будучи директором клуба «Не бей копытом», скажет моему новому гитаристу: «Троегубовская группа «Дым» в моем клубе выступать не будет никогда!». Ну что ж, жизнь обычно сама в нужный момент наказывает глупцов...

5 декабря мы полным составом играли в Институте нефти и газа, в просторечьи – «керосинке». Все концерты того периода проходили неплохо, но этот особо удался. Вначале возникли какие-то проблемы с аппаратурой. К моменту, когда публику стали запускать

в зал, еще не все колонки были даже расставлены на сцене. Так что коммутация аппаратуры и настройка звука происходили при полном зале. Но к тому времени концертная программа была настолько отточена, что зрители, невольно вовлеченные в рабочий процесс, смогли собственными глазами и ушами почувствовать контраст разминки и тут же начавшегося концерта.

Глава XXIX. ВОПРОС О ТИРАЖЕ «ДВОЙНОГО...»

Инструментальная часть записи подходила к концу. Мурашов потрудился на славу, и очертания фундаментального (в масштабах «Крематория») альбома уже начали прорисовываться. Саралидзе тоже внес свою толику. В двух песнях, «Маленькой девочке» и «Реанимационной машине, тряхнул консерваторским фортепиано наш финансовый гений Михаил Адамов. Надо сказать, он вообще отдавал этому проекту много времени и постоянно торчал на студии с нами. Партии акустических гитар я и Армен записывали каждый в своих песнях. Единственным исключением, где были записаны и его, и моя гитары, стала песня Майка «Дрянь». И то моя партия была записана лишь потому, что гитары Армена оказалось недостаточно: он играл во вступлении какой-то усеченно-утрированный вариант. В общем, подходила пора записывать голоса...

Да, хочется сказать два слова о составе альбома. Кроме 21-го супер-известного крематорского хита, со всех без исключения номерных альбомов группы – кроме «Зомби» – в «Двойной альбом» были включены вышеупомянутая «Дрянь» (как долг памяти ее автору) и абсолютно новая песня «Адольф». Кроме того, Армен специально написал двухминутную вступительную зарисовку «Проходящие мимо», которую на вкладке к будущему альбому я назову «Вергилием в мире Абсолютного Крематория».

Одновременно с продвижением работы обсуждался и вопрос тиража. Напомню, что в случае с данным альбомом мы впервые имели дело не с бесконтрольным монополистом в лице фирмы грамзаписи «Мелодия». Фирма Измаила Островского сама заказывала тираж

напрямую на Апрелевском заводе грампластинок, к тому времени ставшем совместным предприятием «Апрелевка-Саунд Инк.». Михаил Адамов, являвшийся представителем фирмы-заказчика, хотел отпечатать сразу 100.000 экземпляров. Григоряну такой вариант казался правильным, и в этом вопросе он полностью поддерживал Адамова. Я тоже хотел, чтобы такое количество продалось, но существовали определенные мысли, настраивавшие менее оптимистично.

Дело в том, что времена дешевых «мелодийных» пластинок, распродаваемых миллионными тиражами, уже прошли. Себестоимость производства виниловых дисков сильно выросла, что значительно увеличило розничную стоимость пластинок. В нашем случае – двойной альбом – стоимость увеличивалась еще в два раза. Продать сто тысяч таких пластинок в 1993 году было труднее, чем в 1991 – два миллиона экземпляров. К тому же худо-бедно вслед за всем миром и наша страна стала тянуться к таким высококачественным звуковым носителям как компакт-диски. Виниловые пластинки давно уже морально устарели, и с большим тиражом можно было «сесть в лужу».

Мне не хотелось беспредметно спорить с Григоряном и Адамовым, а потому я предпринял следующее. Я пригласил к нам на студию известного рок-продюсера Дмитрия Гройсмана, известного всей стране по работе с такими группами, как «Бригада С», «Алиса» и «ЧайФ». В то время Дима уже занимался вопросами оптового распространения музыкальной продукции (в частности пластинок) фирмы «Фили», и кто как не он мог дать нам полезный совет. Его мнение было однозначным: «Печатать 100 тысяч экземпляров бессмысленно. Закажите тридцать тысяч и, когда двадцать из них продастся, – допечатаете еще. В противном случае вы будете терять деньги даже на аренде складского помещения для большого тиража...».

В этих словах было столько практического смысла, что Адамов начал колебаться. И в этот момент сыграла роль привычка Армена всегда оставлять последнее слово за собой. Сколько я с карандашом и бумагой в руках ни доказывал экономическую эффективность небольшого тиража с последующими допечатками по сравнению с одномоментным стотысячным тиражом, он упрямо хотел выпустить 100.000 пластинок.

Впоследствии сама жизнь докажет глупость такого решения, и не менее 30% тиража, то есть около 30 тысяч пластинок будет просто выкинуто на помойку.

Глава XXX. ФЕСТИВАЛЬ

Во второй декаде декабря в Екатеринбурге (бывшем Свердловске) должен был состояться рок-фестиваль, в котором должны были принять участие все монстры отечественного рока. «Крематорий» также был приглашен в Екатеринбург, и 16 декабря мы в полном составе двинулись в аэропорт Домодедово. Из Москвы мы должны были лететь вместе с московской половиной группы «Алиса», а коллективный билет на всех вылетающих из столицы находился у сопровождающего группу представителя фестиваля.

Когда мы поставили свой багаж на пол перед табло Домодедовского аэропорта, было впору чертыхаться. Рейс задерживался на несколько часов, и провести их предстояло в переполненном пассажирами здании. Мы стояли в вялой неопределенности, когда подъехали Костя Кинчев и клавишник «Алисы». Мы поздоровались, и я сообщил Косте о задержке нашего рейса. «Ну что ж, значит будем развлекаться», – сказал Кинчев.

Уже через двадцать минут вся компания собралась в маленьком стоячем пивном баре на пять-шесть столиков, находившемся на площади аэропорта. Началось все с пива, потом хозяева заведения раскусили инкогнито своих гостей и «закрыли» бар, чтобы поплотнее пообщаться с передовым отрядом отечественного рок-н-ролла. Тут в ход пошли более крепкие напитки, и через три часа компания покидала гостеприимную гавань в великолепном настроении, но с некоторыми потерями. Наш гитарист Андрей Мурашов смог преодолеть двухсотметровый путь к месту регистрации лишь с посторонней помощью. Но не тут-то было. Служащие Аэрофлота не хотели пропускать

Мурашова на посадку в самолет, и он устроился спать прямо на мраморном полу.

Ситуация становилась патовой. Шло время, а решить вопрос с посадкой Мурашова никак не удавалось. К этому моменту все прошли регистрацию и оказались в помещении-накопителе, а представитель фестиваля тщетно пытался договориться по поводу крематорского гитариста.

Я, как и все, стоял в накопителе и судорожно соображал, что же еще можно предпринять. Вдруг я увидел, как один из работников аэропорта с сигаретой в руке вышел в дверь, расположенную позади проверяющего проездные документы сотрудника. Я попросил у кого-то из наших сигарету (сам курю крайне редко) и шмыгнул в ту же дверь. Ровно двух минут было достаточно, чтобы кое-как подхватить бесчувственное тело и мурашовскую сумку (гитару взяли раньше). Сквозь ту же дверь я без суеты протащил Андрея и скинул его подоспевшему Третьякову. Через несколько минут мы уже ехали на аэродромном автобусике к самолету. Но самым смешным в той ситуации стало то, что в самолет не пустили того самого сопровождающего екатеринбуржца.

В самолете, который, к сожалению, выполнял транзитный рейс, нас стали рассаживать на пустые места. Мы начали протестовать, угрожая в противном случае залечь в конце последнего салона и перекрыть доступ в туалет. Кинчев с оживающим Мурашовым продемонстрировали стюардессе, как мы собираемся это сделать. Но силы уже были на исходе, и экипаж сумел переспорить нас. Через двадцать минут вся наша компания уже дремала в летящем в сторону Уральского хребта лайнере...

Я уже говорил, что за кулисами рок-фестивалей идут многочисленные попойки, посвященные встрече коллег-друзей. Так уж сложилось, что в Е-бурге мы

проводили время, в основном, с «Алисой». Может быть, это произошло из-за совместного домодедовского старта, а может быть, на то были иные причины.

Концерты проходили во дворце спорта. В качестве конферансье выступали хозяева: «чайфовцы» Шахрин и Бегунов. В каждом концерте выступали две группы, и «Крематорий» оба раза играл с «Аквариумом». Я уже рассказывал о предыдущих контактах наших групп, так что желание попасть в один концерт было обоюдным и объяснялось тем, что слушатели обеих групп не являлись друг другу антиподами... Наш первый концерт должен был состояться лишь 18 декабря, а «Алиса» играла на день раньше. Я обычно не слушаю на фестивалях выступления других команд. Просто нет такой потребности. Но на этот раз наше общение подтолкнуло меня посетить выступление «Алисы».

На концерт группа собиралась с трудом. Все были одновременно взвинчены и утомлены круглосуточными возлияниями. Костя показывал почти йоговские навыки. Несмотря на тридцатиградусный мороз, он направился к автобусу, перевозившему артистов из гостиницы в зал, босиком и в сценической майке, живописно разорванной от самого плеча. В районе пояса болталась мощная металлическая цепь... У дворца спорта милицейская охрана попыталась не пропустить музыкантов в гримерку, мотивируя свои действия полной невменяемостью группы. Организаторам все же удалось завести «Алису» и сопровождающих в гримерку, обычно являвшуюся раздевалкой для хоккеистов, – пол был резиновым, чтобы удобно было ходить прямо в коньках. «Если эти подонки не выйдут на сцену, – брызгал слюной милицейский майор, – я отправлю этих «артистов» прямо в вытрезвитель!». Никаких сомнений в том, что он способен это сделать, не возникало...

В примерке-раздевалке группу ждал стандартно выставлемый организаторами ящик пива. Когда музыканты стали пить его, показалось, что сейчас они поочередно начнут ломаться. Ситуация больше всего напоминала палату сумасшедшего дома. Басист Петр Самойлов брнчал на гитаре и орал что-то залихватское. Два юных «алисомана», на перекладных добравшиеся до Екатеринбургa, пытались что-то выпрашивать у зомбиобразных музыкантов. Кинчев... Что делал Костя, не помню. Я пил пиво, смотрел на все это как бы со стороны и понимал, что наша группа на гастролях, видимо, представляет из себя нечто подобное...

Начался концерт. Музыканты, которые только что еле добрались до сцены, встряхнулись... и зазвучала музыка. Я никогда не любил «алисовской» музыки, но всегда уважал мастеров любого жанра. На сцене работала Группа с большой буквы. И в данном случае народная мудрость «мастерство не пропьешь» оказалась верной... На следующий день играл «Крематорий», и я думаю, что обстановка не сильно отличалась от описанной выше.

Вечером после концерта мы сидели в номере у Пети Самойлова. Из крематорцев кроме меня были Россровский, Мурашов и, по-моему, Сараев. Из музыкантов «Алисы», кажется, присутствовал барабанщик Михаил Нефедов. Были две «алисоманки» в фирменных майках «Алисы» (может быть забыл кого-то еще).

Сидели, выпивали. Разговор уже разбился на локальное общение, лишь я и Самойлов вели шутливую пикировку по поводу «крутизны» наших команд.

– Смотри. Девки сидят в наших майках, – говорил Петр.

– А ты обрати внимание, какие к майкам приколоты значки, – отвечал я, показывая на крематорские значки.

Мы выпили еще по одной. Похоже, Петя не мог пока найти новых аргументов.

– Я, вообще-то, лучше чувствую себя без одежды, – сказал он, разделся догола и снова сел за стол.

Мне ничего не оставалось делать, как...

– Ты знаешь, я – тоже идейный нудист, – и я стал раздеваться.

Все вокруг захохотали, а мы выпили еще по одной. В этот момент закончилась очередная бутылка водки.

– Ерунда, – сказал Петр, – сейчас сходим в ресторан!

– Без проблем, – поддержал его я, и мы голышом вышли из номера в коридор.

Только когда мы дошли до лестницы, спускавшейся вниз, к ресторану, нас заставила вернуться в номер бесспорная истина, которую сообща кричали нам Мишка Россовский и Андрюха Мурашов.

– Где у вас деньги? На вас же нет ни одного кармана!..

Вот так весело и непринужденно проводят рок-музыканты свой досуг. Правда именно в тот день Самойлов случайно сломал несколько пальцев на правой руке, и на следующем концерте на бас-гитаре пришлось играть Шаталину. А Петра коллектив в наказание лишил зарплаты за пропущенное выступление. Но потери были не только у Самойлова. Кто-то приделал ноги моей кожаной куртке, так что, можно сказать, я тоже выступал на фестивале бесплатно.

Еще запомнился наш второй концерт с «Аквариумом». Это был неофициальный финал фестиваля. Мы отыграли свое отделение, уступили сцену «Б.Г.-бэнду» и сели в гримерке пить вино. В какой-то момент Григорян сообщил мне, что из «Аквариума» поступило предложение-пожелание, чтобы я и Армен вышли на две последние песни и поучаствовали в импровизированном джеме. Не скрою,

я воспринял подобную инициативу как добрый знак и признание крематорских заслуг. Согласитесь, «Аквариум» – легендарная группа, и быть на сцене вместе с ними – большая честь. Вспомнив старинную фишку группы «Високосное лето», я взял у нашего барабанщика Андрея Сараева барабанную палочку и освободившуюся бутылку из-под вина и с подобной перкуссией мы вышли на сцену. Звучала песня «Она Может Двигать», мы с Арменом пристроились к микрофону Олега Сакмарова и втроем дружно пели вторые голоса. Эх, жаль, что у меня нет этой видеозаписи! Ну, даст бог, еще когда-нибудь найдется...

Одним из вечеров, сидя за бутылочкой, я рассказал Кинчеву нашу старую историю про «книгу мертвых». В двух словах: еще на заре крематорской карьеры один из моих знакомых принес мне великолепную амбарную книгу некоего кладбища (или крематория). На багряном фоне тисненными золотом буквами было написано:

КНИГА РЕГИСТРАЦИИ ЗАХОРОНЕНИЙ.

Я сразу же придумал, что в эту книгу мы будем записывать наших друзей, а после смерти все зарегистрированные соберутся на волшебном корабле, где и проведут загробную жизнь дружно и весело. Конечно, в этом присутствует элемент кощунства, но, согласитесь, фишка красивая. Косте история понравилась, и мы договорились, что в Москве он тоже внесет свое имя в наш реестр. К сожалению, на гастролях мы встречаемся чаще, чем в столице, а потому этому деянию не суждено было воплотиться. Но время у нас еще есть, ведь «книга мертвых» до сегодняшнего дня находится у меня, а список тот является частицей крематорской летописи.

Завершая рассказ о Екатеринбургском фестивале, хочу заметить, что во всем этом мероприятии присутствовал столь редкий для 90-х дух рок-н-

рольного братства. Но все хорошее когда-нибудь кончается. Пора было возвращаться в Москву, к финальной стадии нашей записи.

Глава XXXI. ПЕНИЕ И СВЕДЕНИЕ

То ли зимние холода, то ли невозддержанность в употреблении алкоголя, – а может, все вместе, – подточило силы моего организма, и я заболел. А ведь уже пришла пора петь вокальные партии «Двойного альбома». Почему так всегда бывает: всю осень и начало зимы я был в отличной вокальной форме, а в момент, когда пришла пора зафиксировать голос на магнитной ленте, я был способен лишь хрипеть.

Я уже говорил, что в конце 1987 года несколько месяцев просидел с несмыканием связок, даже дома переписываясь с близкими, не говоря о полном отказе от какого бы то ни было общения, включая телефонные разговоры. Через несколько месяцев я начал говорить, но полностью восстановился гораздо позже. После всей этой истории простудные заболевания горла стали вышибать меня из пения на пару недель, и еще около месяца я подходил к стопроцентной форме.

И надо же так случиться, что в самый ответственный момент у меня не было именно физической готовности к пению. Тем не менее, студия уже была заказана. Сколько я ни тянул с началом своей работы, существовали запланированные сроки, нарушить которые не мог никто. Настал момент, когда пришлось встать перед микрофоном в тон-студии, хотя – чисто физически – я мог спеть лишь в половину от своих нормальных возможностей. Вы спросите, в чем это выражалось? Во-первых, я не мог взять своих же высоких нот. Во-вторых, уже через двадцать-тридцать минут после старта я начинал хрипеть. Приходилось отмалчиваться и отпиваться чаем, по крохам собирать уходящие силы и начинать все сызнава. Так, шаг за шагом, через боль и усталость, были спеты основные

голоса в трех песнях и многоголосия в восемнадцати песнях...

С 14 января началось сведение. Первые дни оно шло параллельно с записью последних вокальных партий, а потом все уже было сыграно и спето. Да, забыл сказать про то, что партию флейты в песне «Таня» сыграл проезжавший через столицу флейтист «Аквариума» Алик Сакмаров, таким образом «отметившийся» и в «Крематории» (кроме «Аквариума», Алик играл еще в нескольких коллективах, наиболее известными из которых являлись «Наутилус Помпилиус» и «Выход»). А 26 января «Двойной альбом» был сведен полностью, и песни переписаны на кассету уже в последовательности, которая потом будет реализована на виниловой пластинке. В тот же день мы начали отмечать окончание работы, хотя все чертовски устали. Благо, что предстояли гастроли на близкий нам Русский Север: в Северодвинск и Архангельск. Именно там мы надеялись не только отыграть концерты, но и расслабиться в кругу добрых друзей. Но это совсем другая история, которой я полностью посвящаю следующую главу.

Глава XXXII. ВОЛОГОДСКАЯ ЭПОПЕЯ, ИЛИ ДОЛГИЙ ПУТЬ В СЕВЕРОДВИНСК

То ли в 1996, то ли в 1997 году, выступая в передаче «Акулы пера», Армен Григорян на просьбу одного из журналистов рассказать об истории избиения милицией группы «Крематорий» в поезде дальнего следования поведал всей стране лихую историю об удалом «Крематории». Исходя из этого рассказа, проводница вагона (в коем ехала группа), удивленная невиданными футлярами музыкальных инструментов, спросила: «Что везете, ребята?», а лидер коллектива Армен Григорян ответил: «Спирт везем, мать!». Купившаяся на эту шутку проводница вызвала транспортную милицию, которая, не разобравшись в ситуации, с удовольствием отметелила столичных музыкантов и высадила их из поезда на станции Вологда. Но самым анекдотичным – по версии Григоряна – явился финальный диалог Григоряна с милицейским следователем, состоявшийся в вологодском вытрезвителе.

– Так где и в каком количестве перевозится вами спирт? – грозно спросил опер.

– Одна бутылка, и находится в желудке, – ответил остроумный Армен.

Такова – близко к тексту – озвученная Григоряном на передаче «Акулы пера» история. А теперь позвольте мне скрупулезно пересказать события того дня без обобщений и прикрас. Правда, правда и только правда.

28 января был ясный зимний день, один из тех, что внушают оптимизм самим состоянием природы (или погоды). Поезд, которым мы должны были выехать на северные гастроли, стартовал с Ярославского вокзала

около полудня. Обычно города, в которые мы ездили поездом, находятся на расстоянии одной ночи езды от столицы. Это удобно. Вечером садишься за стол в купе, раскладывается закуска, откупоривается бутылочка. Красота... а через пару часиков разомлевшие участники группы отправляются на боковую. Все чинно и мирно.

На этот раз даже раннее отправление предвещало сюрпризы. Из моего предыдущего рассказа вы уже знаете, что в группе существовал абсолютно непредсказуемый в подпитии Серега Третьяков. Но не только в нем было дело. Остальные были тоже не дураки выпить и погулять, к тому же – я уже говорил – на сей раз для «праздника» существовал идеальный повод. Студийная работа над «Двойным альбомом» измотала всех, а что может быть лучшим для снятия стресса, чем мощная попойка в кругу друзей.

Читатель, склонный к анализу, может попытаться поймать меня на слове. Мол, что это автор то критикует употребление алкоголя, то хвалит подобное употребление как чуть ли не лучшее лекарство? Каюсь, друзья мои, ибо сам грешен! Как часто Добро взывает к нашему рассудку, а Зло усмехается, зная, что не в силах человеческих справиться с соблазном.

Поезд тронулся, и перрон потихоньку побежал назад. К этому моменту на столе уже была разложена закуска, заботливо собранная женами музыкантов. Тут же красовалась бутылка водки, еще одна или две пребывали в качестве резерва, стыдливо прячась в сумках. Места на столе явно не хватало, так как треть стола занял небольшой кассетный магнитофон с двумя отстегивающимися колонками. Заботливо перемотанная дома кассета содержала полную фонограмму только что записанного и сведенного альбома. Прослушивание и трапеза с возлияниями начались одновременно.

Скажу вам честно, все пирушки крематорской компании к тому времени лично мне уже набили

оскомину. Я всегда был сторонником большой доли импровизации во всех процессах, включая застолье. А у группы к тому времени выработался настолько определенный сценарий попойки, что заранее было известно, кто и что скажет после каждой дозы алкоголя. Согласитесь, порой подобное однообразие утомляет. Поэтому, минут через сорок после начала, выпив лишь несколько рюмок, я ушел в наше второе купе (соседнее) и сел читать книгу. Это было не так уж просто. Через каждые пятнадцать-двадцать минут, по дороге к курительному тамбуру, кто-нибудь всовывался и звал меня к столу. Но я все же пытался углубиться в книгу, хотя делать это становилось все труднее. Слышащиеся через переборку голоса ребят становились все громче – алкоголь неумолимо делал свое дело. Я понял, что уже несколько минут всецело погружен в их разговоры, хотя глаза мои продолжают скользить по буквам на странице. Я захлопнул книгу и отправился к честной компании...

Лишь когда мы выпили еще по паре рюмок, я понял, что вскоре празднование закончится. Было всего лишь четыре часа дня, но все уже были сильно навеселе. Мурашова по дороге в тамбур стошнило прямо в коридоре, и, можно сказать, это стало началом конфликта. Дело в том, что еще в самом начале нашей поездки проводница вяло попыталась подселить кого-нибудь на два пустых места в наше купе. Но мы решительно сообщили ей, что не для того покупали билеты на два полных купе, чтобы с кем-то соседствовать. Тогда она недовольно удалилась, но сейчас ее претензии были куда более реальными. Во всем вагоне гуляло лишь крематорское купе, так что виновник происхождения блевотины вычислялся моментально. Проводница появилась в дверях купе и спросила, кто «набезобразничал в коридоре». Ответом была общая пауза, потом Андрюха Мурашов проямлил,

что мы здесь ни при чем. Говоря по чести, тогда все еще можно было остановить. Проводница предложила убрать в коридоре, и конфликт был бы исчерпан. Но алкогольный дурман не оставлял никаких шансов для мирного разрешения спора. Когда проводница удалилась, оставшиеся в сознании продолжили банкет, хотя его течение становилось все более хаотичным. Кто-то уже лег спать, остальные пытались «веселиться». Я отошел в тамбур покурить, а когда вернулся, узнал неприятную новость. В мое отсутствие приходил поездной милиционер – в то время с каждым пассажирским составом для поддержания порядка ездил такой персонаж. Не знаю точно, что именно он услышал от остававшихся в купе, но смысл этой речи выражался коротким русским выражением «иди ты на х..».

Не подумайте, что мы всегда путешествовали со столь наглыми закидонами. Обычно все происходит мирно и спокойно, и на моей памяти это, пожалуй, было самым крайним проявлением хамства со стороны нашей компании. Я подчеркиваю: именно компании, ведь каждый нес свою долю ответственности. А насчет хамства – это тоже правда. В вагоне ехало множество пассажиров, и, наблевав в коридоре, Андрей «плюнул в душу» каждому. Вообще, в данной ситуации мы больше всего походили на стаю пьяных гопников...

Я еще надеялся, что все обойдется. Заставил всех ещедвигающихся укладываться спать. В этот момент любой поездной вор мог грабить «Крематорий», одновременно громко распевая песни, – никто бы не очухался. Поэтому я растолкал Мурашова и попросил его закрыть купе изнутри. Он обещал мне это, перемежая слова счастливым смехом идиота. Через несколько минут я подошел к двери купе и спокойно распахнул ее – все спали. Лишь с третьей попытки удалось добиться, чтобы дверь была закрыта и

заблокирована на защелку. Я пошел в свое купе, закрыл дверь и через какое-то время тоже заснул. К тому моменту часы показывали лишь начало седьмого...

Проснулся, а точнее очнулся, я от удушья. И лишь только открыл глаза, как их нестерпимо стало щипать. Со своих полок поднимались столь же недоумевавшие ребята. Дверь в купе была приоткрыта, но ограничитель не давал ей открыться дальше. «Немедленно откройте двери!» – грозно командовали из коридора. В подобной ситуации вряд ли стоило упрямыться, и кто-то из нас открыл защелку. В тот же миг в купе ворвались люди в противогазах и начали метелить нас руками, ногами и дубинками. Полуодетые, мы пытались прикрывать голову и другие наиболее уязвимые места, но, боюсь, это получалось не слишком хорошо. Через пару минут, дав выход своей кровожадности, менты – а это, конечно, были они – закончили избивать нас и приказали в одну минуту собрать вещи и выйти из вагона. Никаких слов они не слушали, напротив любой звук сулил говорившему лишний удар. Менты торопились – поезд стоял на станции Вологда чуть больше пяти минут. Уже к середине этого срока, через три-четыре минуты после начала антитеррористической милицейской операции, мы выходили из вагона. На перроне на тридцатиградусном морозе переступал с ноги на ногу, без куртки и в одних носках, наш звукооператор Сергей Овсянников, первым вышвырнутый из вагона. Он тут же надел вынесенные вещи, и нас повели к зданию вокзала, где находилось отделение транспортной милиции. К этому моменту Андрею Мурашову свернули на бок нос, Григоряну разбили лицо и поломали очки, Серегу Третьякова, которого невозможно разбудить сразу, просто огрели несколько раз по спине резиновой дубинкой. Один из ударов попал ему по нервному окончанию на локте, после чего он долгое время ощущал боль в руке. У меня

тоже было разбито лицо, кроме того, тщетные попытки увещевать милиционеров подарили мне несколько ударов ногами по туловищу...

Если в самом начале избиения никто из нас еще ничего не понимал – со сна и от действия слезоточивой «Черемухи», то сейчас уже мысли удалось как-то систематизировать. Несмотря на то, что мы вели себя не лучшим образом, действия ОМОНа были явно неадекватными правонарушению. Что касается применения слезоточивого газа в пассажирском вагоне как ответ на заблеванный коврик – это, вообще, ни в какие ворота не лезет, а с точки зрения правомерности применения является противозаконным...

Нас ввели в помещение милицейского пункта, и навстречу поднялся немолодой дежурный в чине старшины. Считая себя наиболее дееспособным (как наименее выпивший), а также являясь директором группы, я произнес старательно заготовленную фразу: «Товарищ старшина! Мы – музыкальный ансамбль из Москвы. То, что нас в столь грубой форме сняли с поезда, – незаконно...». Я мог привести еще много аргументов в нашу пользу, но один из конвоировавших нас сержантов ударил меня по лицу. Попытка диалога была прервана, причем старшина не только не остановил сержанта, но еще и прочел нам пятиминутную лекцию, из коей следовало, что все москвичи – говно, суки и так далее.

Минут через пятнадцать нас посадили в прибывшую милицейскую машину и отвезли в местный вытрезвитель. В приемном помещении нас встретили два милицейских сержанта, а за почти барной стойкой сидела и что-то писала женщина – майор медицинской службы. Невзирая на риск снова получить по лицу, я вновь попытался сделать заявление. На этот раз меня не прервали, хотя на мою речь никто как бы не прореагировал. Откуда ни возьмись появился мужчина в

белом халате, из-под которого виднелись форменные милицейские брюки. Он назвался медэкспертом и попросил Григоряна встать. Мне не совсем понятно, почему он выудил именно Армена, предположу – фамилия Армена оказалась первой по алфавиту. Итак, группа сидела на лавке у стены, за стойкой напротив находилась майорша и еще один работник вытрезвителя чином помельче, слева и справа тусовались конвоировавшие нас милиционеры, а на середину медэксперт вывел Армена и попросил встать в позу Ромберга.

Для тех, кто не в курсе, поясню, что такое поза Ромберга. Стоя с закрытыми глазами так, что ступни ног расположены на одной линии: мысок одной – к пятке другой, вы вытягиваете руки вперед и растопыриваете пальцы. Затем вас просят указательным пальцем каждой руки дотронуться до кончика носа. Обычно эта поза применяется для определения состояния опьянения или сотрясения мозга. И в том, и в другом случае очень трудно сохранять равновесие, а уж тем более попасть в кончик носа с закрытыми глазами.

Казалось бы, не происходило ничего особенного, но вдруг Армен зарыдал. Это была настоящая истерика, вызванная всей гнусностью ситуации, в которую мы попали, и нашим полным бесправием. Шестеро тридцатилетних граждан, допустивших глупость, может быть даже хамство, явно не заслужили зверского избиения и столь колоссального унижения. Воцарилась полная тишина, прерываемая лишь звуками рыданий. И поверьте, мне не было стыдно за «слабость» Армена. Рискну предположить, что стыдно стало ментам, а может быть они к таким сценам уже привыкли.

Всеобщее замешательство длилось недолго, после чего мы как могли успокоили Григоряна. Милиция вроде бы тоже поняла, что перегнула палку. Нас повели в некое подобие класса, где стояли парты, раздали

бумагу, ручки и заставили писать что-то типа объяснительных по поводу происходивших событий. После этого мы по очереди отвечали на вопросы, которые следователь протоколировал. Как и следовало ожидать, основной вопрос, волновавший милицию, состоял в том, сколько каждый из нас выпил алкоголя. Это было ясно, ведь для мотивированного оправдания снятия нас с поезда и избия ментам требовалось зафиксировать наше сильное опьянение, на которое можно было бы списать любые правонарушения. Я успел предупредить ребят, чтобы они не признавали употребления алкоголя, но в результате все кроме меня подтвердили, что пили либо пиво, либо совсем немного водки. Я же написал, что даже не пригубил алкоголя.

Уже во время кутерьмы с протоколами к нам относились намного мягче: разрешали общаться и выходить курить. Кое-кто из милиционеров брал автографы и выпрашивал пластинки. Но самое удивительное произошло после составления протоколов. Нас... отпустили. Вдумайтесь: людей арестовали с применением слезоточивого газа, цинично избили, ссадили с поезда, допускали рукоприкладство даже в отделении милиции, отвезли в вытрезвитель, зафиксировали какую-то стадию опьянения, чтобы сразу после этого выпустить! Такое возможно только в «совке», где вначале не подумав наколют дров, а потом, испугавшись собственных перегибов, дают задний ход...

По нашей просьбе, той же машиной, что доставила нас в вытрезвитель, нас отвезли на железнодорожный вокзал. Было около одиннадцати вечера. Следующий поезд, двигавшийся в необходимом нам направлении, должен был появиться лишь в пять утра, так что мы смогли встретиться лицом к лицу с двумя участвовавшими в поездной операции милиционерами. Я предупредил, что их «подвиги» не останутся безнаказанными, и попросил их предъявить документы.

Это были: рядовой Анатолий Анатольевич Дресвянин и младший сержант Сергей Аркадьевич Голиков. Встреченный нами пожилой старшина из отделения транспортной милиции, потворствовавший тому, что его подчиненный ударил меня, предъявить свое удостоверение испугался.

Около шести утра поезд увез нас из столь негостеприимной Вологды, однако следовал он лишь до Архангельска, и добираться дальше нам пришлось на перекладных. В вечерней мгле мы вышли на перрон в конечной точке нашего следования – в Северодвинске, где и были встречены организаторами концертов. От них мы узнали массу подробностей. Во-первых, из редакции одной из местных газет они звонили в Вологду, что несколько озадачило и напугало вологодские органы внутренних дел. Во-вторых, поезд, которым мы должны были приехать, встречал оператор с видеокамерой, заснявший рассказы пассажиров из нашего вагона о поразившем всех штурме наших двух купе и неоправданном милицейском произволе. Женщины говорили, что в течение еще нескольких часов у пассажиров, особенно у детей, была резь в слизистой оболочке глаз и текли слезы. После получения подобных новостей и осознания факта нашего опоздания организаторы отменили первый концерт, запланированный на 29 января. Два других выступления, 30 и 31 января, прошли нормально для публики, хотя нам это далось с большим трудом, чем обычно.

На следующий день после приезда я настоял на том, чтобы в травматологическом отделении одной из северодвинских больниц были зафиксированы: множественные ссадины и кровоподтеки на теле и конечностях, ушибы шеи и грудной клетки, синяки на лицах, перелом носа, травматологический неврит плечевого нерва и даже гематома на половом члене. Я

не оговорился: на посещении травматолога мне пришлось настоять. После того как все произошло, участники группы были полны желания восстановить справедливость. Для этого я, после нашего возвращения в Москву, собирался предпринять ряд конкретных действий, чтобы хоть как-то наказать милиционеров – участников «штурмовой группы». Но уже в первые часы нашего пребывания в Северодвинске настроение в группе стало меняться. Ребята говорили: «Чего мы можем добиться? Ничего у нас не выйдет!». Запал прошел, возобладало впитанное с молоком матери неверие в торжество справедливости, особенно если собираешься добиваться ее официальным путем...

Но зачастую мой характер не позволяет мне останавливаться на достигнутом. Но что же я мог сделать?..

Когда мы вернулись в Москву, я первым делом связался с редакцией «Московского комсомольца», в результате чего на первой странице газеты в рубрике «срочно в номер» появилась короткая заметка о приключившейся с группой неприятности. Почти одновременно в передаче «Московский телетайп» московского телеканала появился репортаж со студии им.Горького, где несколько участников «Крематория» рассказали о милицейском нападении и продемонстрировали свои травмы. Вскоре информация о совершившемся появилась еще в нескольких изданиях, теле- и радиопрограммах.

Но это еще не все. Я составил заявление в министерство внутренних дел, где изложил все обстоятельства произошедшего в нужном нам ракурсе – «стрелять так стрелять!» (для тех, кто хочет прочесть это заявление полностью, я помещаю его в приложении к данной главе). К заявлению были приложены вырезки из газет, а в конце документа красовалась печать официально зарегистрированного акционерного

общества «Крематорий». А это уже не просто сборище физических лиц, фирма – лицо юридическое. Но и этого было мало. Я не хотел, чтобы какой-нибудь чиновник положил нашу бумагу под зеленое сукно, поэтому решил пробиться на прием к заместителю министра внутренних дел. Узнав адрес приемной, я записался на прием и в назначенное время явился в здание, расположенное недалеко от метро «Сухаревская».

Я поднялся по ступенькам к подъезду небольшого особняка, открыл дверь и назвал свою фамилию вахтеру. Меня проводили в сумрачный зал с высоким потолком, где ожидали приема еще десять-пятнадцать человек. Через какое-то время из кабинета вышел уже прошедший процедуру посетитель. Невооруженным глазом было заметно, что он недоволен результатами беседы, а междометия, ежесекундно вырывавшиеся из его уст, явно указывали, что он продолжает спорить с обитателем кабинета. Спустя десять минут та же история повторилась со следующим просителем. В общем, ни у кого из выходявших я не заметил хоть какого-нибудь удовлетворения. Наконец настал мой черед. С папкой наперевес я вошел в логово государственного чиновника высшего уровня.

Кабинет был довольно вместительным, в нем нашлось место длинному столу из темного дерева, бравшему свое начало от стола хозяина, и весьма значительному свободному пространству, забранному ковровой дорожкой багряного цвета. Во главе стола восседал один из руководителей Министерства внутренних дел Дунаев, чуть ближе, по обе стороны от него, расположились два его сотрудника – видимо, референты. Меня пригласили присесть, и я начал излагать суть дела. Рассказ мой – как и наше заявление – кроме фактов содержал эмоциональную окраску случившегося (читайте текст заявления в конце главы). По ходу рассказа три моих собеседника прерывали меня

частными вопросами, и я сообщал интересовавшие их подробности. Когда я подошел к финальной части своей речи и заявил, что «к сожалению, средства массовой информации уже сообщили о данном акте милицейского произвола», Дунаев прервал меня словами: «Знаем. Уже читали!». В этот момент я понял, что последовательность предпринятых мной действий была абсолютно правильной. Высокий милицейский начальник уже не мог просто так отмахнуться от всего произошедшего.

Из кабинета Дунаева я выходил окрыленный. Мне было обещано служебное расследование, после которого виновные будут строго наказаны, вплоть до увольнения из милиции. Забегая вперед, скажу, что это обещание было выполнено. Уже через месяц мне позвонил следователь ярославской прокуратуры, ведущий данное дело. Вначале он просил всех пострадавших приехать для дачи показаний в Ярославль. Но после того как я мотивировал невозможность нашего приезда в сей славный город, он сам приезжал в столицу и беседовал с участниками группы. Также было проведено опознание нападавших по фотографиям, в общем прокуратура серьезно взялась за дело. Точного финала истории я не знаю, но по собственным каналам мы узнали, что после суда все милиционеры из «штурмовой группы» были уволены из министерства внутренних дел. Если бы правоохранительные органы столь же щепетильно контролировали действия своих сотрудников во всех случаях, российские граждане не ощущали бы себя абсолютно беззащитными и рэкетируемыми дважды: и бандитами, и милицией, поставленной на защиту добропорядочных россиян.

~~Полный текст заявления в МВД:~~

*В Министерство внутренних
дел Российской Федерации*

от музыкантов московской
рок-группы «Крематорий»
в лице директора группы и
Акционерного общества
«Крематорий» В.А.Троегубова,
проживающего по адресу: _____
З А Я В Л Е Н И Е

Мы, нижеподписавшиеся участники московской группы «Крематорий», просим компетентно разобраться в хулиганских действиях работников линейного отделения милиции станции города Вологда. Нам по роду наших занятий довольно часто приходится гастролировать по стране и контактировать с представителями милиции (по обеспечению безопасности и порядка на концертах). Но сегодня авторитет и профессионализм работников МВД серьезно пошатнулся в наших глазах и в глазах очевидцев произошедших событий (а также всех, кто узнал и узнает о них из средств массовой информации).

В 12 часов дня 28 января 1993 г. наша группа в составе шести человек села на поезд Москва – Северодвинск. Так как мы возим с собой дорогостоящие инструменты, то всегда покупаем два полных купе, чтобы никак не контактировать с посторонними. Несмотря на наличие восьми билетов, проводница пыталась посадить к нам еще двух пассажиров, однако мы отказали ей в этом. Видимо, это и стало причиной последовавшего позже (через 9 часов) вызова работников милиции. Сочиненное ею заявление о якобы происходившем в нашем купе дебоше (заявления мы не видели, нам отказались дать его прочитать) видимо, содержало нечто такое, что работники милиции сочли правомерным действовать методами, присущими разве что супербоевикам или военным действиям.

Приблизительно в 21:30, когда мы уже спали, кто-то начал ломиться в двери купе. Одновременно со стуком в

вентиляционные отверстия дверей был впрыснут какой-то газ. Проснувшись от шума и удушья, мы стали вскакивать с полок и пытаться выскочить в коридор, где нас дубинками встречала «доблестная» милицмейская дружина (шесть или семь милиционеров).

Высочивший первым из купе Сергей Овсянников после нескольких ударов по лицу был вышвырнут на перрон, где под охраной двух конвоиров и провел босиком, без верхней одежды, около пятнадцати минут на двадцатиградусном морозе. Лидер группы Армен Григорян успел сказать всего лишь три слова: «В чем дело?», и тут же его начали избивать (разбито лицо, сломаны очки). Сергей Третьяков еще спящим получил несколько ударов дубинкой. О его травмах (и травмах остальных участников группы) чуть позже. Я, директор группы Виктор Троегубов, даже после первых ударов убеждал работников милиции остановиться и разобраться, но в ответ на это меня выволокли в коридор и на глазах ошарашенных пассажиров начали избивать ногами. НИКТО ИЗ НАС НЕ ОКАЗЫВАЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ И НЕ ОСКОРБЛЯЛ РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ!

Нас ссадили с поезда и доставили в о/м станции г. Вологда. Я, как старший в административном отношении, обратился к находившимся там работникам милиции с просьбой поговорить с дежурным по отделению. Из-за стола дежурного поднялся старшина в возрасте около 45 лет (назваться отказался). Один из сержантов при нем крикнул: «Заткнись!» и ударил меня по лицу. После этого старшина прочел нам десятиминутную лекцию о том, что все москвичи – суки! Не хочется повторять всех слов, которыми он поносил (почему-то) жителей столицы. На просьбу объяснить причину нашего избиения у нас перед носом помахали листочком, на котором действительно было что-то

написано. Через 15 минут нас отправили в вытрезвитель.

В медвытрезвителе мне опять было отказано в общении со старшим по званию, однако отношение к нам уже изменилось. После составления протоколов о том, что мы находимся в состоянии легкого опьянения (после того, чем нас опрыскали, можно было фиксировать любую степень), нас той же машиной доставили на вокзал. Тридцатиминутное пребывание в вытрезвителе сопровождалось выпрашиванием пластинок и автографов, но выдать нам заключение о травмах (либо просто о стадии опьянения) отказались. Кстати об алкоголе: мы действительно пили днем пиво, которое, как и любые другие алкогольные напитки, официально продавалось в буфете нашего поезда. Но все происходило культурно и очень тихо в нашем же купе. Если выбирать критерием то, что от человека пахнет пивом, то посадить можно было бы 60% пассажиров поезда. Кстати, лично я не выпил ни капли, но это никак не повлияло на действия работников МВД.

В течении 6 часов ожидания на вокзале следующего поезда мы видели нескольких «героев» налета. У двоих из них хватило смелости (или уверенности в безнаказанности), и они предъявили свои удостоверения:

Дресвянин Анатолий Анатольевич, рядовой,
Голиков Сергей Аркадьевич, младший сержант.

Вышеупомянутый старшина, также встреченный нами на вокзале, назваться отказался.

30.01.93 в травматологическом стационаре больницы № 2 города Северодвинска были зафиксированы: множественные ссадины и кровоподтеки на теле и конечностях, ушибы шеи и грудной клетки, синяки на лицах, а кроме того: перелом носа, травматологический неврит левого плечевого нерва, гематома на половом члене. К сожалению, кроме

вышеперечисленных физических повреждений, были нанесены и душевные травмы. В государстве, ратующем за правовую демократию, шестеро тридцатилетних граждан были оскорблены и унижены до крайней степени без какой бы то ни было причины.

Никто из нас никогда не обращался в органы МВД с жалобами, но сейчас, чтобы оградить от действий конкретных «стражей правопорядка» и их издевательств других людей, мы просим разобраться в конкретной ситуации и наказать виновных. К сожалению, сор уже вынесен из избы, и эта история уже просочилась в средства массовой информации (газета «Московский комсомолец», телепрограммы «Московский телетайп» и «Музыкальный обоз», радиопрограммы), но мы надеемся, что это не повлияет на Вашу объективность. Просим сообщить о результатах Вашего расследования по вышеуказанному адресу. Заранее благодарим. На всякий случай сообщаем наш юридический адрес: _____

Заявление составил директор АО «Крематорий»

_____ /подпись/ В. А. Троегубов

Руководитель группы «Крематорий»

_____ /подпись/ А. С. Григорян

17 февраля 1993 г. /печать АО «Крематорий»/

Глава XXXIII. ВЫХОД «ДВОЙНОГО...»

Сейчас смотрю на гастрольный график «Крематория» в 1993 году и не могу понять, почему следующие концерты после северодвинских и архангельских состоялись лишь через два месяца? Казалось бы, и так черт те знает сколько сидели в студии, работали, даже отказывались от выездов – должны бы были поднакопиться концерты и поездки. Объяснений может быть несколько. Ну во-первых, зализывание ран после вологодских ментов отняло какое-то время. Во-вторых, я всецело отдался антимилицейским интригам, не думая ни о чем кроме мести, и на это время отвлекся от директорско-административных функций. А может быть, дыра в концертной работе просто выпала на февраль – март. Правда, эта пауза в какой-то степени оказалась к месту. Дело в том, что именно на конец марта были запланированы презентации «Двойного альбома» в Москве и Питере, так что некий «голод» фанов был нам лишь на руку. Единственный концерт, прошедший в феврале 1993-го, был акустическим и проходил в помещении бывшей Высшей партийной школы...

Презентация «Двойного альбома» в Москве должна была состояться на концертах 26 и 27 марта в ДК им. Горбунова – главной рок-сцене столицы. Потенциально концерты рассматривались как генеральная репетиция перед десятилетием «Крематория», которое мы планировали на осень. Мартовские презентации «Двойного альбома» проводились при помощи уже упоминавшегося центра досуга «ОРМО», возглавляемого уже знакомым читателям Михаилом Оразовым. Кстати, сам Михаил с аккомпанирующей

группой выступит в начале концерта, так называемом «разогреве».

Но вернемся к сути события. Фирма «Апрелевка – Саунд Инк.» (бывший Апрелевский завод грампластинок) в новых экономических условиях выполнила свои обязательства перед заказчиками в лице Измаила Островского и Михаила Адамова: пластинки были отпечатаны в срок, и полиграфический их уровень был весьма добротным. На лицевой стороне обложки красовался герб «Крематория», на котором два крылатых слона с флагами охраняли длинную трубу крематория. Перед входом в сие кирпичное здание лежала шляпа, рядом с которой красовались эмблемы каждого участника группы. У Григоряна – армянская буква А, у меня – мой вечный трезубец, символ Сереги Третьякова объединил в себе начальные буквы его фамилии, имени и отчества и его инструмента – такая монограмма из букв Т,С,А и Б. Остальным, доселе не имевшим своих значков, срочно пришлось их придумать.

Когда вы раскрывали обложку альбома, во весь разворот шла огромная поясная фотография группы – по трое на каждый квадрат. Фотография отпечаталась темновато, но для названия группы такая мрачность была уместной. Мы все были одеты в черное, сливавшееся с неконкретным черным фоном, и лишь у меня на груди сюрреалистично блистал стальной крест. Кстати, у этой фотографии есть смешная предыстория. Фотограф пригласил нас на съемку в студию, расположенную неподалеку от метро «Пролетарская». В назначенное время в назначенном месте собрались все участники группы за исключением... угадайте, кого? Правильно! Отсутствовал лишь Серега Третьяков. Прошло полчаса, и фотограф начал «метать икру»: он договорился с хозяином студии на ограниченное количество времени, явно не планируя чье-либо

опоздание. Как вы понимаете, у участников группы, явившихся на «Пролетарскую» ранним утром, было отнюдь не благодушное настроение. Группа старалась сделать обложку недорого, и не в наших интересах было подводить фотографа. Стали звонить Сереге. Долгое время никто не брал телефон, и мы надеялись, что он уже в пути. Но вдруг, после очередного набора семи цифр, трубку сняли, и серегин голос промычал что-то невнятное. Оказалось, что в предыдущий вечер наш басист загулял, в результате чего очнулся в абсолютно нетрезвом состоянии только от нашего звонка. Армен скомандовал ему срочно брать такси и срочно ехать к нам. Когда Третьяков появился, он был еще пьян, так что ему стоило больших усилий изобразить из себя трезвого. Попробуйте взглянуть в его лицо на этой фотографии, после того как услышали данную историю. Гарантирую, развеселитесь.

На задней стороне обложки альбома изображен колумбарий, где в 24-х нишах расположены пылающие огни, и под ними – названия конкретных песен, расположенных на двух пластинках.

Кроме всех вышеперечисленных элементов оформления, альбом содержал двустороннюю вкладку с сопроводительным текстом. С одной стороны были указаны все названия песен, авторы, состав музыкантов и всех других людей, участвовавших в создании пластинки. Кроме того, здесь же было помещено много стебной информации, которая, к великому сожалению, при дальнейшем издании «Двойного альбома» на компакт-диске «выпала». Так что, я с полным правом кое-что опубликую здесь, тем более что автором данной вкладки являлся я сам.

Итак, для любителей закулисной информации сообщалось:

***Записано: 26 октября 1992 г. - 24 января 1993 г.
в звукоцехе киностудии им. Горького (экс-***

Пешкова) в Москве.

Сведено: 14 - 26 января 1993 г. там же.

Обмыто: 26 октября 1992 г. (Москва) - 28 января 1993 г. (поезд Москва - Северодвинск). Гранд-финал - на станции Вологда, где альбом был омыт кровью и опрыскан «Черемухой».

Абсолютное большинство песен, записанных на этих двух виниловых дисках, являются современными версиями крематорских хитов, впервые выходявших на магнитоальбомах: «Винные мемуары», «Крематорий II », «Иллюзорный мир», «Кома», «Клубника со льдом». Дело в том, что многие из этих песен до настоящего момента существовали лишь в магнитных записях криминального качества, и выходом этого альбома мы отдаем им наш многолетний долг. Впервые на виниле издаются такие давно известные хиты, как «Маленькая девочка» и «Реанимационная машина», «Клаустрофобия» и «Посвящение бывшей подруге», «Гончие псы» и « Sky », блюз «Наше время» и «Винные мемуары». Мы старались относиться к нашим «старичкам» бережно, не перегружать аранжировками, оставив их в виде, максимально приближенном к изначальному...

Часть из представленных на «Двойном альбоме» вещей уже выходила на пластинках фирмы «Мелодия» в первые перестроечные годы, но тогдашняя цензура не давала возможности выпустить их в оригинальном и полном виде. Ярчайшим примером является наша любимая «Таня», лишь на этом альбоме изданная с первоначальным авторским текстом. А «Сексуальная кошка» на «Мелодии» вообще подверглась кастрации, переродившись в обыденную «Кошку».

КРЕМАТОРИЙ сообщает: версии «Двойного альбома» окончательные, обжалованию не подлежат!..

Из Будущего, а точнее из следующего крематорского альбома «Танго на облаке» явился «Адольф». Это досрочный подарок всем, кто нас слушает и любит...

Впервые (опять - впервые!) на крематорских винилах издается «чужая вещь». «Дрянь» - дань памяти любимому нами Майку Науменко...

«Проходящие мимо» - написана специально для этого альбома. Пусть эта песня станет вашим Вергилием в Мире Абсолютного Крематория! Следуйте за нами...

Согласитесь, подобные комментарии сами по себе достойны внимания! А на второй стороне вкладки вообще синтезировался новый литературный жанр. Набор традиционных благодарностей переродился в артистичный литературный стеб. Но набор шутливых фраз содержал вполне определенный подтекст, который я хочу расшифровать:

ОГРОМНОЕ СПАСИБО:

России - за «Америку» (имеется в виду, что в песне «Америка» используется частушечная последовательность аккордов) , **Армении** - за «Эльзу» (в основе песни «Безобразная Эльза» заложен лейтмотив армянской народной песни) , **немецкому бюргерству** - за «Клубнику со льдом» (лейтмотив этой песни заимствован Арменом из немецкой песенки) **и сосиски с капустой, япошкам** - за «Ямаху» (в то время я играл на гитаре этой японской фирмы), **Джиму Моррисону** - за песню « *Love Street* » (продолжительная музыкальная цитата из данной песни дважды проигрывается в крематорском блюзе «Гончие псы»), **еврейскому народу** - за **Мишку Россовского, Востоку** - за « *Hare Rama* ». Великому

**рок-н-рольному народу - «неграм» - за все
остальное!**

**Кондратию - за ночную водку и утреннее пиво!
Алкоголикам, способным летать, - за Космос.
Женщинам - за любовь. Лео Фендеру - отдельное
спасибо от гитариста** (наш гитарист Мурашов играл на
гитаре фирмы Fender, основателем которой и был
легендарный Лео Фендер) . **Спасибо капитану
«Стремного корабля», что он еще ждет! Спасибо
Эдисону - за граммофон и лампочку** (Эдисон изобрел
фонограф, тем самым начав эру звукозаписи) . **Ленину
- за электрификацию всей страны!**

**Спасибо Rolling Stones , Дженис Джоплин, Т .
Rex и Doors**(Вышеперечисленные исполнители в том
же порядке фигурируют в песне «Таня»). **Джими
Хендриксу и Deep Purple , Led Zeppelin и Beatles ,
Creedence , Slade (особенно от Виктора), Queen ,
Black Sabbath (старому, с Оззиком) и Оззи Осборну
(современному. без Black Sabbath). Спасибо
Вольфгангу Амадеевичу Моцарту и Иоганну
Себастьяновичу Баху! Спасибо «Оловянным
солдатыкам», «Високосному лету» (Рите Пушкиной
персонально - за текста), «Машине времени»,
Градскому, Юрию Морозову, Майку и «Зоопарку»,
Б.Г. и «Аквариуму», «ДДТ», «Кино», «Урфин
Джюсу», «Воскресению», «Алисе» - всем, кого мы
слушали и с кем пили!**

**Спасибо Минздраву - за то, что «он»
предупреждает. Спасибо собакам - за верность, а
кошкам - за независимость. Special thanks Леониду
Ильичу Брежневу - за безмятежное пионерское
детство и ежедневное пиво с креветками! Спасибо
длинноволосым Братьям и Сестрам - за Веру и
Любовь! Спасибо Кириллу и Мефодию - за
письменность. Огромное спасибо Эдгару По,
Валерию Брюсову, Кафке (от Армена), Ильфу и**

Петрову, Гашеку, Булгакову, маркизу де Саду, Хемингуэю и Воннегуту, Саше Черному (от Виктора). Спасибо Салману Рушди - за смелость! Спасибо Фрейду, Юнгу, Франклу и папе с мамой! Женам и детям - за терпение. Родным, друзьям и близким - за помощь и понимание.

Максимальная благодарность всем тем, кто не оказал никакого влияния на наше творчество!

Спасибо всем, кто нас любит и кому небезразлично то, что мы делаем.

Спасибо тем, кого мы забыли поблагодарить! А также всем Живым и Мертвым, разбросанным в пространстве и ставшим пеплом! Спасибо прошлому - за Жизнь, а будущему - за Смерть!

Крематории всех стран - объединяйтесь!

Пей до дна!

Аминь!

Вот такое странное получилось нечто, в окончании которого – то ли тост, то ли заклинание.

К тому моменту времени этот альбом был наиболее совершенным крематорским продуктом – и по оформлению, и по набору песен. На двух московских концертах он был продан в количестве, сулившем быстрый оборот вложенного капитала. Прогуливавшийся в фойе ДК им. Горбунова финансовый продюсер проекта Михаил Адамов радостно потирал руки. Затраты его фирмы стремительно начали возвращаться.

Наш договор с фирмой «Оскон» был составлен таким образом, что первым делом отбивались затраты. Лишь после этого «Крематорий» начинал получать свои дивиденды. Единственное, что нам удалось получить сразу, – это авторские, рассчитанные по устраивавшей обе стороны схеме. Так что уже через несколько дней авторы песен – я и Армен – встретились с тем же Адамовым на предмет получения первого нашего

авторского гонорара за «Двойной альбом». Мы приехали на моем стареньком ВАЗ-21013, Адамов прибыл в «ушастом» «запорожце». Из его рук в наши перекочевала огромная для нас в те времена рублевая сумма, тут же обмененная нами на 1200 долларов (или около того), которые мы тут же поделили пропорционально количеству песен. В тот день у группы была репетиция, на которую мы с Арменом из-за всех этих финансовых действий опоздали, но это уже не играло роли. Мы с Арменом были возбуждены получением первого нашего существенного гонорара, закупили водки с закуской и устроили маленький сабантуй в нашем репетиционном подвальчике на Каланчевской. Не упомню всех радужных перспектив, которые высказывались тогда за дружеским столом, особо запомнилась полушуточная, полусерьезная фраза Армена: «Ну вот я и стал миллионером! Надеюсь, скоро вы ими станете тоже».

Да, в 1993 году в нашей стране стать обладателем одного миллиона рублей (или всего лишь одной тысячи долларов) было не так уж трудно. Но ведь больше всего в этом было именно горечи. Ведь отечественным «рублевым миллионерам» было так же далеко до настоящего капиталистического миллионера, как гитаристу отечественной рок-группы до Джимми Пейджа.

А концерты-презентации «Двойного альбома» – и в Москве (26 и 27 марта), и в Питере (3 и 4 апреля) прошли неплохо.

Глава XXXIV. НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ

В предыдущей главе я обмолвился о планах по проведению концерта, посвященного десятилетию группы. На самом деле первые мысли о проведении юбилейного концерта впервые были озвучены ровно за год до самого концерта. Как-то прямо во время выступления, между песнями, Армен заявил залу, что входные билеты данного концерта можно будет использовать для того, чтобы попасть на крематорское десятилетие. Таким образом он, ни с кем не посоветовавшись, проявил довольно рискованную инициативу. Как только мы вышли за кулисы, я спросил у Армена, на какие деньги он собирается арендовать аппаратуру и зал для концерта десятилетия? Дело в том, что в те годы хозрасчет уже стоял во главе угла организации любого концерта. Нашей группе, не состоявшей ни в одном творческом союзе или иной организации, вряд ли кто-нибудь собирался сделать подарок в виде ассигнований на проведение подобного, бесплатного для публики, концерта.

Армен, который никогда не умел признавать свои ошибки (в данном случае необдуманные действия), тогда гордо ответил мне: «Приглашать гостей на день рождения за деньги – стыдно!». Но сообщать публике о бесплатном проходе на концерт десятилетия группы по сегодняшним билетам стал гораздо реже, примерно один раз на десять концертов...

В середине апреля съездили на один концерт в Чебоксары. Почему-то не оказалось удобного прямого поезда Москва – Чебоксары, поэтому нас встречали на какой-то другой станции и оставшийся отрезок, километров этак в шестьдесят, везли на автобусе. По пути встречавший нас молодой чуваш (Чебоксары –

столица Чувашии) угощал нас бронебойным пивом «Букет Чувашии», по крепости сравнимым разве что с вином. Андрей Мурашов метко сравнил этот напиток с пивом, долитым водкой. Выступали мы, как это ни странно, в некоем подобии ночного клуба. Только это был не клуб для «новых чувашей», а обычная ночная тусовка с концертом и дискотекой. Желающих проводить время подобным образом набралось немного – зал был заполнен в лучшем случае на половину. Ну что ж, в истории любой группы есть столь же неграмотно организованные выступления. Приходится перешагивать через отрицательные эмоции и с бравым видом следовать дальше...

Следующие гастроли звали нас в Кишинев. Я уже рассказывал, как мы выступали на проходившем в этом городе в мае 1992 года рок-фестивале «Рок-индепендент». На сей раз нас звали туда на сольные концерты. Правда, обстановка в Молдове была не самой удачной для гастролеров. Экономика этой сельскохозяйственной страны явно не справлялась с проблемами переходного периода от социализма к капитализму. В то время как в наиболее развитых российских регионах жизнь все больше поворачивалась лицом к гражданам, ситуация в этом сельскохозяйственном раю все более усложнялась. Заработной платы не хватало даже на самое необходимое для жизни, так что мечтать о каком-либо серьезном заработке в Молдове группе не приходилось. С другой стороны, отказываться от поездки в город, где «Крематорий» искренне любили, не хотелось. К тому же группа была не занята в эти числа, так что мы решили прокатиться в Кишинев, чтобы попить хорошего винца и погреться на жарком южном солнышке. Напомню, что конец апреля в Молдавии – это то же, что начало июня в Москве.

Нешуточность молдавских экономических трудностей заставила меня и организатора концертов Славу Дынго буквально выкраивать каждую копейку. Чтобы снизить расходную часть предстоящих гастролей, пришлось расселять группу по частным квартирам – как вы понимаете, это не самый удобный для проживания вариант. Но, как бы то ни было, настал миг, когда поезд, увозивший группу в Молдавию, стартовал с Киевского вокзала.

Ехали как всегда весело. Слава богу, не так «весело», как в Северодвинск. Выпивали. С нами поехала старая приятельница Армена Дарья (его будущая вторая жена), что отрядно разнообразило компанию и заставляло всех быть более собранными и культурными. В пути произошли две истории: одна веселая, другая печальная. Посыл и для первой, и для второй дал проводник нашего вагона. Этот странный персонаж был абсолютно завернут на идеях общества «Память» и персоне его предводителя Дмитрия Васильева. Из его уст постоянно сыпались сентенции о жидках и прочих иноверцах. У нас не было знакомых в рядах «Памяти», поэтому мы растерялись и, к сожалению, не послали проводника куда следовало сразу. Правда, первая история скорее развеселила всех нас. В какой-то момент я вдвоем с Дарьей вышел в тамбур перекурить. Откуда ни возьмись появился проводник и снова начал «загружать» нас своими «понятиями в национальной сфере». А надо вам сказать, что в нашей славной столице, видимо, проживает мой двойник, входящий в число завсегдатаев тусовки «Памяти». Почему я так решил? Да потому, что проводник обращался ко мне так, будто время от времени пересекался со мной в тех кругах. В какой-то момент он прямо сказал, что видел меня в штабе у Васильева. Я не стал разубеждать его в том, что он с кем-то перепутал меня. Наоборот, я даже немного

поддакивал ему поначалу. Но вскоре наступило время разыграть его. Дождавшись паузы в его антисиионистской лекции, я заявил, будто Дим Димыч (я где-то слышал, что именно так Васильева называют соратники) в настоящий момент рассматривает вариант новой «партийной» концепции, которая видит в евреях союзников общества «Память». Проводник лишился дара речи, Дашка давилась от смеха, стараясь не «расколоться», а я продолжал фантазировать. Вернувшись в купе, мы в красках передали – насколько нам позволял прорывающийся хохот – весь разговор с проводником вагона.

На одной из следующих остановок Григорян и еще несколько наших вышли размять ноги, а по возвращении Армен начал активно возмущаться очередными антисемитскими речами проводника: во время загрузки в вагон тот успел вновь выплеснуть кучу гадостей. Серега Третьяков, выросший в простой среде, в народе, которому годами, еще при царизме, внушался постулат «бей жидов, спасай Россию», не понял, о чем идет речь, и вякнул под руку подвыпившему лидеру что-то типа: «И нам без евреев только лучше будет!». Григорян, изумленный подобной противофазой собственного бас-гитариста, не сдержался и при всех обидел Серегу (не буду уточнять как именно). В общем, через несколько минут мажорный настрой компании был полностью нарушен. Серега покинул купе, а следом за ним по одному – якобы чтобы покурить – стали разбредаться и другие участники группы. Настал миг, когда в купе с Арменом остались только трое: Дарья, я и оператор группы Сергей Овсянников. Причем вся эта троица пыталась объяснить Армену, что он совершает ошибку. Ну погорячился, с кем не бывает! Но ведь исправить оплошность проще простого. Даже прощения просить не надо, выпей с Третьяковым и скажи что-нибудь типа: «Ладно, Серега! Всякое бывает». Но

Григорян заерепенился: «А чего он евреев оскорбляет? А как же наш друг Мишка Россовский?». Тут я и сказал Армену, что Россовский здесь ни при чем, и что он сам (Армен) в горячие моменты тоже допускал отнюдь не безобидные слова в адрес того же Мишки. Но, как я уже говорил, не каждый умеет исправлять свои оплошности или хотя бы признавать их. И я тотчас услышал от Григоряна, «что слишком разговорился и сам могу в два счета вылететь из группы». Всему есть свой предел, и я сказал:

– Зачем же вылетать? Я могу покинуть «Крематорий» свойственным для человека способом, то есть уйти ногами!

После этого я «стрельнул» у Овсянникова сигарету и вышел в тамбур. Там было жутко накурено: с момента ухода из купе все смолили одну за другой и обсуждали происшедшее. Причем абсолютно все – Мурашов, Россовский и Сараев – были единодушны и расценивали оскорбление Третьякова как нечто недопустимое. Но больше всех неистовствовал Серега, который хотел идти собирать вещи и выходить на ближайшей станции для возвращения домой.

Такая резкая позиция никого кроме Сереги не устраивала, и все наперебой уговаривали его одуматься. Я тоже включился:

– Серега, ты едешь выступать не для Армена, а для кишиневской публики. Тебя ждут! И, кроме зрителей, ты подведешь всю группу. Отыграй концерты, и, если к тому моменту ты не изменишь своего решения, я постараюсь отправить тебя в Москву самолетом.

Мы уговаривали Серегу не меньше часа, и лишь после того вернулись в купе. Армен уже спал, а мы хлопнули по маленькой и начали укладываться. После всей этой истории на душе у всех было гнусно и муторно...

Утро было замечательным. В окна светило яркое южное солнце, и даже ритмичный стук колес являлся жизнеутверждающим. Казалось, что вчерашняя история – некое недоразумение, не стоящее выеденного яйца. Проще всего было бы изобразить, что ничего не произошло вообще. Но выражение лица Сереги Третьякова вряд ли стоило игнорировать, тем более что он нашел момент напомнить мне об обратном билете.

Армен, напротив, вел себя как ни в чем не бывало. Не без ощущения ирреальности происходящего я спросил, хорошо ли он помнит предыдущий вечер. Он ответил утвердительно, добавив, что в чем-либо виноватым себя не считает. Дальнейший разговор на эту тему становился абсолютно бессмысленным, и единственное, что я сделал, – это сказал Григоряну, что хочу поселить его с Дарьей в одной квартире с Серегой, а там пусть сами выясняют отношения. Против этого он не возражал, и я надеялся, что неразрешимая ситуация под влиянием обыденного хода событий рассосется сама собой.

Встречавшие нас устроители концертов на автобусе развезли нас по квартирам молдавских рокеров. Я оказался гостем лидера кишиневской рок-группы «Ракетобиль» Андрея Заноги, но уже через пару часов поочередно посетил всех музыкантов «Крематория». В основном, все были довольны: принимали нас гостеприимно, благо что проблем с вином в Молдове не существовало никогда. На квартире, где жили Григорян с Дарьей и Третьяков, все казалось благополучным, но никаких шагов по примирению Армен так и не предпринял...

Кишиневские концерты проходили в небольших зальчиках мест этак на 300 – 400, но набивались эти помещения под завязку. После первого концерта, состоявшегося на следующий день после приезда, я перебрался на квартиру к Григоряну и Третьякову.

Вызвано это было тем, что жить одному, вдали от всех, а стало быть и от места выполнения своих административных и директорских функций, было просто неудобно. К тому же эта квартира располагалась вблизи зала, и мы производили финансовые расчеты именно здесь, а не в закулисной суеде. Набегавшийся в последние дни организатор кишиневских концертов Слава Дынго, с которым мы начали выпивать еще в зале, на квартире усугубил и прикорнул на диванчике. Правда через полтора часа он встал, взял портфель и на полном автопилоте отправился домой.

В творческом смысле оба концерта прошли нормально, но – прости, Кишинев – аппарат не давал группе чувствовать себя комфортно. «Крематорий» сделал лишь то, что в данных условиях было возможно.

В ночь после второго концерта мы вдвоем с Серегой сидели за столом до рассвета. Вдруг он начал говорить, что хочет отправиться домой самолетом. Но наш поезд уходил рано утром, так что делать что-либо в этом направлении было уже поздно...

До Москвы доехали без приключений. Внешне все шло как обычно, но Серега был не такой как всегда. Даже его участие в застолье носило совсем иной характер, в нем не осталось и тени присущего для Третьякова сумасшедшего гона...

Сложившаяся ситуация получила логическое завершение в Москве. Как обычно, после приезда участники группы некоторое время не контактируют друг с другом. Видимо, сказывается тот факт, что за несколько дней совместной жизни все друг другу изрядно надоели, а по семьям все, наоборот, изрядно соскучились. Поэтому некоторое время никто не связывался с Третьяковым, а если и разговаривали по телефону, то не уловили никаких странностей.

Приблизительно через неделю после нашего возвращения из Кишинева мы должны были выступить в

ДК Московского авиационного института, того самого заведения, которое мы с Арменом закончили в 1984 году. Как ни странно, сольный концерт «Крематория» в ДК МАИ планировался впервые. За день до выступления Армен несколько раз звонил Третьякову с каким-то вопросом. Несколько раз трубку не брали, лишь определитель номера старательно регистрировал телефон звонившего. Наконец, трубку сняли, но третьяковская сторона линии молчала. Григорян начал что-то говорить, но трубку тут же повесили.

Армен перезвонил мне, пересказал всю последовательность событий и сказал:

– Звони Сереге!

– Слушай, ты обидел человека на ровном месте, даже не пытался извиниться, а теперь хочешь, чтобы я все улаживал?..

Мы еще некоторое время препирались, но завтрашний концерт властно требовал решения проблемы. Я позвонил Третьякову, и – о чудо! – он сразу взял трубку. Наш разговор был довольно коротким. Я сразу сказал Сереге, что понимаю его и уважаю его чувство собственного достоинства. Но сейчас разговор идет не об этом, а лишь о том, чтобы он решил, будет он завтра играть или нет? Третьяков изрядно выпил, но разговаривал абсолютно осмысленно. Конечно, ему не хотелось расставаться с группой, но безмолвно сносить несправедливую обиду он просто не мог. В какой-то момент он, видимо, явственно вспомнил неприятный момент в поезде, и его голос сорвался на крик: «Скажи этому..., – он старательно нащупывал слово: ...Армену, что я никому не разрешал...» (простите, но концовку фразы я утаю). После этого он бросил трубку, так и не ответив на мой вопрос.

Я перезвонил Григоряну. Мы решили, что будем готовиться к полноценному электрическому концерту и, если Третьяков не приедет, отыграем акустику.

Сергея все же появился, и мы выступали полным составом. Похоже, что апогей кризиса пришелся на предыдущий вечер, по крайней мере больше ничего подобного не повторялось. Только вот, я не знаю, хорошо ли, что все так закончилось? С одной стороны, окончание любого конфликта – благо, с другой – Армен очередной раз показал, что мнение отдельного человека, да и всей оставшейся группы, для него ничего не значит.

Вы спросите у меня – зачем я столь подробно рассказывал об этом нудном «междусобойчике»?.. У меня было сразу несколько целей. Во-первых, хотел бы избавить вас от распространенного заблуждения, будто бы рок-группа – лишь дружная семья, и только. Увы, здесь – как и в любом коллективе – пересекаются интересы разных людей, а потому происходят конфликты, предпосылки которых могут быть самыми разными. Иногда люди не могут поделить дивиденды и популярность, иногда – как в данном случае – упрямо утверждают свое мнение любыми способами. И, во-вторых. Каждый сам выбирает для себя: разрешать вытирать об себя ноги (и оставаться в популярной группе) или сохранять собственное достоинство (и покидать родной коллектив, где кем-то установлены новые законы). У меня и раньше могли мелькать неприятные мысли подобного рода, но, пожалуй, лишь во время того разговора в поезде (когда Армен сказал, что я могу «вылететь» из группы) я осознал, что Григорян легко «кинет» бывшего партнера по созданию «Крематория» в угоду своим новым интересам. К сожалению, эта мысль уже неоднократно подтверждалась практикой, а последующие объяснения в стиле «разошлись из-за творческих разногласий» легко принимались поверхностными журналистами и безоговорочно верящей своему кумиру публикой.

Глава XXXV. НА КАЧЕЛЯХ СУДЬБЫ

Наконец-то лето вступило в силу и в Москве. Очень хотелось отрешиться от всех проблем и забот да махнуть в Псковскую область, куда я в конце мая отвез жену и двухлетнюю дочку. Не тут-то было, приходилось торчать в знойной столице. Концертов было – кот наплакал, но происходили они со столь неудобными перерывами, что отъехать куда-либо становилось невозможно. Кроме того, дважды в неделю мы встречались в нашем репетиционном подвале, неподалеку от метро «Проспект мира». Шла работа над материалом будущего альбома «Танго на облаке» – фирма «Мороз Рекордз» вроде бы обещала финансирование записи. Правда, лично мне на этом альбоме отводилась довольно странная роль. Я уже рассказывал, как Армен отверг мои песни по причине того, что они якобы не вписываются в концепцию нового альбома, хотя слепому было видно: не вписывались они в его монопольное авторство. Ведь именно авторство приносит – и в западном шоу-бизнесе, и у нас – основные финансовые дивиденды. Что касается опусов Григоряна, то инструментально «Крематорий» мог реализовать их и без меня – ведь два года назад, без задних мыслей, я привел в группу замечательного гитариста из своей собственной группы. То же, что без меня сделать группа не могла, а именно исполнение многоголосий, – это те краски, которые накладываются при работе над записью в последнюю очередь, так что мое присутствие на репетициях на данной стадии являлось почти формальным. Правда, Григорян довольно долго собирался, по крайней мере на словах, в целях разнообразия будущей записи, отдать мне основной

голос в песне «Эротические монстры». Мы репетировали и, по-моему, получалось неплохо, а кроме того, придумали удачное пародийное решение – перейти в одном куплете на рэп...

Моя относительная творческая свобода с лихвой восполнялась административной шелухой. Постоянно приезжали за пластинками какие-то люди из провинции, кроме того, в списке нашей продукции значились крематорские майки, значки, брошюрка с нотами и текстами 25 хитов, кассеты и прочее добро. Все это необходимо было раскидывать и по московским рок-магазинам, отслеживать реализацию и вести отчетность. Из совокупности этих маленьких денежных ручейков складывалась зарплата членов группы, и, поверьте, как только сей поток оскудевал, это неминуемо сказывалось на настроении в коллективе и на качестве работы. Но основная моя головная боль существовала пока лишь в перспективе. Я имею в виду концерт десятилетнего юбилея группы. Широко разрекламированный Григоряном масштаб данного мероприятия – бесплатный концерт на открытой площадке – был практически недостижим. Ведь для реализации любой задумки нужны средства. Но как раз со средствами и существовала основная заковыка. Единственный «нарытый» нами с Арменом полгода назад спонсор пошел на попятную и, сославшись на собственные трудности, в помощи отказал. Руководство фирмы «ФИЛИ», плотно занимающейся организацией концертов в ДК им. Горбунова, замечательно относилось к «Крематорию», и встретилось с нами. Но, услышав о бесплатном входе, они развели руками и посоветовали искать спонсора. Такой путь мы знали и сами.

Я начал напропалую просить помощи даже у тех, на кого особо не рассчитывал. Мой старый приятель Андрей Заборских, удачливо занимавшийся бизнесом и

финансировавший издание моего первого сольного альбома «Для умного достаточно» на компакт-диске, сказал, что ему неинтересен музыкальный стиль «Крематория». Все было плохо. Как проводить юбилей, было абсолютно непонятно...

Сергея Третьяков в это время большинство времени проводил у меня. Я уже говорил, что моя семья отсутствовала, так что «шумели» мы на полную катушку. Дом Большого театра, где я жил, «штормило» от наших посиделок...

В какой-то степени это пьянство являлось психологической защитой от множества внешних неблагоприятных обстоятельств. Одним из таковых было дальнейшее охлаждение наших отношений с Григоряном. А оно становилось явью, и мне вообще стало неинтересно общаться с ним. Это невозможно объяснить, но даже выпивать вместе было скучно. Неминуемо наступал момент, когда он начинал поучать окружающих. Основное общение и застолья происходили внутри группы, для участников которой Армен может быть пока еще и являлся другом, но одновременно был и начальником. А вы знаете, как на Руси во все времена относились к начальникам. В общении между собой подчиненные почти всегда не согласны с мнением «командира», но в открытую никогда не спорят с ним. Тем более что некоторые ситуации – хотя бы та, с Сергеем, – показали, что иметь собственное мнение порой небезопасно. Единственным человеком, способным говорить Армену правду, оставался лишь я, но из-за того, что именно правда чаще всего неприятна и просто никому не нужна, он постепенно перестал доверять моему мнению. В результате положение в группе окончательно поляризовалось: существовал полновластный хозяин – и штат наемных служащих, целиком зависимых от начальника не только материально, но и

идеологически. Если Григорян когда-нибудь стремился к подобной доминанте в группе, то эта цель была достигнута. Только оставалась ли эта группа «Крематорием»?..

Двух лидеров группе не нужно было, а становиться не имеющим голоса работником я не хотел. Пора было думать о другом месте работы. А сочиненные, но не реализованные песни заставляли думать о новом составе музыкантов для реализации сольного альбома...

...В самых сложных ситуациях судьба всегда кидала «Крематорию» спасительную соломинку. Так случилось и на этот раз. У нас с Арменом был давний приятель Андрей Богданов. Как и мы, обитал он на Речном вокзале, интересовался западным и отечественным роком, так что время от времени мы с ним пересекались, пили пиво и более крепкие напитки, слушали музыку. Вообще, деятельность группы волновала Андрея, и он постоянно был в курсе наших проблем. Еще больше нас сблизил его семейная трагедия. Сын Андрея Илья по фатальной случайности оказался обладателем редчайшего заболевания крови – лейкоза, борьбу с которым медицина чаще всего проигрывает. Замечательный мальчик, с многочисленными многообещающими задатками, умер, не дожив до своего шестого дня рождения. Не покривлю душой, говоря, что его смерть стала для всех нас болью. На его похоронах глаза у меня были на мокром месте, а мое отношение со всей полнотой выразилось в одной фразе: «Раньше умирали наши близкие, потом – родители, позже – друзья, а теперь – наши дети! Это ужасно». Именно Илье посвятил Армен песню «Jeff – Белая Кровь»...

Сейчас не вспомню точно, где тогда Богданов работал, знаю лишь, что он сотрудничал с несколькими фирмами по неким таможенным делам. Порой мы с Арменом попадали к Андрею на пьянки, где бывали и

командиры этих фирм, люди разные, порой – специфические... И вот Богданов звонит с сообщением, что достал нам деньги на юбилейный концерт. Выбирать было не из чего, так что уже через пару дней я, Армен и Андрей попали на аудиенцию к потенциальному спонсору. Не стану утомлять вас подробностями, скажу лишь, что нам были обещаны пять тысяч долларов – по тем временам сумасшедшие деньги, мы же подписали договор, по которому запись концерта должна была стать исходным материалом для концертного альбома «Крематория». Как вы понимаете, издавать данный альбом должна была фирма наших спонсоров. Кроме того, мы дали согласие выступить на дне рождения Виталия Ахметова, директора спонсорской фирмы.

Глава XXXVI. «ЖЕМЧУЖИНА У МОРЯ»

То лето выдалось «неурожайным» на концерты. После акустического концерта, отыгранного 11 июня в Зеленограде в ДК МИЭТа, наступила двухмесячная пауза, заполненная репетиционной работой, пьянством и административной суетой. Правда, в конце июля мы на пару недель разъехались «в отпуска», но к началу августа вновь собрались в Москве. Примерно в это время поступило предложение о гастролях в Одессе. Причем одновременно с данным предложением из дружественных источников поступила информация о том, что фирма-организатор уже обманула несколько рок-команд, посетивших Одессу, попросту не выплатив им деньги за выступления. Конечно, в данной ситуации стоило бы не ездить в Одессу, но... пустые карманы заставляли взглянуть на ситуацию по-другому.

Основным бичом для каждого рок-музыканта, да и артиста вообще, является нестабильность заработков. В результате не самого благоприятного в гастрольном отношении начала года все участники группы сидели на мели. Единственное, что нас тогда спасало, – продажа недавно вышедшего «Двойного альбома» и другой продукции. Но уповать лишь на этот вид заработка было бы неразумно. Поэтому, заручившись клятвенными уверениями организаторов одесских концертов о выплате аванса сразу по прибытии в город, мы выехали в «город каштанов и куплетистов».

Встречали нас нормально. Автобусом доставили в замечательную гостиницу, стоящую в двухстах метрах от моря. Правда находился этот отель для отдыхающих на окраине города, но нас это не очень волновало. Как правило, нам удавалось осмотреть далеко не каждый

город, где мы оказывались. Кроме того, стоял жаркий август, и близость к морю казалась нам более важной, чем нахождение в центре города. Кстати, по городу мы на следующий день все же погуляли. Организаторы любезно повели нас по наиболее колоритным местам города, и мы осмотрели все достопримечательности. Мне показалось, что повсеместно тиражируемый образ Одессы слишком утрирован, действительность превращена в карикатуру, но это – право обитателей города.

Но это произошло на второй день, а в день приезда мы получили некоторое количество местных денег (на Украине, в состав которой входит Одесса, уже существовала собственная денежная единица) и отправились на разведку в ближайший магазин. Не знаю, насколько привлекательны были тамошние цены для местных жителей, но гастролерам они показались весьма симпатичными. Мы купили местного вина и бесхитростных закусок, перекусили в гостинице и направились на берег моря...

Следующее утро мы тоже провели на пляже – да и грех было не использовать подобную возможность. Днем за нами пришел автобус и отвез нас к месту выступления. Если я не ошибаюсь, это была открытая площадка в самом центре города. Концерт прошел нормально, и публика осталась довольна. Еще до начала выступления в магазин был заслан гонец, но вернулся он лишь к концу концерта. Обливаясь потом, он еле тащил огромную сумку, где призывно звякала целая когорта бутылок. Все это было загружено в автобус, туда же уселись группа, организаторы и их друзья. Через полчаса вся компания уже сидела за столом в одном из наших гостиничных номеров. Было весело, пелись песни. Присутствовали двое персонажей из «Маски-шоу», один из них – колоритный Комаров. Серега кормил всех мидиями, которых он наловил

утром, а потом с помощью кипятильника сварил в заварочном чайнике. При явном дефиците закуски мидии пошли «на ура», хотя мнения местных разделились. Половина утверждала, что мидии лишь отфильтровывают вредные примеси из воды, становясь почти ядовитыми. Остальные, наоборот, утверждали, что ничего плохого в одесских мидиях нет. Что ж, очень скоро нашим желудкам предстояло стать судьями в этом споре...

Второй концерт прошел столь же достойно, сколь и первый. Правда, группа изрядно нервничала. Мы прибыли в зал с вещами, но железнодорожные билеты до Москвы еще не были приобретены. Все три дня нашего пребывания в городе я постоянно требовал у организаторов обратные билеты и оплату концертов. Меня постоянно «кормили завтраками», находя веские причины для отсрочки. Дело осложнялось тем, что необходимо было обменивать украинские купоны на российские рубли, что – увы – невозможно было проконтролировать. Но организаторы твердили одно и то же заклинание: «Не волнуйтесь! Все будет нормально».

Чем дальше, тем труднее было верить всевозможным отговоркам, тем более что пессимистические предупреждения дружественных концертных администраторов фактически начинали сбываться. Итак, когда второй концерт закончился, билетов у нас все еще не было. Что касается выручки, она еще не была подсчитана – по крайней мере так нам говорили. Вообще, артисты всегда зависимы от устроителей концертов. Конечно, кто-то может сказать, что группа могла не выходить на сцену, пока не получит хотя бы частичной оплаты за выступление. На практике применить это не так-то просто. Перед первым концертом в той же Одессе мы пытались выдвинуть подобные требования, но организаторы

мгновенно растворились в пространстве, и мы остались один на один с полным залом своих поклонников, уже оплативших билеты. И вы скажете, что в такой ситуации возможно не выйти на сцену и обмануть ожидания любителей твоих собственных песен?..

Итак, автобус вез нас к поезду, билетов на который еще не было. На вокзале мы выгрузились и встали у хвоста поезда «Одесса – Москва», а два шустрых одессита побежали вдоль поезда договариваться с проводниками. По вокзалу объявили, что поезд до Москвы отправляется с такой-то платформы. В тот же момент нам издали замахали руками наши парламентарии, и мы с поклажей и инструментами в руках помчались в их сторону. Хорошо еще, что нас сопровождали на вокзал несколько местных фанов, которые помогли с вещами. В общем, в вагон мы запрыгивали уже на ходу, а потом ловили бросаемые нам сумки и коробки с продукцией. Мне прямо на бегу сунули в руки целлофановый пакет с деньгами и сообщили, за какую цену договорились с проводником о нашем проезде до Москвы.

Когда мы отдышались, выяснилось, что едем мы в плацкартном вагоне. К тому же нас было восемь человек, а свободных мест оказалось лишь шесть. Мне пришлось отправиться к проводникам, и лишь спустя некоторое время появились еще два места в других вагонах.

Думаю, это возвращение в Москву навсегда запомнил каждый из нас. Даже тот факт, что наши места в плацкартном вагоне оказались ближайшими к сортиру, уже не пугал, а радовал. Двухдневное употребление мидий в чрезмерном количестве дало о себе знать: вся компания – пардон – дристала круглые сутки. Правда одновременно находила силы потреблять купленный у кого-то из проводников самогон. Теперь о финансовых итогах гастролей. Как и следовало

ожидать, сумма из целлофанового пакета оказалась существенно меньше той, о которой мы договаривались с одесситами. Вот так всегда: и нервотрепка та еще, и результат – так себе...

Глава XXXVII. «АКВАРИУМ» «КРЕМАТОРИЙ»: СИБИРСКИЙ ТУР

В то время гастролы зачастую оканчивались с финансовым недобором. Не стала исключением и следующая поездка, хотя начиналось все крайне пафосно...

Я уже рассказывал о нашем сотрудничестве с «Аквариумом», выразившемся в совместных концертах на рок-фестивале в Екатеринбурге. Стилистика «Крематория» и «Аквариума» не противоречили друг другу, к тому же слушатель «Аквариума» являлся и нашим потенциальным потребителем, и наоборот. Так что когда «Крематорию» и «Аквариуму» был предложен совместный концертный тур по Сибири, мы не раздумывая согласились. К тому же администрировали эту поездку наши старые знакомые – Терпигорев и Рюмкин, что делало гастролы еще более приятными во всех отношениях.

Первый концерт должен был состояться во Дворце культуры Иркутского авиационного завода, за счет чего Терпигореву и Рюмкину удалось договориться с дирекцией завода, чтобы обе группы прилетели в Иркутск на небольшом заводском самолете, еженедельно осуществлявшем рейс в Москву и обратно. Для участников концертов подобный полет в Сибирь на «собственном самолете» имел особый шарм.

Вылетали из Москвы. Специальный автобус проехал по столице особым маршрутом, в нескольких пунктах подбирая участников гастролей. Последняя остановка была у метро «Университет». Пока автобус стоял, все от нечего делать разбрелись по ларькам. Крематорцы

закупили в дорогу водку. Я заметил в одном из киосков еще весьма приличный по тем временам и одновременно доступный по цене болгарский бренди «Слънчев бряг» и купил одну пузатенькую бутылочку в дорогу. Когда я со своей покупкой вошел в автобус, Олег Сакмаров и еще кто-то из питерцев увидели мое приобретение и тут же, по моей наводке, рванули за бренди. В итоге, когда автобус тронулся, все приступили к дегустации, обмывая начинающиеся совместные гастроли...

По договоренности, самолет должен был ждать нас в Домодедово. И когда мы прибыли в данный аэропорт, я и директор «Аквариума» Михаил Гольд отправились в справочную службу аэропорта. Десять минут расспросов не внесли никакой ясности, так как подобного рейса в аэропорту не значилось. После короткого совещания было решено ехать во Внуково. По пути продолжали звучать тосты, так что к справочной аэропорта Внуково я шел с большим трудом, чем в Домодедово. Но и здесь нас ожидало разочарование – нужный нам самолет не был зарегистрирован. Ситуация начинала становиться тревожной, но случайно удалось узнать о существовании еще одного, грузового, аэропорта. Срочно поехали туда, и, слава богу, самолет еще ждал нас.

Быстренько загрузились в самолет, и он сразу взлетел. Вообще, лететь ведомственным самолетом оказалось довольно приятно. Было много свободных мест. Мы сложили спинки у пары кресел, и образовался вполне приличный столик. Собранная женами снедь живописно расположилась на его поверхности, а алкоголя было предостаточно. Полет из Москвы в Иркутск занимает больше пяти часов, так что мы успели хорошо посидеть...

Мимо нас, видимо в направлении заведения, расположенного в хвостовой части, проходил Борис

Гребенщиков. «Вектор общения» на этот момент уже преобладал внутри нас над всеми остальными, и Серега Третьяков выразил общую мысль коротко и ясно: «Садись!». Боря молча присоединился к компании, и ему тотчас был выдан стаканчик с чем-то созвучным общей атмосфере. Завязался разговор, во время которого несколько раз всем подливали. Минут через двадцать после прибытия Б.Г. из носовой части, от мест, где сидели питерцы, появился встревоженный директор «Аквариума» Гольд. Увидев в руке у Бориса стакан, Миша сказал: «Кто наливает Борису? Он же не пьет!». Извини, Михаил! Мы, честное слово, не знали...

Вообще, совместные гастроли дружественных рок-групп всегда наполнены шутками и пикировкой. Один раз, уже когда мы прибыли в Иркутск, удалось довольно симпатично подколоть директора «Аквариума».

Я уже говорил, что все административные вопросы совместно решались мной и Михаилом Гольдом. Как вы понимаете, директор «Крематория» (в моем лице) внешне был более безалаберным, чем пунктуальный и всегда организованный директор «Аквариума». И вот мы заселились в интуристовскую гостиницу и едем на лифте. Я заметил, что лифт произведен известной корейской фирмой «Gold Star», чье название созвучно фамилии «аквариумного» директора. И тут же начал серьезным голосом: «Михаил! И так все видят, как ты круто работаешь, но ты совсем уже не знаешь меры!». Миша почувствовал подвох, но не знал – в чем именно он заключается. Его лицо выражало неподдельное удивление, а я продолжал: «...Даже в гостинице смог договориться, чтоб и в лифте значилось, что Гольд – star!». Мы рассмеялись, а это – поверьте – всегда является свидетельством хороших отношений...

Первый иркутский концерт проходил в пригороде, во Дворце культуры завода, так любезно предоставившего свой самолет для нашего перелета из

столицы. В районе, где расположился ДК, преобладала малоэтажная застройка, и царил почти патриархальный дух. Прямо во дворах висело развешенное для просушки белье, а за почерневшим деревянным столом не хватало только доминошников. Стоял прекрасный осенний день, природа была фантастически красива, а холодное сентябрьское солнце золотило готовые к умиранию листья. Мы сидели на лавочке напротив ДК, до начала концерта оставалось около трех часов, и казалось, что вся эта гастрольная суета с ее весельем и пьянками существует в каком-то ином мире, никак не соотносимом с листьями и солнцем, с колоритным пенсионером, прямо в тапочках вышедшим к ларьку за сигаретами...

Концерты сибирского тура проходили отлично. Во всех городах, где мы выступали, даже сольные концерты каждой из групп собирали полные залы, а уж совместные выступления гарантировали аншлаги. Да и творчески от подобного союза группы только выигрывали. Сольный концерт любой, даже самой любимой, команды зритель способен воспринимать лишь ограниченное время. Если в концерте принимают участие два коллектива, внимание слушателя вовремя переключается, и он комфортно получает вдвое большее количество музыкальной информации. При этом каждая из групп освобождается от затягивания концерта и может выплеснуть свое выступление в концентрированном виде. Так приблизительно и протекали наши концерты, причем опыт этого тура показал, что у «Крематория» и «Аквариума» не было никаких противоречий. Больше того, в концерте группы дополняли друг друга.

Мы встречались не только на концертах, вся наша жизнь во время гастролей протекала совместно. Трижды в день нас автобусом возили на завтрак, обед и ужин в небольшое кафе. В гастрольном графике

удалось выкроить возможность съездить на озеро Байкал, где нам даже удалось искупаться. Вода в озере была очень холодной, но нырявшим в северодринскую прорубь Байкал был не страшен. Тем более что перед этим мы играли в футбол, устали и вспотели, а погружение в холодную воду отлично освежало.

Зрители Ангарска и Братска принимали нас так же хорошо, как и иркутские, и концерты в этих городах прошли успешно. Правда, финансовые результаты гастролей были скромнее творческих. Расходы на проживание и питание двух групп, авиабилеты в Москву и гонорары команд полностью съедали концертные сборы. Итоговый коммерческий баланс показал, что и «Аквариум», и «Крематорий» не получают оплату за один концерт. Правда, существовали спонсоры, заранее знавшие о подобном факте. Им было предложено увеличить стоимость билетов, но они по каким-то причинам не пошли на это. Видимо, получали они от этих гастролей не коммерческую, а какую-то иную выгоду – так тоже случается...

Итак, гастрольная неделя незаметно осталась в прошлом. Но даже в день отъезда, в момент когда мы грузились в автобус, еще не все расчеты между организаторами гастролей и группами были завершены. С каждым из директоров организаторы общались отдельно. Меня посадили в иномарку, где сидели: директор спонсорской фирмы Василий (отчества и фамилии не помню), его бухгалтерша и Сергей Терпигорев. Терпигорев начал перечислять мне весь набор финансовых трудностей, из-за которых организаторы пока не могут рассчитаться за последний концерт. Но они клятвенно обещают сделать это в самое ближайшее время – Василий тут же это подтвердил. В эту минуту я напомнил присутствующим, что «Крематорию» не уплачено и за предпоследнее выступление. «В том то и дело, – продолжал

Терпигоров: – Мы хотим деньгами за ваш предпоследний концерт заплатить «Аквариуму» за последний! А вам мы в течение месяца привезем оплату за оба концерта в Москву». Это был важный момент. Я прекрасно относился к «Аквариуму», но не мог позволить найти выход из положения за счет музыкантов «Крематория». Тем более что вполне могло выйти и так, что мы никогда не увидим этих денег вовсе! Поэтому я ответил цитатой небезызвестного персонажа из кинофильма «Бриллиантовая рука»: «На это я пойтить не могу!». И поставил окончательную точку в разговоре, забрав из рук бухгалтерши целлофановый пакет с деньгами. Через десять минут, после короткой прощальной сцены, автобус с гастролерами взял курс на аэропорт Иркутска.

Кстати, в автобусе произошел интересный эпизод. Серега Третьяков вдруг начал непрерывно икать, приблизительно так, как это происходит с подростком из нынешней рекламы «Фанты». Был испробован целый арсенал всевозможных средств – икает, да и все тут! И тут басист «Аквариума» Саша Титов сказал, что знает гарантированный способ. Он посадил Серегу в определенную позу, открыл банку пива и заставил его изо всех сил тянуть вперед голову и пить пиво. Надо сказать, что икота почти сразу прошла, и все бы хорошо, но вдруг Серега блеванул, развеселив всю компанию, с большим интересом наблюдавшую за борьбой с икотой... Вот так, с шутками и прибаутками, мы возвращались из Иркутска в Москву...

На календаре фигурировало уже 14 сентября. Меньше чем через месяц, а именно 6 октября 1993 года в ДК им. Горбунова должен был состояться концерт в честь десятилетия «Крематория»...

Глава XXXVIII. ОРГАНИЗАЦИЯ «ДЕСЯТИЛЕТИЯ»

После приезда мы отыграли акустический концерт во Дворце культуры МАИ, но все мысли были заняты предстоящим десятилетием. Итак, насколько мы в то время были готовы к столь масштабному мероприятию?

Как я уже говорил, некая фирма, а точнее ее руководитель Виталий Ахметов обещал материальную поддержку в размере пяти тысяч долларов. Теперь перечислим планирующие расходы:

1) *Аренда зала.....примерно 1000 долларов*

2) *Аренда аппаратуры (звук и свет).....1250 долларов*

3) *Съемка концерта со звуковой записью на многоканальный магнитофон.....5000 долларов*

Итого:.....7250 долларов

Как видите, сумма расходов значительно превышала имевшиеся в наличии средства, а ведь еще повисла в воздухе такая важная статья расхода, как охрана мероприятия. Как минимум, необходимо было нанять 7 – 8 милиционеров (заключается договор с милицией), да и дружинников необходимо не менее 20 человек, чтобы расставить их у всех входов во дворец культуры и многочисленных дверей в зрительный зал. Однако, как мы видим из приведенной сметы, на охрану денег не было. Но тут позвонил директор ДК им. Горбунова и сообщил, что в случае отсутствия милицейской охраны зал расторгнет договор об аренде...

Как видите, скучать устроителям мероприятия не приходилось. А занимались всесторонней организацией

два человека: ваш покорный слуга и неоднократно упоминавшийся в нашем повествовании независимый продюсер Михаил Оразов, и раньше сотрудничавший с группой. Михаил взял на себя общение с дирекцией зала и милицией, мне досталось общение со спонсорами, что заставляло меня частенько мотаться в офис на улицу Свободы в Тушино, а также взять на себя организацию культурной программы дня рождения Виталия Ахметова (нашего спонсора), которое должно было состояться через несколько дней после концерта. В частности, по желанию Виталия Ахметова, мне пришлось звонить Леониду Ярмольнику и приглашать его на мероприятие в качестве тамады – кстати, Ярмольник отказался, несмотря на то, что спонсор был готов платить любые деньги...

Наиболее доступную нам по средствам съемочную группу популярной тогда программы «Рок-н-ролл ТВ» нашел Оразов, после чего общались с ее руководителем и режиссером Андреем Харченко мы с Михаилом уже вместе...

В общем, как бы ни было трудно, постепенно организационные очертания десятилетия начали прорисовываться. Но, вместе с тем, стало ясно, что нам все-таки придется делать хотя бы часть билетов платными. Причем некоторые зрители даже просили, чтобы билеты продавались. Нормальным людям проще купить билеты спокойно в кассе, чем рассчитывать на какую-то неясную бесплатную их раздачу. Кстати, как раздавать бесплатные билеты, чтобы они не стали обычным объектом спекуляции, было непонятно...

Забегая вперед, расскажу, как проходила бесплатная раздача билетов. Сразу оговорюсь, что для меня все, что я опишу, представляется верхом идиотизма. Жалею, что не смог противостоять этому... Итак, в день юбилейного концерта на площадь перед ДК им.Горбунова выйдет человек, сопровождаемый

напирающей толпой, и начнет раздавать пригласительные билеты. Сотни рук начнут рвать желанные бумажки, сотни людей начнут отталкивать друг друга. Для чего затевать красивое мероприятие, если попадут на него дикари, чьи локти и плечи сильнее...

...С охраной было решено следующее: минимальное количество милиционеров (по-моему, их было 6) нам пришлось нанять, а дружинниками стала группа студентов под руководством частенько сотрудничавшего с группой Игоря Куркина. Они работали бесплатно, «из любви к искусству», но и спрос с них – вследствие этого – был невелик...

Несмотря на обещанную спонсорскую помощь, выдавались деньги «со скрипом», порциями, эквивалентными примерно 1000 долларов, к тому же – в рублях. Но аппаратчики и съемочная группа хотели получить оплату в валюте, так что мне приходилось самому менять эти рубли на доллары. Сейчас эти слова кажутся чем-то обыденным, а тогда тысяча долларов являлась колоссальной суммой, и при обмене приходилось быть очень осторожным. Помню, договорившись о покупке крупной суммы долларов по телефону, я потащил с собой на обмен жену и ее подружку, чтобы меня попросту не «кинули» с этими деньгами...

Что касается программы «Рок-н-ролл ТВ», то за пять тысяч долларов она обязалась: 1) провести съемку концерта не менее чем с четырех камер; 2) произвести параллельную запись музыки на многоканальный магнитофон с возможностью последующей коррекции погрешностей исполнения и записи; 3) смонтировать отснятый материал в полторачасовой музыкальный фильм и передать оригинал группе «Крематорий»; 4) смонтировать тридцатиминутный репортаж о концерте и показать его по центральному телевидению.

Согласитесь, подобный перечень работ стоил вышеуказанных денег...

Итак, к концу сентября были подписаны договора со всеми партнерами: залом, охраной, аппаратом и программой «Рок-н-ролл ТВ». Что касается творческой стороны предстоящего концерта, было решено провести его так, чтобы он запомнился надолго. Концерт должен был продолжаться не менее четырех часов, и на каком-то этапе уточнения сценария Армен предложил вытащить на сцену основных участников группы всех прошлых составов. Но когда стали обсуждать кандидатуры, оказалось, что Григорян к очень многим из них относится крайне отрицательно, причем хуже всех почему-то к ушедшему пять лет назад немногословному Пушкину, чья роль в музыкальной аранжировке когда-то была максимальной. Если не приглашать его, то приглашение других просто теряло смысл, а Григорян переступать через свое негативное отношение не хотел. Тогда решили не приглашать бывших крематорцев на сцену, а разместить их в зале, но это уже было не так интересно...

Во всевозможной организационной суете время летит вдвойне быстро. В общей сложности я потратил на все мероприятие не меньше месяца жизни, отдельное место в котором заняли многочасовые телефонные разговоры. Спать мне в то время удавалось урывками, и лишь по 3 – 4 часа...

Глава XXXIX. ВКЛАД В ДЕЛО ДЕМОКРАТИИ?

Группа находилась в максимально возможной готовности к уникальному концерту, посвященному своему десятилетнему юбилею. Уже были напечатаны и розданы друзьям и близким пригласительные билеты, где была указана дата проведения мероприятия, как вдруг...

Все вы помните, что происходило в Москве 3 и 4 октября 1993 года. Противостояние Государственной Думы и президента достигло апогея, и оппозиционные депутаты призвали своих сторонников к оружию и последующему захвату телевидения. Оголтелые толпы смели невооруженную милицию и устремились в Останкино. Егор Гайдар выступил по телевидению и призвал сторонников демократии на защиту ее завоеваний. Город погрузился в напряженное ожидание: чья возьмет?..

После штурма Останкинского телецентра вещающие оттуда телеканалы прекратили работу, и лишь Российское телевидение, выходявшее в эфир из студии на Шаболовке, вело непрерывный репортаж о событиях в столице. Эта трансляция прерывалась выступлениями в прямом эфире деятелей науки и культуры, в основной массе поддерживающих курс на демократические перемены и вставших на сторону президента. Я, как и вся страна, сидел у телевизора, когда мне позвонил Оразов и предложил устроить на российском телеканале подобное выступление рок-музыкантов...

Вы, конечно, помните, что события тех дней никого не оставили равнодушными. То же самое могу сказать и о себе, поэтому подобную мысль Михаила я сразу

поддержал и тут же перезвонил Григоряну. После непродолжительных размышлений и колебаний Армен тоже согласился, и Оразов стал звонить другим известным рокерам...

Через три часа в студии на Шаболовке телеэфира дожидались Андрей Макаревич, Гарик Сукачев, Армен, я и Михаил Оразов. Телеканал «РТР» работал в форс-мажорном режиме, да и вся обстановка на Шаболовке была напряженной. Было усилено милицейское охранение – ждали штурма подобного останкинскому. В большой зал, где работал телевизор, набилось порядочно народу. Отдыхала сменившаяся охрана телецентра, сновали телевизионщики и obsлуга телецентра, да и ожидавших эфира посетителей было немало. Ждать нам пришлось около двух часов, в течение которых настроение Армена заметно колебалось. Он то сомневался в правильности нашего приезда на Шаболовку, то как ребенок вопрошал, о чем он будет говорить?..

Тем не менее, настала минута, когда мы сели за стол в студии, и ведущий спросил, что же нас привело в студию? Не буду приводить ответы Макаревича и Сукачева, имеющих косвенное отношение к данной книге, а слова остальных участников эфира приведу дословно.

Григорян: Наша группа никогда не была такой уж политизированной, тем не менее мы сюда сегодня приехали и хотели бы сделать два сообщения. Первое. То, что политика – дело грязное, знали все и давно, сейчас уже стало понятно, что это дело к тому же и кровавое. Укорачивать жизнь человека своими руками – дело бесовское. Мне кажется, что все должны остановиться, и крови не должно быть вообще. Второе – то, что нерешительность нашего президента в свое время, может и привела ко всему этому. Сегодня утром он пообещал мне, что примет решительные меры и путч

будет ликвидирован... Я надеюсь, что эти события станут уроком, и впредь политика будет занимать отдаленное от народа место. У каждого человека есть принцип: живи и не мешай жить другим. Я хотел бы, чтобы этот принцип соблюдался всегда».

Троегубов: Очень грустно, что некоторое время назад, на опыте стран ближнего зарубежья (как их принято называть), мы так ничему и не научились. Кровь уже лилась в Тбилиси и Прибалтике, а теперь она пролилась и в Москве. Я надеюсь, что та гражданская война, что началась вчера и продолжается сегодня, какой бы она ни была локальной, сдвинет что-то в сознании каждого из нас. Ведь все происходящее – это не борьба между конкретными людьми. Эта война – между старым и новым – происходит в душе каждого из нас.

Оразов: Думаю, что все самое важное уже сказано, поэтому от себя добавлю следующее. Я рад, что не все оказались настолько обманутыми и не вышли на улицу с кирпичом в руке. Я думаю, что мы должны находиться дома со своими семьями, а решением проблемы пусть занимаются профессионалы... В связи с этой трагедией очень многое нарушилось. Мы переносим на более поздние сроки запланированный на 6 октября концерт десятилетия «Крематория». Но это не самое главное, а главное – остаться свободными, как того хотят нормальные люди...

Когда мы вышли, я спросил у Армена, намеренно ли он сказал: «...утром он (президент – прим. автора) пообещал **мне**...»? Он удивился. Оказалось, слово «мне» у него вырвалось случайно, а под словами «пообещал» он имел в виду утреннее обращение Ельцина к гражданам России. Мы посмеялись, еще раз «проиграв» его ошибку, в результате которой дело выглядело так, будто непосредственно Григорян утром разговаривал с Ельциным...

Глава XXXX. ПОСЛЕДСТВИЯ ПУТЧА ДЛЯ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ГРУППЫ

Уже 4 октября все было кончено. После исторического расстрела Белого Дома танками мятежные парламентарии и их сторонники сдались. В результате обстрела здания Государственной Думы начался пожар, после которого Белый дом основательно закоптился и стал напоминать обгоревшую сигаретную пачку. Я предложил оставить его таким навсегда, сделав на фасаде надпись: «Минздрав предупреждает: путчи опасны для здоровья».

Шутки шутками, но далеко не все обстояло нормально. После описанных выше событий с каждой стороны были жертвы, что само по себе являлось страшным фактом. Но дело еще и в том, что объявленный в стране трехдневный траур попадал аккурат на 5, 6 и 7 октября. С таким трудом организованный юбилей рассыпался как карточный домик...

Все концертные мероприятия, начиная с 8 октября, остались на своих местах, так что при переносе нашего десятилетия мы столкнулись с серьезной проблемой – приходилось вписывать концерт в уже существующий жесткий график ДК им. Горбунова. Одновременно приходилось созваниваться с «Рок-н-ролл ТВ» и узнавать, в какие дни они могут произвести съемку без ущерба для качества. В общем, совместить все обстоятельства было не так уж просто, но в результате многочисленных перезвонов появилась новая дата юбилейного концерта – 14 октября 1993 года...

Хочу рассказать еще одну историю, произошедшую непосредственно в тот же период. В первые дни после подавления путча я поехал к спонсору за последней

порцией денег. После длительного ожидания мне выдали несколько увесистых пачек русских рублей на сумму в 2500 долларов, и я поехал домой. После происшедших событий улицы города патрулировались совместными группами военных и милиции. И вдруг по пути мою машину тормозит подобный патруль. Они просят меня показать багажник. Я открываю, и они исследуют его содержимое с таким видом, будто там лежат фаустпатроны. Ничего не нашарив, они лезут в салон и видят на заднем сиденье небольшую мужскую сумку. Любителям полазить по чужим вещам то тревожное время давало возможность совать свой нос куда угодно, и, не спрашивая моего согласия, они открывают молнию на сумке, а там... видят кучу денег в аккуратных банковских пачках. Поверьте, в тот момент я чувствовал себя крайне дискомфортно. Поздний вечер, темная пустынная улица и четверо людей с автоматами и неограниченными полномочиями. А с другой стороны – человек на стареньких «Жигулях» и полная денег сумка... В общем, когда мне удалось объяснить им происхождение денег и свою личность (слава богу, хватило визитной карточки директора группы), сесть в машину и уехать, я был на седьмом небе от счастья. Как мало порой нужно человеку в нашей стране для чувства щенячьей радости: просто уйти от милиционера без неприятностей!..

Глава XXXI. «КРЕМАТОРИЙ». 10 ЛЕТ

Наконец-то наступило 14 октября. Многоступенчатые трудности в организации празднования Десятилетия, усложненные переносом самого концерта, заставляли ожидать дальнейших – самых непредсказуемых – случайностей. Но, видимо, судьба уже достаточно поиздевалась над нами, и за три часа до концерта почти все было готово. На сцене заканчивалась коммутация звуковой и световой аппаратуры, телевизионщики расчехляли камеры и монтировали специальный кран для камеры, которая должна была летать над сценой и залом. Группа уже начала отстраивать звук на сцене, когда мы узнали первую неожиданную новость. Из-за переноса даты концерта на 14 октября в этот день оказалась занятой передвижная студия, на которой должна была записываться звуковая фонограмма концерта. Вместо нее прибыла обычная двухканальная студия, запись которой впоследствии нельзя было корректировать. Это было вдвойне неприятно потому, что при выборе даты переноса концерта руководство «Рок-н-ролл ТВ» гарантировало мне многоканальную студию именно на 14 октября, и, получается, сейчас просто обмануло нас. Когда я стал задавать их представителю вопросы на эту тему, он начал мямлить что-то нечленораздельное. Разбираться с «Рок-н-ролл ТВ» в тот момент не было смысла, так как передвижная многоканальная студия на концерт уже не успевала...

Подобная проблема в корне изменила обстановку. Мы-то думали, что наш оператор Сергей Овсянников отдаст все силы концертному звучанию, а штатный оператор многоканальной «передвижки» просто

добросовестно зафиксирует все музыкальные партии на отдельные дорожки. Потом, через несколько дней, в спокойной обстановке, мы скорректируем инструментальные и вокальные погрешности и нормально сведем запись концерта в пригодную для тиражирования форму. Собственно, это и есть примитивный сценарий любой концертной записи. И вот этот столь логичный порядок оказался нарушен. В новой ситуации (при отсутствии многоканальной записи) необходимо было записать концерт с первой и единственной попытки, ведь потом изменить ничего уже не удастся. Встал вопрос: кто из операторов будет записывать концерт? Если посадить в «передвижку» Овсянникова, то некому будет регулировать звук в зале, к тому же Сергей не был знаком с конкретной звукозаписывающей аппаратурой, что сулило всевозможные «чудеса» на будущей записи.

Времени на долгие размышления не было, и мы решили, что важнее добиться настоящего праздника в зале. А запись... что ж, пусть операторы «Рок-н-ролл ТВ» и съемочная группа делают свою работу так, как они это чувствуют... Конечно, это был рискованный шаг, но, посудите сами, а что нам еще оставалось делать?..

Овсянников спешно настроил «зальный» звук, и мы «прогнонали» несколько разноплановых песен, чтобы он проверил общее звучание. Все было нормально, можно было покинуть сцену и запускать в зал публику.

Да, забыл сказать о еще одной «странности», произошедшей перед самым началом концерта... Обычно мы располагались на сцене следующим образом. По центру находились два голосовых микрофона, у левого из них (из зала он правый) обитал Григорян, правый предназначался мне. По правому краю сцены (из зала – левый), чуть глубже нас с Арменом, обычно работал Мишка Россовский, при необходимости выдвигаясь к краю сцены. Точно так же,

но на другом краю сцены, располагался Андрей Мурашов (правда, иногда он выбирал место в самой середине сцены, позади нас с Арменом). Серега Третьяков всегда находился слева от ударной установки. Все наши концертные перемещения отталкивались от такого расположения на сцене, и вдруг за два часа до начала концерта Армен решил все поменять. Его микрофон установили в самом центре сцены, меня передвинули на левый край (из зала – правый), а Россровский с Мурашовым, наоборот, вдвоем заняли правую сторону. Такое положение, конечно, было неудобным во всех отношениях. Во-первых, оба солирующих инструмента (гитара и скрипка) оказались практически в одной точке, что абсурдно само по себе. Даже такие зрелищные в концертном исполнении моменты, как переключки скрипки и гитары или их двухголосые соло теряли свой смысл. Во-вторых, когда я пел свои песни, центр перемещался на крайнюю левую точку сцены, что было не очень эстетично. Ну и, в-третьих, я всегда много двигался по сцене, стараясь «навещать» всех участников группы. Такие перемещения вносили разнообразие в стационарное расположение и хорошо смотрелись из зала. В новом расположении все мои «походы» вынужденно шли через центр, что создавало новый скучный стандарт. В общем, ничего положительного перестановка не принесла...

Я не спрашивал у Армена причин столь скоропалительной перемены положения на сцене, потому что ответ был слишком прост. Армену очень хотелось выглядеть центральной фигурой на отснятом материале, поэтому он не мог допустить, чтобы кто-то (в данном случае я) находился в равноправном с ним положении на сцене...

Вы можете подумать, что я несу полную ахинею и делаю серьезные выводы из ничего не значащих

мелочей. Увы, дальнейшие события подтвердят мои доводы...

Мы находились в гримерке, когда пришло сообщение, что толпа фанатов прорвала кордон на контроле, и дальше вход происходил вне зависимости от наличия билета. Остановить поток зрителей, слышавших о «бесплатности» концерта, было невозможно...

...Зал был забит. Слава богу, что из партера убрали все сидения. В противном случае вся эта масса народу просто не уместилась бы в данном объеме. Несколько парней толпа у сцены выдавила «на второй этаж», и они долго не могли опуститься на пол. Сделать это удалось лишь мощному охраннику, стоявшему на краю сцены. Он подтянул обитателя «второго яруса» к себе, а потом спихнул в точку, где плотность народа была чуть меньше. Эту ситуацию я впоследствии наблюдал на видеосъемке...

Время от времени толпа начинала скандировать: «Крематорий»! «Крематорий»!», но подсвеченная сцена с двумя акустическими гитарами на стойках у микрофонов оставалась безучастной, и они постепенно умолкали. Так продолжалось довольно долго – около 30 минут. Но вот на сцене появились участники группы, и толпа заревела...

Мы вышли на сцену и взяли гитары со стоек. Надевая гитару, я подошел к микрофону и начал свое обычное общение с залом:

– Привет! Мы давно с вами не виделись...

Это была чистая правда. Последними большими концертами в столице были два дня презентаций «Двойного альбома», проходивших семь месяцев назад.

– Ну что, несмотря ни на что, наше Десятилетие, я думаю, состоится! – присоединился Армен.

За этим последовала десятисекундная пауза, и Андрей Мурашов завел вступление песни «Зомби». Кто-

то из тех, у кого имеется видеокассета «Крематорий». 10 лет», может возразить мне, что концерт начинался с песни «Проходящие мимо». Увы, друзья! Изданная на фирме «Мороз Рекордз» (а впоследствии и на «Мороз Видео») видеоверсия концерта не полностью совпадает с самим концертом «Десятилетия...». А вот у меня сохранилась «рабочая» видеозапись концерта, где события зафиксированы полностью, еще до «кастрационного» монтажа. А потому мне очень легко освежить свои воспоминания...

Песня «Зомби» своим мощным звуком и ритмикой сразу настроила зал на боевой лад, а двухголосые припевы звучали как кульминации. Но сразу же после «Зомби» зазвучала печальная вещь – «Больной», которую в концертном варианте мы с Арменом пели в унисон, отчего она становилась особенно пронзительной. Не успели смолкнуть последние звуки, как ритм-секция начала играть рифф из юморного рок-н-ролла «Африка». Правда, на самых первых звуках вступления гитара с басом не поняли друг друга и выдали нечто неудобоваримое, однако тут же скоординировались и дальше пошли вместе... Для соблюдения точности даю список всех исполнявшихся песен с порядковыми номерами в скобках.

«Зомби» (1), «Больной» (2), «Африка» (3) – всех этих песен на видеокассете нет! «Проходящие мимо» (4 – отсюда начинается видеоверсия концерта), «Реанимационная машина» (5), «Женщины города Роз» (6), «Крылатые слоны» (7), «Ты была той женщиной» (8), «Моя соседка» (9), «Конфуз» (10), «Посвящение бывшей подруге» (11),

«Крематорий» (12), «Лепрозорий» (13), «Медуза-Горгона» (14 – в концертном виде исполнялась впервые) перешла в «Себастию» (15), «Калигула» (16) – этих пяти песен на видеоверсии концерта нет, лишь студийная фонограмма песни «Крематорий» звучит в самом начале

кассеты, когда камера снимает толпу у входа в «Горбушку».

«Твари» (17), «Брат во Христе» (18), «Стремный корабль» (19), «Клаустрофобия» (20), «Шпалер (21), «Сексуальная кошка» (22), «Газы» (23), «Хабибулин» (24).

Дальше на сцене произошли некие нестандартные события, которые передаю слово в слово, как по стенограмме.

Армен: Исполненная песня напоминает о том беззаботном времени, когда мы были молодые и нам было все по фигу. И тогда мы были дружны со многими, кто любит нас до сих пор. И поэтому сейчас мы исполним песню под названием «Мой дом – моя крепость». Я хочу пригласить Сашу Залдостанова, известного под кличкой «Хирург», с которым мы много в свое время киряли, и, вообще, было другое время. Сейчас мы вместе с ним споем «металлическую песню».

На сцену вышли «Хирург», «Че Гевара» и кто-то еще из байкеров. Саша подошел ко мне, мы обнялись. Потом он пошел к Армену, пожал ему руку и подошел к микрофону.

«Хирург»: Пацаны! Я помню, когда рождались эти песни. Это рождалось за портвейном и блядами, которые были у...

Здесь Саша сделал красноречивый жест, почему-то в мою сторону, и мне пришлось брать эстафету.

Виктор: Я выступлю в качестве переводчика. Саша хотел сказать, что песни и он родились одновременно!..

«Хирург»: Ну, пожалуй, петь я не буду, а оставляю это для Виктора и Армена...

Виктор: Но все равно, мы очень рады видеть наших гостей, московских «Ночных волков» (зал бурно реагирует). И пусть всегда наш московский дом будет крепостью для всех нас.

Мне кажется, что подобное появление на сцене известных и любимых персонажей заслуживало того, чтобы оставить вышеуказанное действие и тексты на видеоверсии концерта. Но у Армена – а в его руководстве монтажом я не сомневаюсь – видимо, существовали иные взгляды, поэтому из видеокассеты все это безжалостно было вырезано. Сразу оговорюсь, что так же «выпали» из концерта аж 11 песен из 42-х...

«Хирург» с соратниками спустились в зал, и тут же началось мощное вступление песни «Крепость» (25)...

«Наше время» (26), «Таня» (27), «Маленькая девочка» (28), «Дрянь» (29), «Гончие псы» (30 – этой песни на видеокассете нет), «Харе Рама» (31), «Аутсайдер» (32), «Адольф» (33), «Эротические монстры» (34)... Я уже говорил, что «Эротические монстры» репетировались для нового альбома с моим основным вокалом. На концерте мы спели песню в унисон с Арменом, и, поверьте профессионалу, звучит она с двумя голосами отлично. Кстати, на изданной видеоверсии концерта этой песни тоже нет. «Jeff – белая кровь» (35 – на видеокассете нет). Здесь чуть-чуть подстроили инструменты, и зазвучал финальный блок песен. «Последний шанс» (36) логично перетекал в «Клубнику со льдом» (37), «Америка» (38) через специально заготовленную инструментальную связку перешла в «Безобразную Эльзу» (39). Припевы «Эльзы» были оставлены для публики, и зрители не ударили в грязь лицом, добросовестно подпевая. Концерт близился к концу. Предпоследней песней был «Кондратий» (40), а закончилось все «Мусорным ветром» (41), посвященным отъезду в Израиль Мишки Россовского. Когда еще звучали звуки песни, Армен снял шляпу, повесил ее на заранее заготовленную стойку и облил бензином. Вспыхнула спичка, и григорьянская шляпа запылала. Народ в зале оживленно реагировал на происходящее. В это время на сцене

появилась Ольга Жигарева, директор №2 «Крематория» в период с 1988 по 1991 год. На ее голове была черная шляпа. Она сняла ее и надела на голову Армену. Так и произошел некий «круговорот шляп» в природе. Группа покинула сцену, а публика еще минут пятнадцать скандировала: «Крематорий!»! «Крематорий!»! Дальше все шло как обычно. Зрители постепенно стали покидать зал, а группа наиболее «диких» учинила бардак. Они били бутылки об пол и даже расколошматили несколько фонарей. Это я узнал от прибежавшего в гримерку директора ДК. Мне и Оразову пришлось выйти на сцену и урезонить дебоширов...

Глава XXXII. ОБВИНЕНИЯ

Сейчас, в ноябре 1998 года, пересмотрев юбилейный концерт целиком, могу ответственно заявить, что это не только лучшая видеозапись «Крематория», но и лучшая звуковая концертная запись группы. Конечно, как и на любом концерте, некоторые песни «провалились» (по разным причинам). Так песню «Себастья» лично я запарол «кривым» вторым голосом. В каких-то вещах сфальшивил или «переиграл» Мишка. Даже «стабильный» профессионал Андрей Мурашов порой играл судорожно, что приводило к ошибкам. Да и сам Армен местами «отличился». Например в самом начале «Тани», где он поет под одну гитару, половина пения оказалась просто «мимо нужных нот». Но это все чепуха. Ведь совсем недавно, уже в 1998 году, сам Оззи Осборн заявил, что «живые» концертные записи нельзя «чистить», так как от этого они полностью теряют свою искренность и энергетику. Я полностью согласен с классиком, и считаю, что концерт Десятилетия «Крематория» был записан качественно, несмотря на отсутствие многоканальной передвижной студии. Профессионализм штатного звукорежиссера – не знаю, как его звали, – оказался на высоте.

Однако у Армена на этот счет было другое мнение. Просмотрев и прослушав видеозапись концерта, он заявил довольно странные вещи. Якобы звукорежиссер слишком громко записал мою гитару и голос, а его (Григоряна) «основной голос» и «основную гитару» записали плохо и, главное, очень тихо. Были у него претензии и к съемке. По его мнению, операторы незаслуженно много внимания уделили мне, а вся остальная команда будто бы осталась в тени. Причем говорилось это так, словно я заранее подкупил

звукорежиссера и телеоператоров с целью выделения собственной персоны. В результате всю съемку Григорян забраковал.

В общем, на мою голову посыпались всевозможные обвинения, которым не было числа, а главное – меры, так как доходили они до абсурда. Григорян рассказал, что неподалеку от его знакомых, сидевших на балконе, проблевался какой-то гопник. В этом тоже был виноват я (он не шутил!), так как «не обеспечил надлежащей охраны» при входе на балкон, где были рассажены друзья, знакомые и другие приглашенные, не желавшие тусоваться в стоячем партере. Все мои доводы о том, что люди, стоящие у дверей на балкон, являлись неоплачиваемыми энтузиастами и проконтролировать их было невозможно, Григорян просто не слушал. Наверно, в тот момент он уже решил избавиться от меня, и для этого ему нужно было зафиксировать как можно больше проколов в моей деятельности. В результате он заявил, что я плохо провел, фактически сорвал проведение юбилейного концерта. За это я буду наказан (!!!) – представьте, как звучало это слово в устах рокера, – и не поеду с группой на следующие гастролы в Тольятти. Кроме того, своей единоличной волей, без какого-либо согласования с коллективом, Армен лишил меня директорских полномочий. Группа – которой это касалось в первую очередь – как обычно «молчала в тряпочку», хотя именно ее участники (год назад наперебой благодарившие меня за увеличение своих заработков) лучше всех знали, что за мной нет никакой вины.

Кстати, перечислить все абсурдные обвинения я даже не смогу – столько их было. Только что я вспомнил еще одно. Григорян сказал, что я неприлично веду себя на сцене. Я попросил уточнить его, что он имеет в виду. Здесь я услышал просто перлы: «А почему ты всегда говоришь в начале концерта: «Привет, Москва (или

любой другой город)!». Это нескромно». Пришлось объясняться на абсолютно детском уровне: «Но это же общепринятый имиджевый эпатаж рок-н-ролльщиков. Или я должен выходить на сцену строевым шагом по команде полковника Григоряна?». Я не знаю, какие слова были у него в тот момент на уме, но ответил он абсолютно серьезно: «Да, по команде. И как ты можешь показывать со сцены средний палец? Это же неприлично». Вы поняли, что он имел в виду американский жест, когда пальцы руки сжимаются в кулак, и лишь средний палец оттопыривается. Этот жест во всем мире является эквивалентом не самой приличной фразы «fuck you», но я никогда не предполагал, что подобные претензии я услышу от человека, со сцены поющего следующий текст: «Еще лет тридцать, и пи..ец!». Я не знаю, что такого он мог напридумывать, чтобы так круто настроиться против меня. Если разобраться, в тот момент я был одним из тех трудолюбивых муравьев, что, скрупулезно выполняя свою работу, больше всего пользы приносили именно Армену как человеку, получающему от деятельности группы максимальные дивиденды. И при том он мог позволить себе называть черное белым, и наоборот. А так как он не мог высказать реальных и мотивированных претензий, то злился и выплескивал первое попавшееся, что приходило ему в голову в тот момент. Но больше всего мне не нравилось то, что все эти глупости он изрекал с абсолютно серьезным видом. Вместо человеческих фраз вылетали некие резолюции, не имеющие смысла, но грозные по форме...

Итак, проведенное на хорошем уровне мероприятие, изначально обеспеченное финансовыми ресурсами лишь наполовину, было названо сорванным, а запись концерта (и видео, и звуковая) объявлена «запоротой». Правда время расставит все на свои места. «Бог шельму метит» – так же, как метит он правду и ложь. Двумя

годами позже, в 1995 году, «запоротый» концерт Десятилетия группы без какой-либо доработки будет тиражирован на видеокассете. Правда запись подвергнется существенной кастрации, и из 41-й прозвучавшей песни 11 «выпали», как и большинство междупесенных разговоров и событий. И еще одна существенная подробность. К 1995 году истекли все обязательства по отношению к спонсору концерта, так что Григорян опять показал себя расчетливым финансистом, использовавшим спонсорские деньги и не выполнившим взятые при этом обязательства. Меня, чьи песни также присутствовали на видеокассете, о ее выходе даже не уведомили. Кстати, на первом издании видеокассет было обозначено, что директором группы и конкретного проекта съемки концерта является Михаил Оразов. О том, что директором и группы, и всего мероприятия являлся именно я, знают группа «Крематорий» и ее лидер, как знает и мой до сего дня близкий друг Михаил Оразов, которого, кстати, даже не уведомили о подобной надписи. И все это сделано лишь для того, чтобы отодвинуть ушедшего из группы музыканта и директора Виктора Троегубова от проведенного именно им успешного – о чем я знал и говорил всегда – мероприятия: «Десятилетия «Крематория»...

Глава XXXXIII. ТОЛЬЯТТИ - КАЛИНИНГРАД - МОСКВА

Группа уехала в Тольятти с Михаилом Оразовым в качестве директора. Не подумайте, что Михаил как-то «подсидел» меня на этом посту. Когда он получил предложение Григоряна о директорстве, то перезвонил и спросил мое мнение. Я, несмотря на уже сложившееся мнение о деловых качествах Армена и перспективе работы с ним, не стал отговаривать Мишу. Тем более что он уже долгое время сотрудничал с группой и имел собственное мнение.

Итак, они уехали, а я решил использовать освободившиеся выходные, чтобы выполнить одно важное дело, на которое в беготне по крематорским делам не оставалось времени. Дело в том, что мои древние двенадцатилетние «жигули» начали сыпаться и я давно уже решил купить дешевую поддержанную иномарку. Накопленные за несколько лет лишь пара тысяч долларов делали мои мечты очень призрачными. Чтобы купить что-то путное за такие деньги, необходимо было ехать в ту часть России, где эти машины стоили дешевле всего, а именно в Калининградскую область. К счастью, компания моих знакомых отправлялась туда как раз в те же выходные. Я «рванул» с ними.

Через три дня я въезжал в Москву на дешевом, но очень симпатичном «вольво-360» (для Европы – давно устаревшая модель, по уровню превосходящая любой отечественный автомобиль). По-моему, «Крематорий» вернулся в этот же день, и вскоре мне позвонил Григорян. Я еще не успел рассказать ему о покупке машины, как он сообщил, что я «прощен». Не в моих правилах лезть за словом в карман, и я

поинтересовался, «за что был наказан?». Ответа не последовало, и мы переключились на другие темы. Шила в мешке не утаишь, и я сказал Армену: «Поздравь меня. Я купил себе машину марки «вольво»...».

...Оразов рассказывал, что после прошедших в Тольятти двух выступлений «Крематория» Григорян на одном из застолий группы сказал следующее: «Мы отыграли два концерта без Троегубова, и ничего ужасного не случилось. Как вы думаете, может, нам стоит выступить без него?». Михаил не помнит дословно всех «выступлений», но результирующее общее мнение звучало приблизительно так: «Да нет, с ним (то есть со мной) лучше. Все уже привыкли к нему...». Поверьте, для людей, высказывающих свои искренние убеждения лишь вдали от командирского ока, такие слова – почти подвиг. Подобное, как я вам рассказывал, случилось лишь во время защиты Мурашова в 1991 году. Но тогда выражать свое мнение ребятам было проще: Андрей Мурашов еще никак не соприкасался с Григоряном, и у того не существовало предубеждения против Андрея. В моем случае каждый из говоривших хоть что-то был отлично осведомлен о «чувствах и мыслях начальника».

Я потому и был «прощен» Арменом, что был еще полезен группе, ее концертной деятельности и будущему студийному альбому. Правда, оставив меня до поры до времени в коллективе, Григорян взял на себя некую обязанность раз в неделю читать мне «лекцию». Слава богу, что чаще всего это происходило по телефону, и его «непосредственное отсутствие» давало мне шанс не сорваться. Но нервы он мне щекотал круто. Так, один раз он заявил, что я – вор. Поверьте, директору рок-группы красть попросту нечего. Тем более что аппаратура «Крематория» наполовину состояла из подаренных друзьями лично мне (а не группе «Крематорий») дискотечных колонок, которые я сам же и привез на своей машине на

репетиционную базу группы с помощью нашего администратора Василия Ратникова. (Кстати, уходя из группы, я оставил эти шесть колонок. «Крематорий» наверняка до сих пор использует эти мои колонки, что никак не мешает Григоряну отпускать всяческие непристойности в мой адрес.) Лежащие на базе 60.000 непродавшихся пластинок «Двойного альбома» своровал бы только сумасшедший. Что касается получения денег от спонсора и последующих расплат за аппаратуру, съемку и прочее, там все было абсолютно прозрачно. Все сметы и расчеты я представлял тому же Григоряну. Так что подобное обвинение в воровстве было не просто абсурдным, но и гнусным. Но я сдержался и спросил его: «У тебя есть какие-то доказательства?». Ответу мог бы позавидовать Лаврентий Палыч Берия: «Зачем мне что-то доказывать? Это ты докажи, что не украл!».

Кстати, покупка мной машины тоже нашла свое место в его системе обвинений. «У тебя есть доходы на стороне?» – вопрошал меня Армен, словно сотрудник налоговой инспекции, с той лишь разницей, что тогда в нашей стране такой инспекции еще не существовало. «Конечно, есть!» – отвечал я. Было противно перед кем-то оправдываться, но мне нечего было скрывать. К тому времени я уже написал книжку по видеофильмам, за что получил нормальный гонорар. К тому же мой сольный альбом «Для умного достаточно» тоже постепенно продавался (вначале были виниловые пластинки, потом были изданы компакт-диски), так что на свои «крематорские» заработки я содержал семью, а остальные доходы откладывал на покупку машины...

Как говорится, комментарии излишни. Он прицепился к тому, что я не взял одной квитанции о покупке долларов. В ответ на это я предложил узнать курс в данном обменном пункте по дате приобретения долларов и сравнить с названным мной. Вообще, речь

тогда шла о какой-то смешной сумме, которой хватило бы разве что на бутылку водки. Но ему не нужен был факт, ему был нужен лишь предлог. Поэтому он отказался от предложенного мной метода проверки. В том же телефонном разговоре, но двадцатью минутами позже, он сказал, что воров меня не называл.

Для него ничего не стоило незаслуженно оскорбить меня, а потом отречься от своих слов, то есть не отвечать за сказанное...

О, боже! Я сжег столько собственных нервов, когда выпрашивал деньги у спонсоров, когда в полукриминальных условиях обменивал валюту, когда торговался со всеми без исключения службами по обеспечению мероприятия, я чуть не получил инфаркт в момент, когда военно-милицейский патруль нашел в моей машине мешок рублей на сумму в 2500 долларов, а теперь я еще должен унижительно оправдываться за то, чего не делал! Мое терпение лопнуло, а запас нежности к собственному детищу в лице группы «Крематорий» подошел к концу. С меня достаточно. Пусть другие работают на хитроумного Армена!..

Что-то говорить ему было бесполезно. Он бы все равно ничего не понял, а потому я решил не вмешиваться больше ни в одно дело, где меня можно было хоть за что-то упрекнуть. Сжать зубы и дотянуть свои последние дни в «Крематории» до того момента, когда я укомплектую свою собственную группу. А поиск музыкантов надо начинать уже завтра...

Последний период моего пребывания в группе «Крематорий», вплоть до мая 1994 года, я бы назвал – исключительно для себя – этапом переживания и поиска новых музыкантов.

Глава XXXXIV. «ТАЦУ»

Еще летом Армен как-то обмолвился, что ему предложили сценарий фильма, где он и группа могут быть заняты не только в музыкальных сценах, но и сыграть драматические роли. К осени вопрос конкретизировался, и как-то на крематорскую репетицию пришел автор сценария и одновременно режиссер будущего фильма Вячеслав Лагунов. В его облике не было даже микроскопического элемента киношного, во многом светского лоска. В своем бесформенном свитере непонятного цвета он походил скорее на прихиппованного созерцателя из коммунальной квартиры. Мы познакомились, и он немного рассказал о фильме. Я сразу признался ему, что очень хотел бы попробовать себя в какой-нибудь небольшой роли, на что Слава ответил, что такая роль есть, больше того – после нашего разговора он уверен, что снимать нужно не профессионального актера, а меня. Через день я получил сценарий фильма «Тацу». На первой странице, где было напечатано «автор сценария Вячеслав Лагунов», шариковой ручкой было подписано: «и Армен Григорян». К тому времени Армен уже в нескольких интервью гордо заявил: «Мы снимаем кино...». Выглядело это так, словно группа финансировала съемку и возглавляла творческий процесс...

Съемки начались в ноябре 1993-го. С одной стороны, все было «по-настоящему». Съёмочная группа, кинокамера и даже рельсы для нее, профессиональные актеры, гримерша, куча осветителей с разнообразными приборами, съемки на улице, в квартире, в других помещениях и, наконец, святой символ кинематографа в виде хлопушки с номером дубля. Я уже не говорю о

суете администраторов и директора картины. С другой стороны, количество накладок было ужасающим. Если съемка назначалась на 11 часов утра, то начиналась она, в лучшем случае, в пять вечера. Причем причины задержек и сбоев были чисто русскими: неподготовленность и недобросовестность отдельных исполнителей. В результате подобной системы, съемочный процесс вскоре из занятия творческого превратился в некую муторную обязанность. Как вы понимаете, такое отношение основных исполнителей лишало отснятый материал самого главного – инициативы и выдумки. Что касается режиссерской роли, то Слава Лагунов, конечно, еще не был готов к столь фундаментальной ноше. Да и вообще, сценарий во многом был не продуман, и находить окончательные решения зачастую приходилось прямо в процессе съемки.

Уже через месяц после начала работы я понял, что нормального результата (в смысле конечного продукта) ждать не стоит. Мы попали в «киношную самодеятельность», где не было самого главного, без чего фильм не получится никогда, – состоятельного сценария и настоящего режиссера. Оставалось лишь удивляться, кто мог доверить Лагунову столь значительные средства на фильм? Оказалось, что заказчиком фильма является некая английская компания, занимающаяся в России игорным бизнесом. Я не очень информирован о хитросплетениях и финансовой подоплеке киноспонсорства, но думаю, что англичане списали на съемки гораздо больше средств, чем реально затратили. И уж в чем я точно уверен, так в том, что своих денег они на ветер не выкинули...

Однако группу эти проблемы не должны были волновать. Да и не смог бы даже самый замечательный спонсор спасти картину от некомпетентности ее режиссера. Кстати, интересный нюанс заключался и в

том, что практически невозможно было определить жанр фильма. С одной стороны, в основе сценария лежал почти детективный сюжет, но действие происходило в рок-группе. С другой стороны, присутствовала минорная любовная интрига, но картина была буквально напичкана песнями «Крематория» (естественно, за авторством Григоряна) – их было штук семь, и шли они целиком. Кроме этого, была задействована песня Насти Полевой «Тацу», давшая фильму название, и композиция группы «Молотов коктейль», так что фильм начинал смахивать то ли на мюзикл, то ли на сборную кассету нескольких рок-исполнителей. Съёмки из процесса творческого превратились в процесс пустой и механический. Это почувствовали все, и общая задача в этом мероприятии вообще перестала существовать. Каждый из участников пытался достичь своих целей. Оператор выстраивал изощренные световые кадры (получалось, надо признаться, неплохо), режиссер вносил многозначительные заумности вроде закадровых цитат из Толкиена или абстрактных целлулоидных узоров, Григорян «соглашался» вставить очередную песню, «Крематорий» кроме денег за роли получал и пару клипов – в общем, вырисовывался классический русский вариант «лебедя, рака и щуки». При подобном раскладе кино не могло получиться...

Главную роль в фильме играл артист Вячеслав Бухаров, имевший в то время какое-то отношение к театру «Сатирикон». Он был нашим ровесником, когда-то обучался игре на скрипке, так что его внедрение в фигурировавшую в картине рок-группу проистекало естественно. По сценарию его герой «Андрей» возвращается из тюрьмы и вновь присоединяется к своей бывшей рок-группе, роли лидеров которой исполняли мы с Арменом. (Кстати, Армен выбрал для своего персонажа сочное имя «Кондратий», моему

досталось более распространенное - «Ник».) Но «Андрей» хочет отомстить то ли укатавшему его следователю, то ли чрезмерно ретивому тюремщику, для чего ему необходим был пистолет. Кондратий и Ник соглашались помочь ему, и вся компания попадает в нехорошую историю. Милиционер, у которого они пытались отобрать пистолет, погибал, и среди участников группы происходил конфликт. Ник считал, что в случайной смерти милиционера виновны все они втроем, начинал терзаться и, не понятый друзьями, покидал группу. На «Андрея» и «Кондратия» выходил следователь, когда-то тоже игравший в рок-группе (каково?), и оба они погибали. Причем «Кондратий»-Григорян, чтобы не предать «Андрея»-Бухарова, выбрасывался из окна. Вот такой «героический» конец! Хотя нет, финалом стала странная сцена последней встречи следователя и «Андрея» и самоубийство последнего (он застрелился). Такая вот веселая история!..

Хочу рассказать пару характерных примеров из истории съемок. Думаю, станет более ясен сам уровень процесса. Например необходимо было снять обнаженную девушку под душем в ванной, причем выйти на этот кадр было необходимо с разговора между «Ником», «Кондратием» и «Андреем». Снималась эта сцена в огромной комнате старого дома на Цветном бульваре, где устраивал свои представления широко известный в узких кругах авангардный кутюрье Петлюра. В это помещение откуда-то притащили старую ванну, развесили вокруг полиэтиленовую занавеску, а над ней вывели некую трубу, имитировавшую душ (откуда должна была литься вода). Установили осветительные приборы, оператор несколько раз прорепетировал сцену с нами, и настал момент съемки девушки. Она разделась и встала на исходную позицию. Прозвучала команда «мотор», и оператор начал снимать

наш разговор. Несколько раз что-то не получалось, и приходилось начинать сызнова. Все это время обнаженная девушка ждала в довольно прохладном помещении. Наконец наша сцена прошла «без сучка и задоринки», и камера вышла на девушку в ванне. По команде открыли трубу, откуда пролилось несколько грязных капель. Все было запорото, приходилось начинать с самого начала... Этот кусочек снимался не менее четырех часов и вымотал всех участников.

Самой простой для съемки стала сцена пьянки. Ничего особо сложного изрекать и изображать там не нужно было, а потому на стол была выставлена натуральная водка и закуска. Для разбавления мужской компании посадили в кадр гримера Катю и администратора Оксану. Одновременно с командой «мотор» была вскрыта пробка, и водка полилась в стаканчики. Минут через тридцать уже никто не обращал внимания на работавшую камеру, до того так довлевшую над всеми... Если взглянуть на эту ситуацию философски, то приблизительно так же происходит и в жизни. Человек занят чем-то банальным – типа пьянки и девочек, а в это время за ним пристально следит некое незримое око, безмолвно укоряя: «Помни о вечном!»...

На мой взгляд, с актерской точки зрения, лучше всех в фильме показали себя Никита Прозоровский (следователь) и... Маргарита Пушкина, сыгравшая эпизодическую роль матери главного героя. Были и другие женские роли. Пьяницу-бродяжку сыграла свердловская рокерша Настя Полева, а в качестве главного женского персонажа выступила актриса Оксана Потоцкая, имевшая в активе больше десятка ролей в перестроечных кинофильмах. Правда, роль Оксаны в фильме «Тацу» была абсолютно невыигрышной, и кульминационной должна была стать постельная сцена, снимавшаяся на даче. Стояли сильные морозы, и температура в помещении не

достигала пятнадцати градусов. Так что замерзшие тела любовников имели абсолютно неэротичный синеватый оттенок, а чтобы оправдать пар изо рта, героям приходилось постоянно курить. Слава богу, что никто из них не простудился, но их жертва оказалась напрасной. При монтаже любовная сцена по какой-то причине была вырезана.

Наконец весь материал был отснят. Этому предшествовало несколько походов делегации от съемочной группы с протянутой рукой к спонсорам и увольнение проворовавшегося директора картины. Но до окончания фильма было еще далеко, к тому же впереди маячили существенные расходы на монтаж и озвучивание фильма. Эта работа началась уже в новом 1994 году на «Мосфильме».

В тот год павильоны главной киностудии страны пустовали. Одновременно в производстве находилась кинолента Андрона Кончаловского «Куручка-ряба», вот, пожалуй, и все. Зал озвучивания находился довольно далеко от проходной, и в эти края почти никто не забредал. Текст записывался по следующей технологии. Например в один день записывались все сцены, где присутствовал Армен и я. На следующий сеанс вызывали Бухарова и Армена, и так далее. Я говорю все это к тому, что мы видели лишь отдельные кусочки будущего фильма, в лучшем случае – целые сцены. Оценить его качество как целого фильма нам, непрофессионалам, было трудно. Хотя некоторые слабые точки уже выявились. Так, если во время съемки большинство диалогов казались более или менее жизнеспособными, то уже на стадии озвучивания они казались просто бессмысленными или даже дикими. Порой приходилось придумывать новый текст, подходящий под движение губ в кадре. В один из таких моментов, когда мы со Славой Лагуновым судорожно пытались найти решение одной подобной ситуации и

спорили по поводу конкретных слов, в затемненном зале раздался усиленный микрофоном голос звукорежиссера: «Не понимаю, кто здесь режиссер?». В этой фразе сконцентрировалось несколько мыслей. С одной стороны, звукорежиссер хотел осадить меня, подрывавшего своим спором принцип единоначалия в кинематографе. С другой стороны, эта фраза признавала некую некомпетентность режиссера-сценариста, не знавшего нужной реплики.

Да, я забыл сказать, что Армен, узнав о «скрипичном» прошлом Бухарова, начал «строить планы» на Славу как на возможного будущего скрипача «Крематория». На мой взгляд, эта мысль изначально была порочной из-за низкого технического уровня Бухарова. Одно дело взять такого музыканта на этапе зарождения или даже становления группы, совсем другое – приглашать скрипача в коллектив, отметивший десятилетие и имеющий некие обязательства перед собственными слушателями... Думаю, что больше всего Армена в Славе устраивали совсем не музыкальные качества. Мне кажется, что в Бухарове он разглядел человека, готового слепо идти за лидером, не задавая вопросов и не предъявляя претензий. Сразу скажу, такая порода людей очень распространена в театральном мире, где режиссер – царь и бог. И еще одна «замечательная» для Армена и «Крематория» черта была у Славы. Он всегда был готов «сгонять за пузырем»...

Поверьте, я далек от того, чтобы бросить на Славу Бухарова какую-либо тень, больше того – готов отдать должное его талантам. В те времена он был артистичен, по-актерски компетентен и открыт для дальнейшего обучения и совершенствования. По-моему, до того он работал в русском театре одной из прибалтийских республик, но история того театра закончилась после обретения республикой государственной

самостоятельности. Поэтому уже первые его шаги на столичном актерском поприще стали весьма успешными. Но для того, чтобы достичь устойчивого успеха и популярности в театральном мире, ему требовалось в течение хотя бы нескольких лет «предлагать себя», пробиваться, трудиться, преодолевая кучу неблагоприятных обстоятельств, таких, как отсутствие жилья в Москве и наличие семьи в Воронеже. Именно в этот момент Армен и предложил ему стать участником известной московской группы, которой зрители аплодировали при одном лишь появлении на сцене. Как вы думаете, какой путь выбрал Бухаров? Как ни странно, он пошел в «Крематорий». Вы спросите: а что же здесь странного?..

Сколько я ни встречал на своем веку людей театра, все они были «заражены» своим искусством, словно наркотиком. Они жили где придется, питались впроголодь, ходили в обносках, терпели порой унижительный диктат режиссера – все ради своего призвания, ради момента выхода на сцену. Слава был одним из немногих, кто согласился променять эту судьбу на иную. Может быть, это произошло из-за того, что, теряя одну сцену, он обретал другую, дотоле недостижимую. Мне казалось, что он должен отдавать себе отчет в том, что хороший скрипач (а именно на эту работу его принимали в группу) из него не выйдет никогда.

Во время нашего перекура в процессе озвучивания мне удалось поговорить с ним. Я считал своим долгом предупредить его о последствиях выбора, а потому спросил у него: «Не будешь ли ты впоследствии жалеть о зачеркнутой карьере артиста? Ты понимаешь то, что совместить это с «карьерой» рокера невозможно?».

Он ответил, что все отлично понимает, но мне показалось, что выбор за него сделал сам ход событий.

На актерском фронте стояло затишье, а в крематорских краях жизнь была ключом...

Глава XXXV. «НОВЫЕ ЗАКОНЫ» КЛАССИЧЕСКОГО ТАНГО

Действительно, а что же в тот момент происходило в группе?

В январе 1994 года в студии Московского Дворца молодежи «Крематорий» начал запись своего седьмого студийного альбома «Танго на облаке». Технология записи была такой же, как на «Двойном альбоме». Правда тогда записывали старые, хорошо отработанные песни, много лет исполнявшиеся на концертах, а нынешний материал, несмотря на почти двухлетнюю проработку, был все же новым и мог преподнести сюрпризы. Но Армен сделал верный шаг. Пусть позднее других участников группы, но все же он понял уровень профессионализма Андрея Мурашова и теперь доверил ему основную роль, аналогом которой в футболе является играющий тренер. Впоследствии на пластинке появится стандартная надпись: «Аранжировки – «Крематорий», но это не больше чем дань замшелой традиции. Правильнее было бы указать, что аранжировки принадлежат Андрею Мурашову. Участие остальных в аранжировке невелико, и даже Армен если и делал что-то в этой области, то лишь выбирал из предложенных Мурашовым вариантов или направлял работу Андрея эмоциональными, но не очень конструктивными пояснениями. Исключение составляли: песня «Квазимодо», начинавшаяся продолжительным басовым проигрышем Третьякова, и заглавная вещь альбома «Танго на облаке», оставшаяся очень близкой к акустическому оригиналу Армена. Кстати, судя по партиям, исполненным женским скрипичным трио, ноты для них расписывал тот же Мурашов (либо кто-то писал их с его слов).

Вообще, с исполнительской точки зрения, альбом был сделан довольно неплохо, да и звукорежиссер Юрий Бурунков поработал качественно. В ряду «крематорских» альбомов эта запись получилась удивительно прозрачной и чистенькой. Скорее всего из-за наличия некоего критерия звучания в лице (и ушах!) Мурашова свойственная группе ложка дегтя не смогла просочиться на запись, и, поверьте, это было колоссальное достижение для «Крематория»...

На одной из самых ранних стадий записи – по моему, записывали еще барабаны – я заехал на студию. Ритм-секция была занята делом, а Григорян, сидевший в комнате отдыха с Бухаровым и Оразовым, встретил меня демонстративно неприветливо. Все его действия напоминали поведение ребенка, который нашел свою компанию для игры, а остальных окружающих воспринимает как помеху этой игре. Я пожал плечами и поехал домой. В принципе, незадолго до этого он говорил мне, что вызовет меня на студию в необходимый момент, и, вне зависимости от величины своего участия, я буду в равных условиях с остальными членами команды. Я не настаивал на подобных условиях, к тому же предлагал их сам Армен. Я согласился, приняв правила игры, и нечего было приезжать на студию самому.

От Михаила Оразова я знал, что он (Миша) довольно много сил и времени тратит на обслуживание работавшей на студии группы. Если не ошибаюсь, он присутствовал там почти каждый день. Ежедневно присутствовал и Слава Бухаров, хотя ни на одном инструменте на альбоме он так и не сыграл. В какой-то момент я узнал от Оразова, что Армен с помощью Славы пытается записать вторые голоса. До этого Григорян безоговорочно признавал мое главенство в этом вопросе, к тому же все многоголосия для записывавшегося альбома были уже отрепетированы и

согласованы с ним. Но эти сепаратистские действия Армена были очень похожи на его методы, так что я нисколько не удивился. Я понял, что он настойчиво пытается оборвать последнюю нить, связывающую меня и группу, а именно найти замену моему умению придумывать и записывать многоголосия.

Те не менее, через некоторое время раздался телефонный звонок, и я услышал приглашение посетить студию с целью записи трех песен. Я в ироничном стиле поинтересовался, а куда делись остальные, и услышал в ответ, что больше от меня ничего не требуется. Мне стало ясно, что группа силами Славы Бухарова (а может, и кого-то еще) смогла записать все голоса, и лишь с тремя песнями у них ничего не получается.

На запись этих трех песен («Брат во Христе», «Некрофилия», «Jeff – Белая Кровь») мне понадобилось ровно тридцать минут. Лицо Мурашова, «принимавшего работу» из операторской за стеклянным окном, было довольным, из чего я сделал вывод, что спел нормально. Я уже начал снимать наушники, как он замахал руками и на секунду исчез. Видимо, он обращался за одобрением своей мысли к Армену, потому что, вновь появившись «в кадре», попросил меня спеть еще одну песню – «Квазимодо». Так же быстро я справился и с ней, записав в финале эффектное трехголосие, имитирующее мощный голосовой форсаж... Спустя некоторое время Григорян заявил мне, что на этом альбоме считает меня не участником группы, а приглашенным музыкантом. Меня в очередной раз удивило (но уже не поразило), что он меняет правила игры уже после ее окончания. Ведь если бы мне изначально предлагали подобный расклад, я просто отказался бы от такого участия, как сделал это на альбоме «Зомби». Но в том-то и дело, что до этого Армен говорил совсем другие слова и в очередной раз отказался от них...

На этом моя роль в записи альбома «Танго на облаке» закончилась. Хотя вру, меня еще «вызывали» на фотосъемку для альбома. Когда я приехал, оказалось, что сниматься нужно в нелепых костюмах, которые Бухаров извлек из родственных театральных источников. К счастью, на всех этой мануфактуры не хватило, так что мне достались лишь белые ботфорты – в качестве остальных предметов прикида для фото сгодились мои собственные вещи.

Некое нововведение заключалось в том, что на альбоме участники группы превратились в неких персонажей с пиратского корабля. Себя Григорян перевоплотил в Капитана Сильвера, основной аранжировщик Мурашов, естественно, стал Старпомом Казановой, безалаберный Третьяков превратился в Веселого Роджера, уравновешенный Сараев был назван Добряком Эндрю. Меня, способного улетучиваться и реализовывать собственные проекты на стороне, окрестили Человек-Дым, а Бухарова, которому на съемке достался костюм скелета, превратили в Ангела Смерти. Рискну предположить, что эта идея появилась у Армена уже после фотосъемки, хотя никакого особого значения эта мысль не имеет. А в тех костюмах «Крематорий» выступит (уже без меня) через несколько месяцев на презентации альбома «Танго на облаке»...

Кстати, когда я услышал окончательный вариант «Танго...» после сведения, то очень удивился использованию напетых мной партий. Я уже говорил о том, что особый шарм двухголосия возникал при равноправно звучащих вокалах. Но в фонограмме мой голос задвинут на отдаленные задворки. Так что я даже стал считать, что ничего на этой пластинке не пел, а выступил на альбоме в качестве манекенщика, приглашенного на обложку.

И еще один интересный факт. Когда проявили пленки вышеупомянутой фотосъемки, художник

Василий Гаврилов, оформлявший предыдущие альбомы «Крематория», – а в тот момент и пластинку «Танго на облаке», – заметил, что неплохо бы выпустить на базе одного из снимков плакат «Крематория». Я взял один из лучших кадров, и через два месяца готовый плакат (бесплатный) группа получила. Но самое смешное заключалось в том, что плакат был готов уже тогда, когда я покинул «Крематорий». В течение трех лет мы мечтали о плакате и не могли сделать его, а теперь произведенный продукт становился никому не нужен из-за изменения состава. Правда, некоторое небольшое количество этих раритетных плакатов было распродано на презентации «Танго на облаке». Через некоторое время мне позвонили представители производившей плакат типографии и спросили, «нужны ли кому-нибудь оставшиеся плакаты или они могут выбрасывать их?». Я ответил: «Выбрасывайте!».

Глава XXXXVI. РАЗНОЕ

Вот мы и приблизились к финалу нашей истории. Правда, я пропустил пару крематорских гастролей – в Луганск (1 концерт) и Петербург (2 концерта). Там не было ничего особенно интересного, ни в событиях жизни, ни в концертах. Разве что участие в Петербургских гастролях скрипачки Елены Крикловенской – беспрецедентный случай первого выхода на сцену в составе «Крематория» женщины. Вскоре это место займет Слава Бухаров. Правда, на первых порах Слава на сцене был абсолютно неубедителен, особенно это ощущалось в акустических вещах типа «Сексуальной кошки» и «Стремного корабля», где скрипка и акустическая гитара оставались без «прикрытия» ритм-секции. Мы так часто ругали за «лажу» Мишку Россовского, что сами поверили в это. Оказалось, что Мишка являлся настоящим «Профи» с большой буквы. Я уже не говорю о том, что он чувствовал внутреннюю сущность группы «Крематорий». Но теперь той группы, – состоявшей из способных на индивидуальное мнение участников, – уже не было. Была группка людей, безоговорочно следующих распоряжениям своего лидера. Это был не самостоятельно действующий «Крематорий», а аккомпанирующий состав при известном рок-авторе. Так решила жизнь. А название «Крематорий» осталось для формального обозначения коллектива и привлечения максимального количества публики. Все вновь выходящие пластинки с маркой «Крематорий» с финансовой точки зрения контролировались все тем же Арменом, как контролировал он альбомы, сыгранные ушедшими из группы людьми. А существование нашей страны вне правового поля лишь помогало его диктату.

И даже когда в России были приняты законы, защищающие права обладателей «смежных прав» – музыкантов группы, художников и звукорежиссеров, никому из бывших крематорцев ни копейки не перепало за прошлую работу. Лишь я иногда получал небольшие деньги как автор собственных песен, хотя в отдельных случаях Армен сумел «кинуть» даже меня. Но об этом чуть позже...

В апреле 1994 года я узнал о готовящейся поездке на фестиваль в Екатеринбург. Собственно, называть это мероприятие фестивалем было кощунством. Я уже рассказывал о Екатеринбургском фестивале 1992 года, проходившем во Дворце спорта. Нынешнее выступление (даже не сольный концерт) должно было состояться в маленьком зале, чуть ли не в клубе. Гонорар за концерт подвергся уменьшению – по сравнению с обычным размером – в том же масштабе, что и площадка для выступления. Когда я стал выяснять, зачем мы едем в город, где нам собираются платить жалкие крохи, выяснилось, что Сереге Третьякову требуется попасть в родную Верхнюю Пышму (городок в ближайших окрестностях Екатеринбурга). Это кардинально меняло дело. Против помощи Третьякову я не имел никаких возражений. (Собственно, я старался помогать ему и раньше. Взять хотя бы мое общение с женщиной-следователем по делу Сереги, когда его обвинили в спаивании несовершеннолетней...)

Тогда, в апреле, я уже репетировал совсем другие песни с новыми музыкантами. Гитарист Костя Латышев был моложе меня на 10 лет, что не мешало нам понимать друг друга. Когда я под простую гитару продемонстрировал ему несколько песенных заготовок, он удивленно спросил у меня: «А что же ты не играл такую музыку раньше? Ведь ты бы стал №1 в тяжелом жанре!». Как я мог объяснить представителю поколения, учившегося играть на качественных гитарах

и фирменных комбиках, что в конце 70-х и начале 80-х мы мечтали о ленинградской двенадцатиструнке, а об аппаратуре и ударной установке до поры до времени и не заикались? Что наши песни мы успевали отыграть на акустике, и тут же нужно было «брать ноги в руки», чтоб не давать потом всевозможным органам бессмысленных объяснений. Как я мог объяснить, что не всем удавалось, как «Круизу» или «Арии», встать на филармоническую стезю? Да и не всем хотелось связываться с филармониями или другими государственными организациями...

Бог с ним, дело прошлое. Мне и десять лет спустя было интересно записать «тяжелый» альбом не для кого-то, не для публики и продажи, а для себя и тех, кто одних со мной музыкальных взглядов, кто уважает совокупность оригинальной мысли и качественного исполнения. И то, что бегущий за иллюзорными новациями музыкальный критик назовет мою музыку «вчерашним днем», меня не пугает, а радует. Мне интересны эмоции в музыке, а их вызывает хорошая музыка в любом жанре (от классики до «гранжа»), а не только лишь модерновые стили...

Костя Латышев уже через несколько дней показал мне свои размышления, воплощенные в гитарные риффы, и ход его мыслей мне активно понравился. Даже когда мы втроем – с басистом Ромой – в первый раз попытались пробренчать эти вещи дома на простых гитарах, в них просматривался определенный шарм. А когда группа доукомплектовалась барабанщиком Женей Поляковым и крематорцем «золотого состава» Сергеем «Пушкиным» Пушкаревым, на этот раз игравшим на клавишных, и начала репетиции в клубе «Sexton» на Соколе, я словно почувствовал давно утраченный вкус к жизни. В те моменты, когда мне не нужно было петь в микрофон, я специально опускал

голову, чтобы ребята не заметили идиотской улыбки счастья на моем лице...

И вот поезд везет нас в Екатеринбург. Дорога туда длинная, так что мы успели позаниматься всем чем возможно. Пылились, читали книжки и так далее. В частности я общался с Андреем Сараевым. Незадолго до нашей поездки я разговаривал с издателем на кассете первого альбома группы «Дым» «Для умного достаточно». Он же издавал и крематорский альбом «Зомби», причем гонорар за право выпуска кассет в течение трех лет составил очень приличную по тем временам сумму в 10000 долларов...

Григорян когда-то сам установил правила раздела гонораров. Согласно им, себе он забирал 50% прибыли, а остальные участники конкретного проекта, являвшиеся на момент получения гонорара участниками группы «Крематорий», делили другие 50%. В данном случае – с альбомом «Зомби» – покинувшие группу гитарист Виктор Осипов и скрипач Михаил Россковский не получали ничего, зато барабанщик Андрей Сараев и басист Сергей Третьяков должны были получить по две с половиной тысячи баксов. Все без исключения музыканты группы жили бедно, так что столь значительная сумма должна была солидно укрепить личный бюджет Андрея и Сереги. Я спросил каждого из них, получали ли они такие деньги от Армена. Серега, всегда славившийся радикальным мнением по всем без исключения вопросам, оригинальничал и ответил, что вроде как это не его дело. Андрей сказал, что никаких денег не получал, ему лишь презентовали кассету...

В Екатеринбурге все происходило достаточно скромно. В зале, где происходил фестиваль, практически не было сидячих мест, лишь вдоль стен. Не очень многочисленная публика тусовалась не только в зале, но и в фойе, собираясь в зал лишь на выступление

любимой команды. Группы были «свердловскими» – и по принадлежности, и по музыкальной стилистике. В Екатеринбурге с еще «свердловских» времен любят сложную, чаще всего утяжеленную музыку. Еще Дима Умецкий в свое время говорил мне, что любимой группой Свердловска всегда являлся и мой любимый «Led Zeppelin». Мини-фестиваль 1994 года полностью подтверждал это. Большинство выступавших команд играли хард-рок, некоторые даже на английском языке. Конечно, в масштабе отечественного рок-бизнеса исполнять песни на английском было анахронизмом, но лично мне очень нравится тяжелая музыка. Я уверен, что в этой области еще не исчерпаны возможности для открытий и откровений... Больше всего в Свердловске мне понравилась группа (названия не помню), где вещи в стиле все того же «Led Zeppelin» пела девушка.

Даже непонятно, для чего на этот праздник хард-рока пригласили «Крематорий». Все выяснилось, когда мы вышли на сцену. Количество зрителей вдруг резко увеличилось, они сдвинулись к сцене, и концерт прошел под непрерывные аплодисменты зала.

Увы, такова оборотная сторона любой популярности. Казалось бы, только что на сцене выступали классные коллективы, а большинство зрителей прикрывали рукой зевоту или поглощали напитки в буфете. Но стоило появиться на сцене раскрученному коллективу с уже знакомыми песнями, как все кардинально изменилось. Может быть, так и должно быть, но мне в подобной подоплеке событий видится некий «быдлизм» нашей публики, оценивающей видимое и слышимое не по объективным профессиональным критериям, а через призму собственных пристрастий. Хотя, может быть, подобный подход присутствует и у западной публики?

Глава XXXXVII. СКАНДАЛ, ЕЩЕ СКАНДАЛ

Гонорар за единственное выступление в Екатеринбурге группа получила заблаговременно – утром в день концерта. «Командовал парадом» самолично Григорян, так что нашему директору Михаилу Оразову осталось лишь разделить полученные от организаторов концерта деньги на отдельные кучки и раздать их членам группы. Мы жили с Михаилом в одном номере, и я просмотрел оставшиеся у него расчеты. К своему удивлению, я нашел там незначительную ошибку, немного искажавшую окончательные цифры. Я хорошо помнил, как Армен постоянно проверял расчеты в мою бытность директором, а потому решил, что в данном случае имею право исправить найденную ошибку. Я пошел в номер Григоряна, и ошибка была исправлена. Но, боже, как же он разозлился! Еще бы, ведь контролировать что бы то ни было имел право лишь он, и вдруг еще какой-то Троегубов вопросы задает...

По окончании концерта необходимо было поторапливаться, ведь наш поезд уходил уже вечером. Но мы приехали на площадку уже с вещами, так что собираться не требовалось. Пока обсыхали после концерта, в гримерку набилась куча народа. Кто-то хотел получить автограф, кто-то намеревался выпить с музыкантами любимой группы, так что на вокзал мы выдвигались уже в поддатом состоянии. Правда основной банкет должен был состояться уже в вагоне. Заранее была закуплена водка и закуска, так что дорога обещала стать приятной и недолгой.

Все восемь билетов были в один и тот же вагон, но лишь одно купе было полностью нашим. Остальные

четыре места оказались на верхних полках и располагались следующим образом: два места попали в одно купе, еще два – по отдельности. Мы с Оразовым разместились на верхних местах, что были вместе, а основные любители банкетов заняли полное купе. Звукооператор Серега Овсянников в эту четверку не попал, и это было вдвойне прискорбно из-за того, что выпил он гораздо больше, чем ему требовалось. Передвигался он, к счастью, сам, но даже невооруженному взгляду было ясно, что он сильно пьян. Проводница вагона сразу поняла это и предупредила, что в случае каких-либо «сюрпризов» ссадит его на первой же станции. Сомневаться в ее словах не приходилось, так как выглядела она очень решительно...

Поезд еще не успел тронуться, как в вагоне появился и бригадир проводников. И надо же было так случиться, что блуждающий в полубессознательном состоянии Серега попался ему на глаза. Бригадир тут же слово в слово повторил угрозы проводницы и потребовал, чтобы Серегу уложили спать. Как только проводник ушел, Григорян появился в нашем с Оразовым купе и сходу начал довольно грубо выговаривать мне и Михаилу. По его мнению, Серегу надо было уложить на одно из наших мест.

В купе, где расположились мы с Оразовым, кроме нас ехали пожилая женщина и мужчина средних лет. Не думаю, что они обрадовались бы соседству пьяного, тем более что абсолютно неясно было, как Серега будет себя вести. Вообще, в данной ситуации было очевидно, что надо уложить Серегу в полностью «крематорском» купе. Там бы он никому не мог помешать, к тому же все его действия можно было контролировать. Я тут же сказал об этом Армену, но он начал орать на меня: «Нечего рассуждать! Быстро освободи место Овсянникову!».

Уверен, что спящий на верхней полке Серега не помешал бы застолью в «крематорском» купе, но пойти даже на это Армен не захотел. Его решение переселить Серегу на мое место было продиктовано отнюдь не заботой об Овсянникове. Это в чистом виде была забота о собственном комфорте, а форма, в которой он наезжал на нас с Оразовым, была просто хамской...

Дальнейшие события развивались по нарастающей. Наверно, впервые в жизни я пошел на открытую конфронтацию с Арменом и не собирался соглашаться с его абсурдными требованиями. Но он уже «закусил удила» и не мог остановиться. Армену всегда везло с окружающими его людьми, которые ценили его дар и в силу этого старались не противоречить ему. Поверьте, это чаще всего портит человека, начинающего считать, что он непогрешим и всегда прав...

Армен был взбешен. «Пойдем со мной!», – крикнул он мне. Я как можно спокойнее ответил: «Пойдем!» и последовал за ним, а следом за нами отправился и директор «Крематория» Михаил Оразов, явившийся свидетелем (или участником) всей этой неприглядной сцены. Кстати, у Миши накопились свои претензии к Григоряну, которые он тоже хотел бы высказать...

Глава XXXXVIII. ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО ДИРЕКТОРА

Директору любой активно работающей рок-группы приходится заниматься многими делами. В частности, именно ему приходится общаться с конкретными организаторами концертов в тех городах, где хотят видеть и слышать данный коллектив. На таких переговорах заказчики гастролей стараются обойтись как можно меньшими затратами, мотивируя это всевозможными трудностями и неблагоприятными обстоятельствами. Директор группы, напротив, старается «выбить» из организаторов как можно лучшие условия для собственного коллектива, при этом базируются его требования на так называемой «стоимости коллектива». Эта величина зависит лишь от посещаемости группы в данный момент времени, и у самых «кассовых» артистов она, естественно, самая высокая. Но и работать с ними организаторам выгоднее всего, ведь порой одно имя коллектива является гарантией коммерческого успеха данных гастролей. Итак, директор должен добиться от конкретных организаторов гастролей:

- 1) своевременной выплаты гонорара группы (аванс лучше получить предоплатой);
- 2) полного выполнения аппаратурных требований для концертов;
- 3) нормальных условий проживания группы и техперсонала во время гастролей.

Кроме того, директор должен безошибочно спланировать своевременный выезд группы к месту гастролей и обратно, если нужно – состыковать их с другими, «соседними», поездками. В некоторых случаях директору приходится организовывать и систему

питания для группы, а также участвовать в иных «важных мелочах». Довольно часто вместе с гастролирующим коллективом движется для продажи некоторый запас сопутствующей продукции: пластинки и кассеты, майки и плакаты, книжки и значки. Чаще всего осуществлять контроль над данной торговлей приходится директору.

Кроме гастрольно-концертной деятельности у директора существуют и другие направления работы: общение с прессой, организация рекламных акций и взаимодействие с издательскими фирмами, выпускающими основную продукцию музыкального коллектива в виде компакт-дисков, аудио- и видеокассет, другой продукции.

Чтобы все виды деятельности осуществлялись успешно, директор должен быть по-настоящему сильной личностью с цепкой памятью и мертвой хваткой. В его руках должны быть сконцентрированы все административные рычаги и достаточное количество самостоятельности. В наиболее продвинутых и успешно работающих рок-группах слово директора значит не меньше, чем слово музыкального лидера ансамбля. Я не стану называть имя конкретной рок-группы из «топовой пятерки», где директор смог уволить двух музыкантов, мешавших нормальной работе коллектива, даже при колебании лидера группы. И это правильно. Если каждый из двух руководителей – музыкальный и административный – хорошо делают свое дело и взаимодействуют, группе суждены успехи. Если кто-то из них начинает выполнять функции другого – значит будут проблемы во всех областях деятельности группы, в творческих – тоже...

У всех директоров «Крематория» никогда не существовало достойных полномочий – за исключением, пожалуй, лишь меня в лучшие годы. Это была общая беда административных руководителей нашего

коллектива, и Оразова она тоже коснулась. Он должен был не просто отчитываться перед Арменом, но и сообщать тому про каждый свой шаг. Я уж не говорю о том, что последнее слово всегда оставалось за Григоряном. Армену почему-то во всем чудился некий злой умысел директоров, хотя в действительности этого никогда не существовало.

Ведь каждый директор, чтобы жить достойно и получать нормальные деньги, должен поставить свою работу на высокий уровень и принести группе реальные деньги. Ведь он работает на проценте от прибыли, а не на зарплате, так что «как потопаешь – так и полопаешь». Таким образом, директор обогащает себя, лишь принося группе еще большие дивиденды, так что затевать что-то против группы или ее лидера означает для директора действовать против своих интересов. Поверьте, любой директор – почти всегда реалист и прагматик, если он не верит и не любит конкретную команду – он никогда не станет работать с ней. Я уверен, что каждый из директоров «Крематория» по-настоящему хотел своей группе только лучшего. Но Армен, видимо, думал иначе. Так что работа с конкретным директором никогда не продолжалась долго.

Оразов, уже поработавший с «Крематорием» на отдельных мероприятиях, на директорском посту сразу попытался взять быка за рога. Но его представление о правах и обязанностях директора известной рок-группы с самого начала оказалось не совсем одинаковым со взглядами Армена. Однако Миша понимал, что новый человек не может придти в чужой монастырь со своим уставом, а потому не спорил с Григоряном. Но чем дальше, тем больше он убеждался, что стал не директором, а обычным администратором, недалеко ушедшим от мальчика на побегушках. Григорян вмешивался в любые его действия, порой напрямую

подставляя Михаила. Чтобы не быть голословным, приведу пример.

Для того чтобы организовать концерт и добиться его освещения в прессе, директора групп довольно часто пользуются следующим приемом. Они просят газету поместить анонс о концертах коллектива, обещая взамен интервью с лидером группы. Таким образом газета получает эксклюзивный материал, а группа бесплатную рекламу концерта. Так действуют практически все наиболее известные рок-группы, так собирался действовать и Михаил. Одна из газет не захотела пойти на подобный бартер и не поместила объявление о «крематорских» выступлениях. На концерт журналист этой газеты все же явился и интервью с Григоряном у Оразова попросил. Михаил, естественно, отказал наглому визитеру, но тот сумел пробиться к Григоряну и...

Армен не только дал интервью, но и в присутствии посторонних отчитал своего директора, тем самым выставив его (а одновременно и себя самого) на посмеище в глазах всей журналистской братии и подрывая авторитет, нужный – в первую очередь – именно для решения важных задач «Крематория» как коллектива. Согласитесь, такие действия вряд ли приводят к улучшению взаимопонимания между людьми, старающимися достичь одной цели.

Конечно, читателю может показаться, что приведенный пример слишком мелок и ни о чем не говорит. Но ведь это только одна мелочь из длинного ряда...

Глава XXXIX. КУПЕЙНЫЕ СТРАСТИ

Как только мы втроем (Армен, Оразов и я) вошли в купе и начали выяснять отношения, другие участники группы начали «испаряться». Я уже рассказывал, к чему приводили отдельные конфликты в нашем коллективе. Так что большинство «крематорцев» смекнули, что собственное мнение лучше не высказывать вовсе. А чтобы случайно не втянуться в общий разговор и не сболтнуть лишнего, нужно действовать по методу страуса: сунул голову в песок, и гори все вокруг ясным пламенем. Так они сделали и сейчас, дружно отправившись «курить» в тамбур. А мы остались ругаться, хотя я и в нашем бурном споре старался соблюдать законы логики.

Не стану утомлять вас пересказом тех потоков слов, что бились тогда о стены купе, скажу лишь самое главное. Может быть, впервые кто-то прямо в глаза Армену высказал и обосновал не только отличную от его точку зрения, но и предъявил претензии к его конкретным действиям. Ведь раньше я старался вести любые разговоры с ним дипломатично, пытаюсь убедить его. Мы всегда разговаривали как глухой с немым. Я был нем, потому что не умел донести до него истинного смысла своих слов. А он был глух, так как не воспринимал сказанного мной, просто не хотел понимать иного мнения кроме своего. Вообще, Армен – сильная личность, и противоречить ему всегда было непросто, тем более что наличие конкретных аргументов он чаще всего заменял эмоциональными, но безапелляционными заявлениями. В результате мы чаще всего приходили к компромиссу, беда лишь в том, что компромисс всегда получался его образца. Но при нашем нынешнем споре в качестве третейского судьи

присутствовал не побоявшийся конфликта Оразов, а меня больше не устраивал компромисс.

Итак, рубиловка шла по полной программе, и голоса звучали на повышенных тонах. В административных просчетах меня обвинить было уже невозможно, а потому Григорян решил нанести удар ниже пояса:

– Почему ты обманул участников своего сольного альбома и не заплатил им денег?

Конечно, он имел в виду лишь одного бывшего участника группы «Дым», участвовавшего в записи пластинки «Для умного достаточно», а именно Андрея Мурашова – ныне гитариста «Крематория». Свое отношение к другим участникам моего сольного проекта, кстати бывшим членам «Крематория» Сергею Пушкареву и Вадиму Саралидзе он показал при подготовке к концерту Десятилетия, даже не пригласив их туда. Вообще, этот его выпад по поводу никак не касавшейся его группы «Дым» явственно показывал, что никаких сколько-нибудь реальных претензий ко мне у него не было. Но остановиться, тем самым признав свою неправоту, он попросту не мог.

Когда мне наносят удар ниже пояса, я готов, как тот «мирный советский трактор» из известного анекдота, «нанести ответный удар »из всех видов штатного вооружения, а потому я парировал этот его выпад аналогичным:

– Обманываю не я, а ты! Кто не заплатил Третьякову и Сараеву за изданную фирмой «Винсент» кассету «Зомби»?

Пожалуй, к такому обороту событий Армен не был готов. Одно дело – самому предъявлять обвинения кому-то, и совсем другое – отвечать на чужие претензии, предметные и подготовленные.

– Они получили эти деньги!

– А Сараев утверждает совсем другое. Что денег за кассету «Зомби» он не получал. Кстати, мы можем

спросить у него самого.

Армену ничего не оставалось делать, как согласиться с моим предложением. Позвали Андрея Сараева, и Армен задал ему вопрос:

– Андрей, помнишь, ты получил деньги за кассету «Зомби»?

– Нет, -ответил Сараев, – зато мне подарили кассету!

– Ты вспомни, Андрей, эти деньги я передал тебе во время репетиции.

– Я точно не получал, Армен! – стоял на своем Андрей.

Постороннему наблюдателю ситуация могла бы показаться абсурдной и даже комической, если бы не существовало определенной предыстории. Тем не менее, Григорян настойчиво, вновь и вновь продолжал задавать Андрею один и тот же вопрос в разной форме. Ответ Сараева не менялся. Лишь на восьмой или девятый раз он «вспомнил»...

Не знаю, как чувствовал себя Армен, но я был просто опустошен. Продолжать наш разговор уже не было смысла, тем более что все уже было сказано, и через несколько минут мы с Оразовым вышли из купе Армена. Вышли уже не участниками группы «Крематорий», а свободными людьми, пусть даже безработными. Нам было не привыкать начинать жизнь сначала. И, главное, мы с Михаилом ни о чем не жалели, как не жалею об этом и сегодня...

Как-то после моего первого ухода из «Крематория», в 1988 году, ушедший вместе со мной скрипач Вадим Саралидзе сказал: «Армен помешал нам сделать из него «звезду»!». Это являлось правдой, и мы понимали, как много тяжелого труда квалифицированных в своем деле музыкантов надо еще приложить к композиторскому таланту Григоряна, чтобы конечный результат засверкал идеальными гранями. Не понимал

этого только он сам... Пожалуй, на сей раз мы с Михаилом могли бы повторить ту же самую фразу. Два крепких профессионала – каждый в своей области, – умеющие работать и достигать успеха, были не нужны лидеру группы только из-за того, что каждый из них был личностью, а не холуем...

Казалось, после столь тяжелого разговора уснуть будет не так-то просто, но вышло все наоборот. После того как мы с Михаилом вполголоса обсудили все подробности «беседы», я провалился в небытие и проспал до утра как младенец. Видимо, любое решение проблемы все же лучше, чем неустойчивое равновесие.

И еще одно. Хотелось бы надеяться, что хотя бы тот резкий разговор изменил отношение Армена к своим работникам, а Андрей Сараев и Серега Третьяков получили впоследствии те свои деньги или хотя бы их часть.

Глава L. ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

После возвращения в Москву мы с Арменом встречались лицом к лицу только два раза. Дело в том, что у нас уже был «заряжен» акустический концерт в подвальчике на Курской. «Крематорий» явился туда в полном составе, приехал и я. Однако, как ни странно, было продано всего несколько билетов, так что выступать не было никакого смысла. В маленькой комнатке за сценой мы и переговорили по поводу окончания всех наших совместных дел. Я должен был получить свою долю из денег, на которые мы выпускали «крематорские» майки, и забрать 20% оставшихся пластинок «Двойного альбома». Кроме того, я должен был сдать Армену печать АОЗТ «Крематорий». Мы договорились, что произведем все эти действия во время моего специального посещения их ближайшей репетиции. На самом деле в ту встречу на Курской я сделал Григоряну последнее компромиссное предложение.

Отталкиваясь от того, что в данный момент у «Крематория» существовала великолепная концертная программа с моим участием, я предлагал оставить концертный состав без изменений, то есть я был согласен присутствовать в созданной мной же группе как сессионный музыкант, хотя это было крайне унижительно. Что касается моего присутствия «в составе» или «вне состава» «Крематория», этот вопрос я оставлял на решение Армена. В обмен на это я ставил следующие условия: я, как и раньше, получаю стандартную концертную ставку, и ко мне никто не пристает на любые другие темы. Армен выслушал мои слова и сказал: «Я никогда не собираюсь больше играть вместе с тобой!». Почему-то очень захотелось ответить

ему фразой Шарапова из фильма «Место встречи изменить нельзя»: «Вот и вы, Иван Сергеевич, уходите с ожесточенным сердцем», но я сдержался, попрощался с ребятами и уехал.

Вторая наша встреча, как мы и договаривались, состоялась на репетиционной базе у метро «Проспект Мира», куда я приехал за складированными там пластинками. Я отдал печать и забрал девять тысяч пластинок – пятую часть от почти наполовину непроданного тиража никому не нужных виниловых дисков «Двойного альбома». Тогда же мы заключили джентльменское соглашение относительно моих песен, присутствовавших на издававшихся альбомах «Крематория». Мы договорились о разделе гонорара за пластинки со смешанным авторством пропорционально количеству авторских песен. Скажем, если на альбоме «Крематорий II» из 16 песен мне принадлежат 8, то я и получаю восемь шестнадцатых от гонорара, иначе говоря – половину...

Еще раз, мельком, мы пересекались на состоявшейся 15 июля 1994 года в Центральном Доме художника презентации художественного фильма «Тацу».

За пару недель до этого мне позвонил режиссер Слава Лагунов и пригласил меня на прогон картины на Мосфильме. Я не поленился и поехал, прихватив жену и одного знакомого... Конечно, смотреть ЭТО было невозможно. Даже мой спокойный и флегматичный приятель минут через тридцать начал весьма обоснованно канючить: «Пойдем лучше пить пиво!». Жена не отставала от него в желании удалиться из просмотрового зала. Пришлось немного помучить их – мне необходимо было досмотреть до определенного момента. Однако и просмотр этих фрагментов не принес положительных эмоций, смонтированная картина выглядела на редкость гадостно и

непрофессионально. Единственное, для чего ее можно было бы использовать: в качестве пособия на тему «как не надо снимать кино».

Уверенный в полной провальности картины, я вообще не понимал, зачем надо было устраивать какую-то презентацию. Но все же решил посетить это мероприятие и даже пригласил туда нескольких знакомых, обозначив жанр грядущего события как «два фуршета с перерывом на фильм». Кстати, я сразу посоветовал приглашенным мной как можно больше выпить на фуршете перед началом картины. На мой взгляд, такая подготовка к демонстрации картины давала хоть какой-то шанс досмотреть его до конца, возможно даже повеселиться.

Презентация фильма «Тацу» была обставлена довольно пафосно. Маленькую сцену уютного зальчика Центрального Дома художника на Крымском валу окружали столы, уставленные бутылками и легкими закусками. Возле них застыли готовые к работе официанты. Пока приглашенная публика осваивала места в зале, мы с женой и ее подругой Юлей не теряли времени и в довольно активном темпе поглощали шампанское. Правда в какой-то момент я отвлекся от этого занятия, увидев несколько знакомых лиц. Одним из них был известный рок-журналист Илья Смирнов, с которым мы перекинулись парой фраз. Я сразу предупредил его, что фильм – полное фуфло, и вряд ли стоит относиться к просмотру серьезно. Смирнова мои слова несказанно удивили, может быть он даже принял их за шутку. Мы все, вообще, относимся к самому понятию кино слишком серьезно. Выражение «сняться в кино» в наших глазах выглядит весомо и солидно. Однако фильма «Тацу» это явно не касалось...

Тем временем зал почти полностью заполнился народом, и организаторы мероприятия решили, что пора начинать. Зазвучало некое подобие фанфар, свет

притух, и на сцену вышел ведущий. Сейчас уже не смогу припомнить всех нюансов происходившего, но говорилось много возвышенных слов, а Григорян в своей речи несколько раз многозначительно подчеркивал фразу «мы снимали кино». Апофеозом всей этой говорильни стал общий сбор на сцене всех главных участников события: режиссер и продюсер, актеры и, конечно, группа «Крематорий». Пригласить «забыли» только меня, и это было некрасиво, так как в титрах фильма я был указан как один из четырех главных персонажей. Ну да ладно! Мне было понятно, «откуда дует ветер», но на этот раз я был крайне благодарен за эту «забывчивость». Не в моих правилах гордиться тем, что я сам считаю откровенной чепухой.

Как я и предполагал, всеобщий торжественный настрой вскоре сменился скукой и недоумением зрителей. Я не знаю, краснели ли в темноте зала только что распиनावшиеся на сцене. Моей компании было весело. После значительной дозы шампанского идиотизм происходившего на экране превратился в некую веселую нелепость, а комментарии, которые я отпускал шепотом, вызывали истерический смех, который мы тщетно старались подавить. В общем, мы повеселились от души, и единственной неприятностью было то, что нам пришлось по очереди бегать в туалет, так как шампанское просилось на волю... После окончания фильма зрители отправились восвояси, а участники съемочного процесса с близкими друзьями направились в кафе первого этажа, где уже были накрыты столы. Около часа длилась легкая вакханалия, во время которой я успел пообщаться со всеми крематорцами кроме Армена. Находясь в небольшом зале с пятнадцатью столами, мы с ним просто не встретились. Как вы понимаете, это говорит о том, что у каждого из нас не было такой потребности.

ЭПИЛОГ

После ухода из «Крематория» я начал репетировать со своей новой группой. С названием мы не стали мудрить, обозвавшись по старому: «Дым». Очень скоро устаканился и окончательный состав: Костя Латышев (лидер-гитара), Андрей Устин (бас-гитара, бэк-вокал), Сергей «Пушкин» Пушкарев (клавишные) и Александр Дорофеев (ударные). Сам я пел и играл на акустической гитаре. Что касается музыки, которую мы начали играть, то она была гораздо более тяжелой, чем мои предыдущие проекты, и располагалась внутри треугольника столь любимых мною групп, таких, как «Led Zeppelin», «Deep Purple» и «Ozzy Osbourne». Конечно, углубляться в 1996 году в тяжелую музыку было абсолютно нелогично с коммерческой (да и любой другой) точки зрения, но я уже не думал о коммерции. Мне просто хотелось записать альбом своей самой любимой музыки. 18 ноября 1994 года новый состав группы «Дым» дал свой первый концерт на дне рождения самого первого московского рок-клуба «Sexton F.O.Z.D.». А вскоре началась работа над студийным альбомом «Мастер снов». Правда окончилась она лишь в марте 1996, а издан он был только в ноябре («MOROZ Records»). Вызвано это было тем, что во время работы в группе сменился гитарист: место Кости Латышева занял Григорий Моисеев. Кстати, в работе над альбомом поучаствовали еще несколько барабанщиков: Александр Торопкин («Кроссрудз»), Александр Федотов и Леонид Щербаков – каждый сыграл по песне... После презентации этого своего хард-рокового альбома я прервал музыкальную деятельность и занялся литературой, посвященной отечественной рок-музыке. В марте 1999 года

появилась моя книга «Легенды Русского Рока. Том I», а в самом начале лета 1999 года группа «Дым» начала запись своего третьего студийного альбома.

«Крематорий» после моего ухода записал следующие альбомы: «Текиловые сны» (1995), «Микронезия» и «Гигантомания» (1996), «Ботаника» (1997). Состав коллектива за эти годы сохранился без изменений, и это, видимо, свидетельствует о том, что всех участников устраивает нынешнее положение в группе.

В 1995 году увидел свет еще один компакт-диск группы «Крематорий» с названием «Unplugged». Удивительно, но даже после нашего недоброго прощания с Арменом он решил издать концерт акустического «Крематория» 1992 года, где кроме него играли уехавший в Израиль Мишка Россовский и я. Ему бы ничего не стоило записать акустический концерт «Крематория-95», но он понимал, что это будет менее интересно, чем запись фундаментального крематорского трио. Поэтому данная запись все таки была издана, правда программа концерта подверглась кастрации – мои песни Григорян попросту выкинул. Когда-то его собственные записи кастрировала фирма «Мелодия», теперь он сам так же беспардонно обращался с чужими песнями. Достойная метаморфоза для кумира молодежи.

В августе 1998 года вышел двойной CD-ROM «КРЕМАТОРИЙ. Между Небом и Землей», обозначенный его производителем фирмой «Акелла» как «мультимедийная энциклопедия». Это приятно оформленное и грамотно построенное, с компьютерной точки зрения, издание, включившее все альбомы и массу интересных видеоматериалов, к сожалению, имеет существенный, перекрывающий все положительные стороны недостаток. Содержимое его литературно-исторической части, по существу,

содержит лишь одну из точек зрения (что недопустимо для энциклопедии), а также изобилует огромным количеством ошибок и даже смысловых «белых пятен». Да и уровень музыкальной компетентности писавшего этот текст находится под большим вопросом. Боюсь, все вышеперечисленное помешает данному CD-ROM'у стать истинной энциклопедией для крематорского фана...

В ноябре 1998 года состоялся концерт, посвященный пятнадцатилетию группы «Крематорий»... Накануне мне позвонила Ольга Жигарева, второй по счету директор «Крематория», и спросила, пойду ли я на этот концерт. Увы, пришлось ответить ей, что я узнаю о его проведении лишь из ее уст. В то время как все группы отмечают свои памятные даты, забыв бывшие обиды и помня только хорошее, Григорян не пригласил бывших участников команды и даже своего соавтора по созданию группы «Крематорий»! Он вообще решил, что сделал все сам. Бог ему судья, но у людей тоже есть память...

Кстати, в одном из интервью («Новые известия», № 154 от 19 августа 1998 г.) Григоряну был задан вопрос: **«Как ты определил, что осенью группе исполнится именно 15 лет?»**. В ответ Армен заявил: **«В ноябре 1983-го в Театре имени Маяковского мы начали запись первого магнитофонного сборника из 13 песен. Конечно, какие-то концерты, события, тусовки происходили уже с 77-го, но запись, после которой возникло название «Крематорий», произошла именно в Маяковке»**. Ай-яй-яй! Разве можно допускать столько ошибок всего в двух предложениях? Во-первых, группа «Атмосферное давление» – предтеча «Крематория» – никогда не давала концертов и выступала только на танцевальных вечерах и свадьбах. Во-вторых, в студии Театра им. Маяковского во время самой первой сессии было записано не 13, а 14 песен. И, в-третьих (а это – самое

главное!), запись первого крематорского альбома «Винные мемуары» происходила с 5 по 9 января 1984 года, а не в ноябре 1983-го, как утверждает Армен. Конечно, эрудированные меломаны могут возразить мне, что на альбоме «Винные мемуары» стоит знак 1983. Да, это так. В свое время мы поставили эту цифру, исходя из того, что готовились к записи еще в 1983-м, а производили ее в самом начале 1984-го. Но тогда это была маленькая неточность, а сейчас – уже преднамеренное искажение действительности. Так что правильнее было бы отмечать 15-летие именно 9 января (кстати, это день «кровавого воскресенья»). Но группа «Крематорий», как всегда, поторопилась с юбилеем. Что ж, компенсировать их ошибку придется мне! Итак, посвящаю эту книгу 15-летию образования группы «Крематорий»!

Москва. 9 января 1999 г.

P.S. Мне бы очень не хотелось, чтобы у кого-нибудь из читателей сложилось впечатление, будто автор преследует какие-то корыстные цели, излагая события под выгодным ему углом зрения. Поверьте, это не так. Прежде всего мне хотелось максимально точно (а значит правдиво) изложить все, что происходило внутри группы «Крематорий» и вокруг нее. Увы, жизнь любого коллектива – как и отдельного человека – состоит не только из положительных сторон. И хотя проблем внутри группы всегда хватало, мне кажется, что хорошего все равно было больше чем плохого. Очень хочется, чтобы изложенная в книге история послужила каждому участнику тех событий поводом для самоанализа и не стала причиной новых взаимных претензий и тем более конфликтов...

Примечания

1

Алкогoль в те времена начинали продавать лишь с 11 часов дня.